

Яков Михайлович Агарунов

ВОСПОМИНАНИЯ

Яков Михайлович Агарунов

ВОСПОМИНАНИЯ

Книга I
Краткая автобиография

Баку-2021

Яков Михайлович Агарунов

«ВОСПОМИНАНИЯ» Книга I Краткая автобиография, Баку: изд-во «OL» ММС, 2021. – 220 с.

В книге представлены автобиография Якова Михайловича Агарунова, видного государственного и политического деятеля советского периода, представителя небольшого народа – горских евреев Азербайджана, а также и обширные комментарии составителя, разъясняющие и дополняющие множество отдельных моментов из жизни автора.

Якову Агарунову посвящено множество научных, публицистических и энциклопедических статей. Сам автор также издал две книги воспоминаний. Это – «Нефть и Победа» (Баку, 1991) и «Большая судьба маленького народа» (Москва, 1995). Приведенные здесь автобиографические записи дают более полную и более эмоциональную характеристику его деятельности, так как все различные перипетии в его жизни не были так подробно известны его биографам.

В книге опубликована лишь та часть рукописи о жизни и работе в Азербайджане (Куба, Баку) и в России (город Куйбышев), которая была позволена самим автором в его заметках к рукописи автобиографии.

Думается, что эта книга внесет значительные дополнения как в родословную многих семей горских евреев Азербайджана, так и в оценку их роли в развитии культурной и экономической жизни страны. Но самое главное, она дополнена многими интересными фактами из жизни самого автора, сыгравшего определенную роль в развитии культуры, языка и письменности родного народа, а также и в сфере организации управления нефтяной промышленности страны в труднейших условиях военного времени в годы Второй мировой войны. Поэтому книга имеет не только познавательный, но и значительный научно исторический интерес.

ISBN 978-9952-8389-8-5

© Михаил Яковлевич Агарунов, 2021

© «OL» ММС, 2021

От редакции

АГАРУНОВ Яков Михайлович (25.04.1907 – 31.05.1992), известный политический, государственный и общественный деятель, уроженец Красной Слободы Кубинского района Азербайджана, прошел путь от секретаря комсомольской ячейки в 1921 году до руководителя одного из крупнейших нефтяных районов СССР.

Яков Агарунов сыграл огромную роль в развитии культуры горских евреев. Его имя ещё при его жизни вошло в Краткую Еврейскую Энциклопедию, изданную в Иерусалиме, а также и в Российскую Еврейскую Энциклопедию. Он был организатором и участником мероприятий по развитию культуры, грамотности, образования и улучшению условий жизни горских евреев Азербайджана. Яков Агарунов явился автором нового горско-еврейского алфавита, положившего начало появлению горско-еврейской письменности, художественной, политической, научной и учебной литературы. Он был редактором республиканской газеты «Коммунист» (1934–1938) на горско-еврейском языке и заместителем директора Государственного издательства «Азернешр» по изданию литературы на родном языке.

Яков Агарунов вошел в историю как человек, обладавший незаурядными организаторскими способностями. Именно за эти качества его в мае 1938 года избирают первым секретарем Городского райкома партии Баку. А в 1939–1941 годы он был первым секретарем Орджоникидзевого райкома партии Баку (Сураханы), самого

крупного нефтедобывающего района Республики. И с тех пор вся его дальнейшая деятельность связана с руководством нефтяной промышленностью. За кратчайший срок под руководством Я.М. Агарунова Орджоникидзеvский район стал самым передовым нефтяным районом СССР. Я.М. Агарунов награждается орденом Трудового Красного Знамени.

В канун Великой Отечественной войны была учреждена должность секретаря Бакинского горкома партии для руководства нефтедобычей, и на эту должность назначают Я.М. Агарунова. В первый же год войны нефтяники Баку дали стране рекордную добычу – 23,5 млн т нефти. Я.М.Агарунов за образцовое выполнение задания правительства награждается орденом «Знак Почета».

Осенью 1942 года, когда над Баку нависла реальная угроза оккупации, более 10 тыс. бакинских нефтяников были перебазированы на освоение нефтяной целины в районы Поволжья и Урала. Яков Агарунов проявил себя и как деятель союзного масштаба в области организации нефтяной промышленности страны. Он был назначен секретарем Куйбышевского областного комитета партии по нефтяной промышленности. Туда же были направлены более 5 тыс. бакинских специалистов. В первый же год (1943) нефтяники Куйбышева увеличили добычу на 42%, открыли и ввели в эксплуатацию новые нефтяные и газовые месторождения, построили первый в СССР дальний газопровод. За образцовое выполнение задания партии и правительства в условиях военного времени Я.М. Агарунов был награжден высшей правительственной наградой – орденом Ленина. Министр нефтяной промышленности СССР, ставший затем председателем Госплана СССР, Н.К. Байбаков назвал Я.Агарунова «одним из создателей отечественной нефтяной промышленности».

За период своей партийной работы Я.М. Агарунов неоднократно избирался членом ЦК КП(б) Азербайджана, был депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, делегатом многих партийных конференций и съездов, в том числе и делегатом XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в 1939 году в Москве.

После ухода на пенсию он продолжал заниматься разносторонней общественной и публицистической деятельностью, будучи членом Комитета Революционной славы Республики.

Яков Агарунов был удостоен звания Почетный нефтяник

СССР и персональной пенсии союзного значения. За свою многолетнюю активную общественно-политическую работу Яков Агарунов дважды в свои юбилейные даты (1977 и 1987 годы) был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Обе стороны своей деятельности Яков Агарунов отобразил в двух книгах своих воспоминаний:

1. «Большая судьба маленького народа» об осуществлении мероприятий по развитию культуры горских евреев в 30–40-е годы прошлого века.

2. «Нефть и Победа» о героических свершениях азербайджанских нефтяников в годы Второй мировой войны.

От составителя

В течение долгих лет мне не удавалось, вернее, я не решался публиковать автобиографические записи из архива Якова Михайловича Агарунова. Но, думаю, это время наступило. Все-таки Яков Агарунов считается одной из выдающихся личностей, вышедших из горско-еврейского народа, и его имя не должно быть забыто. И хотя ему и его биографии посвящено немало статей, для будущего исследователя весьма важным источником информации является его собственная автобиография, его собственная интерпретация своей деятельности, своих взглядов на все происходящее вокруг него, да и всей своей зрелой жизни. Исследователи его биографии интересуются, в основном, двумя направлениями его деятельности, которые дают помощь историкам в дополнительных сведениях в вопросах как истории развития нефтяной промышленности СССР в конце первой половины XX века, так и истории культуры горских евреев Азербайджана в XX веке. Эти оба основных направления деятельности всей своей жизни Яков Агарунов довольно подробно изложил в двух своих книгах – «Нефть и Победа» (1991 год) и «Большая судьба маленького народа» (опубликована мной уже после кончины автора в 1995 году). Они давно стали библиографической редкостью и вновь переиздаются в качестве приложения к его автобиографии.

Представленные сегодня его записи – это не просто его автобиография, это, в первую очередь, его воспоминания. И автор этих воспоминаний – не заурядный регистратор событий, происходивших вокруг него, а деятельный и активный их участник, личность, способная дать как субъективную, так и объективную оценку явлений того очень сложного периода, в котором ему предстояло жить.

Потому так кратко автор здесь описывает те два основных направления в своей деятельности, но больше уделяет внимание другим вопросам, которые как раз и могут ускользнуть от внимания его биографов. В связи с этим мне как человеку, прожившему рядом с ним более 55 лет и пережившему вместе с ним многие жизненные коллизии, пришлось снабжать его автобиографические воспоминания обширными своими комментариями. Они, эти комментарии, вынесены в отдельную часть книги в виде концевых сносок, а потому настоящее издание можно называть книгой в книге.

Автобиографические записи отца были предназначены лично для меня, чтобы я имел сведения о своей родословной и мог бы дальше продолжить и дополнять их уже своими записями для потомков нашего рода. Но на папке «Биография» рукой Якова Михайловича, видимо, уже в конце его жизни была сделана крупная по размерам надпись синим карандашом (отец к тому времени плохо видел):

«Миша! Внимательно читай! Кое-что о татской литературе можно обнародовать. Мысли нужные! Здесь два экземпляра».

А далее шла приписка авторучкой, наставляющая, чтобы я публиковал лишь то, что не связано с семейными подробностями. Я так и поступаю: публикую только ту часть текста, которую позволил автор. Потому и называю эту книгу «Краткой автобиографией».

Михаил Агарунов

«Яков Михайлович Агарунов является одним из создателей отечественной нефтяной промышленности» - так писал о нем Николай Константинович Байбаков, бывший председатель Госплана СССР, министр нефтяной промышленности страны, член правительства Советского Союза. И это подтверждается как официальными документами, партийно-правительственными решениями и постановлениями, так и огромным количеством хранящихся в архиве Я.М. Агарунова писем от нефтяников страны.

«Среди выходцев из Красной Слободы «Человеком № 1» является Яков Михайлович Агарунов» - так высказался глава еврейской общины города Кубы в Азербайджане Борис Симандуев. Следует отметить, что и до сего дня так считают жители Красной Слободы старшего поколения. Эти слова повторил и сын известного горско-еврейского партийного деятеля Бориса Зарбаилова. Он сказал мне на встрече с ним в 2011 году: «А ты знаешь, кто является человеком № 1 среди горских евреев? Человек № 1 из нашего народа – Яков Михайлович Агарунов. И ты, его сын, - говорит мне Альберт Борисович, - просто обязан написать книгу о нем и о его сподвижниках».

Михаил Агарунов

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ АГАРУНОВ

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Часть I

Родился я в 1908 году, 25 апреля, в городе Куба в так называемой Еврейской Слободе (ныне - Красная Слобода) Азербайджанской ССР, в семье крестьянина-садовника, впоследствии – колхозника. В действительности, как это видно из домашних записей моего отца, я родился в 1907 году в день праздника Пасхи. Но поскольку эти записи не могли служить официальным документом, а метрических свидетельств тогда не было, врачебная комиссия определила год моего рождения «1908»¹.

Мой отец Михаил Якуб оглы и три его брата вместе имели полученное ими в наследство от своего отца дом из трех комнат, полтора гектара сада и полгектара свободной земли, превращенной впоследствии их личным трудом в сад. К 1922 году умерли все три брата отца, и все их многочисленные семьи, состоявшие из детей и нетрудоспособных женщин, остались на попечении моего отца. Самым старшим из детей был я, и мне приходилось в раннем, почти детском возрасте помогать отцу в хозяйстве и выполнять некоторые работы в семье. Почти до 1926 года отец был вынужден брать деньги займы на процентных началах до нового урожая. Положение семьи облегчилось только с организацией кредитного товарищества и, потом, организацией колхоза. В 1931 году отец и его племянники со всем хозяйством вступили в первоорганизованный колхоз имени 28 апреля. Отец умер в декабре 1933 года, мать умерла еще раньше – в конце 1919 года.

Как и все горские евреи того времени, проникнутые религиозным духом, мои родители отдали меня в шестилетнем возрасте в религиозную еврейскую школу «нубохунда»¹. Я стал «талмидом»² — учеником, а моим «раби» — учителем — был раби Беньямин, ви-

¹ Нубохундэ (на джуури – языке горских евреев) - начальная религиозная еврейская школа для мальчиков. У ашкеназских евреев называется «хедер».

² Тэлмид (джуури) – ученик хедера.

димо, более прогрессивный, чем другие раввины (в синагогах он не служил). В будущем, в первые годы советской власти, он отказался от своего сана и стал преподавателем светской школы. С ним я встретился потом в зрелом возрасте, когда работал в городе Дербенте в редакции газеты «Захметкеш», на курсах учителей – горских евреев, организованных по моей инициативе. И он был «восхищен своим учеником».

Я хорошо помню свою учебу у него. У раби Бенъямина были длинные палки. Мы учились, сидя на «хасдили»³ – рогоже. Нас было 20–30 мальчиков, и его палки должны были быть такими длинными, чтобы можно было наказывать любого, даже из последнего ряда. Ко мне относился он хорошо, видимо, я прилежно учился, да и имя моих родителей, наверное, внушало уважение⁴. В течение шести лет я изучал «Турó»⁵ — Библию («Пятикнижие»), «Нови» (Пророки), «Раши» (Комментарии), «Мишно» и многое другое, в том числе и религиозные пения, и исторические произведения, которые очень мне нравились. Я не только свободно читал на иврите (древнееврейском языке), но также свободно переводил («тямиси»⁶) на горско-еврейский язык. Я мог бы сам быть раби, но в нашей семье это не было принято^{II}, да и «помешала» этому Апрельская революция в Азербайджане.

Конечно, в этой религиозной школе не преподавались уроки, которые помогли бы затем в выборе профессии или же для последующего повышения знаний. Однако я нисколько не сожалею о своей шестилетней учебе в ней, ибо они – эти уроки – оказались очень нужными в моей дальнейшей работе^{III}.

С 1915 года я начал учиться в русской начальной школе в Красной Слободе и окончил ее в 1919 году. В этой русской школе я учился одновременно с учебой в религиозной: до полудня – в русской школе, а потом – в религиозной школе. С удовольствием совмещал и прилежно учился. Меня тогда называли Якуб Михайлов

³ Хасдили (джуури) – рогожа

⁴ Наш род Агаруновых по мужской линии принадлежит к кознам – еврейским священникам, потомкам первосвященника Аарона, и Михаил Якуб оглы в соответствии со своим саном благословлял молящихся в синагоге. Прим. М.А.

⁵ «Турó» – так на языке горских евреев называют Тору.

⁶ Тэмиси (джуури) – перевод на другой язык.

(по отцу), потом Якуб Якубов (по деду)^{IV}, а потом, уже после установления Советской власти, – Яков Михайлович Агарунов. Моими первыми педагогами в русской школе были Дарвин Галилов (горский еврей из Махачкалы) и его жена Турундж Галилова (также родом из Махачкалы)^V. Позднее, в 30-е годы, мы уже встречались на разных началах – он был заместителем наркома РКМ Азербайджанской ССР, а я – ответственным инструктором ЦК КП Азербайджана. Но тогда, в 1915-1916 годах, он оказал мне неоценимую услугу. Я был несколько косноязычен: звук «к» выговаривал, как «т», а звук «г», как «д». Он долго трудился надо мной, делал различные эксперименты и в конце концов выправил мое произношение, за что я ему очень и очень благодарен. В 1916-1917 годах нашим педагогом был несколько месяцев Багиров Мир Джафар, ставший потом первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

Из периода тех лет остались в моей памяти некоторые моменты, которые, видимо, потом сыграли свою роль в моем становлении. В связи с февральской революцией 1917 года и свержением самодержавия мы все – ученики школы – вышли на демонстрацию во главе с нашими педагогами и пели песни освобождения. Эта перемена была чувствительна не только в школе, но и в доме, и в жизни самой Слободы. Везде заметны были ликование и в то же время тревога: а кто же возглавит власть? Появились новые деньги – «керенки». Через несколько месяцев до нас дошли слухи о новом перевороте, о том, что большевики пришли к власти, в устах людей везде и всюду были: Ленин, Троцкий, большевики. Стали возвращаться с фронта солдаты со своими впечатлениями, мыслями, предложениями и комитетами. Многие называли себя большевиками. Жизнь стала кипеть. И мы – дети – невольно были слушателями этих волнительных бесед, предложений и лозунгов о революции, свободе и национальном равноправии.

Весною и летом 1918 года началась невероятная и непонятная нам тогда суматоха, стрельба днем, а еще больше – по вечерам. Появились националистические воинские части, которые боролись с местными большевиками, а они в основном были сосредоточены в Еврейской Слободе. На Слободу напали банды Алибека Зизикского (как тогда их называли – «лезгины»). Начались погромы, грабежи и резня. Были вырезаны целые семьи, не щадили и детей. Была выре-

зана и семья сестры нашего родственника Данила Миерова (мужа моей тети Хибо), а дом их был разграблен. Полностью был сожжен весьма большой и очень богатый дом Миеровых, и моя тетьа Хибо с мужем Данилом и детьми переселилась в наш дом. В течение недели наш дом с высокими стенами превратился в большую крепость, куда переселились многие наши родственники. По ночам на наш дом нападали «лезгины», требуя «покровителя большевиков» Данила, и мой отец и дядя через окно второго этажа бросали им деньги и другие драгоценности, и «лезгины» уходили. В городе появились отряды Амазаса (так наши его называли, а по-настоящему - Амазасп), и местные большевики вначале с радостью примкнули к ним, принимая их за войска большевиков. А потом «Амазас предал их», он оказался дашнаком. И началось кровопролитие. Отряды Амазаса в городе Кубе с одной стороны, а «лезгины», точнее банды Алибека Зизикского на сырте⁷ – с другой стороны вели перестрелку между собой, а между ними в ложбине находится Еврейская Слобода, жители которой страдали и от тех, и от других. По вечерам «лезгины» нападали на жителей Слободы и совершали свои гнусные дела. В нашем доме не было ни одной спокойной ночи. Наконец, в тревоге, со слезами, чтобы не подвергать опасности и других, Данил со своей семьей темной ночью, сам переодевшись в женское платье, тайком уехал от нас неизвестно куда. Погромы не прекращались. Весь уезд был охвачен гражданской войной, и наша семья в числе других стала собираться уезжать, вернее, бежать в Хачмас. Для всех нас были изготовлены чарыхи. Надо было идти двадцать шесть верст, и вечером, оставив свой дом и имущество, с небольшим скарбом на арбе двинулись в путь – в сторону Хачмаса.

Для того чтобы более полно представить весь ужас того бегства практически целого поселка, опишу это подробнее.

Шоссейная дорога Куба — Хачмас была заполнена такими же беженцами, как и мы. Это было невиданное, неслыханное и страшное зрелище: толпы людей разных возрастов шли пешком, как стадо баранов, с ними – их имущество на арбах, фургонах и ишаках. Шли сначала уныло, а потом как будто все сразу заговорили, кто с кем и

⁷ Сырт – название вытянутой широкой плоской возвышенности на левой стороне Слободы в сторону Кусаров, от Слободы до селения Дигях.

о чем – непонятно. Вначале я ехал на нашем фургоне вместе с двумя маленькими сестрицами и нашей очень полной, грузной бабушкой. Потом мне пришлось сойти с фургона и идти пешком. Несколько раз мама меня брала на спину, но, видимо, и ей было тяжело. Пришлось всем идти пешком. Иногда толпа останавливалась, чтобы немного отдохнуть, а потом опять шли все вместе. У каждого были свои заботы, свои думы, но шли вместе. Все вначале было спокойно, никаких приключений в пути. Но вдруг примерно в 8–10 верстах до Хачмаса толпа беженцев в тревоге подалась назад, с передних рядов до нас дошли какие-то крики и страшное, давно ожидаемое волнение: на нас напали банды шихлярских беков. Где напали, кто их видел – неизвестно. Одиночные выстрелы были, но не более. В темную ночь этот вопль производил на уставших обреченных беженцев страшное впечатление. Толпа подала еще назад, и все время – лишь вдоль по шоссе, так как с правой и левой стороны шоссе – хандаки (канавы), а за ними – небольшие кустарники, и, может быть, там засели бандиты. Поэтому все держались густо, вместе и только на шоссе. Потом, спустя короткое время, вновь все подались вперед и пошли. Чтобы описать этот момент страшного волнения, не хватает ни умения, ни слов. Мы шли в страхе чуть наклонно – вниз к какому-то оврагу, а потом начался подъем. Видимо, здесь, в этом овраге, и произошло нападение бандитов, или же именно здесь ожидалось какое-то нападение. Поэтому все, не оглядываясь, быстро проходили это страшное место. И когда небольшой подъем кончился и страх немного прошел, я пришел в себя и оторопел: около меня, рядом со мной нет моих родителей, нет нашего фургона. Мне вначале показалось, что я шел очень быстро, а мои родители отстали, и поэтому пошел назад, вернее, побежал, насколько позволяли мои чарыхи, до того страшного места. Но дальше – духу не хватило. Так же бегом вернулся обратно, побежал вперед. Моих родителей нет. Ночь темная, тяжело идти. А еще труднее – видеть. Я кричу, зову своих родителей – никакого отклика. Вернее, откликов много, как будто все кричат, все зовут, все отвечают, а кто кому – неизвестно. Ужас охватил меня, дрожь пошла по моему телу: я потерял своих родителей, в эту темную ночь, вдали от дома, на шоссе среди этой разношерстной незнакомой толпы, окруженной бандитами, я, десятилетний мальчик, остался без родителей. И тогда я заплакал и

шел, еле волоча ноги, горько чувствуя свое безвыходное положение. . .

Стало чуть-чуть рассветать. Я поднял голову, и вдруг напротив меня вдали – моя мама, но почему-то очень высокая, с раскрытыми объятиями, и я бегу к ней, бегу насколько это возможно в толпе. Еще более рассветает, и. . . оказалось, что это – чинары, знаменитые хач-масские чинары в образе моей мамы. Мучительно усталый, в страхе за свою судьбу, с ногами, израненными чарыхами и опухшими от долгой ходьбы пешком, я к утру вместе с толпой беженцев дошел до Хачмаса. Вся огромная привокзальная площадь была заполнена беженцами.

После невероятных мытарств, окончательно измученный, я нашел своих родителей. Жили и спали, как и все беженцы, под открытым небом. И только через два дня в товарном вагоне мы выехали в город Дербент к тете. Здесь, в Дербенте, нас ожидала не меньшая беда. В разное время появлялись бечераховцы, турки, «деникинцы», искали среди нас большевиков, грабили, избивали. Арестовывали всех мужчин, в том числе и отца. По ночам мы уходили из дому и скрывались в подвалах или на чердаке лимонадного завода. Помню, как один из местных жителей, с горбом, ворвался ночью в наш двор и сильно избил моего дядю как «проклятого большевика», и как днем другой, кажется, «деникинец», ранил у ворот из винтовки в ногу сына тети, и тоже «как большевика».

Потом я узнал, что эти мои дербентские родственники действительно были участниками большевистских отрядов.

Через несколько месяцев, когда установилась более спокойная обстановка, мы вновь вернулись в Кубу, и я стал продолжать учебу.

В 1919 году, в августе, после окончания начальной школы, родители решили отправить меня в город Баку к родственникам (в Баку жили моя тетья по отцу и дядя со стороны матери) для поступления в гимназию (на углу бывшей Гимназической⁸ улицы и улицы Гоголя). Но мне в приеме отказали «как иноверцу, для которых был установлен определенный процент». А этот процент, как мне ответили, был к тому времени уже исчерпан^{VI}. Но я остался жить у тети. В конце 1919 года, зимою, я получил от родных страшное известие:

⁸ Гимназическая улица – ныне улица Толстого (с 1928 года).

во время родов скончалась моя мать (она родила 12 детей, и к тому времени в живых было только трое – я и две сестры). Горе меня сломило, но в то же время я стал чувствовать себя более взрослым, чем на самом деле я был. К родным не уехал, остался в Баку и искал утешения, шагая по шумным улицам города, часто бывал на площади Свободы, называемой ныне сквером Азадлыг. Я был очевидцем исторических перемен, которые произошли в ночь с 27 на 28 апреля 1920 года, – свершения Апрельской социалистической революции и установления советской власти в Азербайджане. Накануне я был на указанной выше площади, когда готовились к чему-то важному, маршировали красноармейцы на вокзале при появлении частей XI армии, видел исчезновение погон и других атрибутов прежней власти. Рядом с нашей квартирой на Татарской улице⁹ разместился советский уголовный розыск, и вся эта борьба с контрреволюционерами происходила у нас на виду. Сам я с утра до поздней ночи проводил время в клубе рабочей молодежи по ул. Гоголя, угол улицы Гимназической, слушал многочисленные доклады, беседы, революционные лозунги, театральные инсценировки и, по существу, незаметно для себя, сам стал активным участником этих собраний. Перед глазами открывался неизведанный мир, который постепенно покоряет мое юношеское воображение, будит фантазию. Хочется творить, но что? Из всех многочисленных революционных плакатов особенно мне понравился плакат «Царь, поп и богач». И вот под впечатлением того, что пережил в годы гражданской войны, того, что слышал и видел на собраниях в городе Баку, написал первую на горско-еврейском языке пьесу под названием «Царь, поп и богач»¹⁰, показывая, как они именем Бога угнетали трудящихся. С этим багажом я вернулся в Кубу.

В экспропрированном новой властью трехэтажном доме купца первой гильдии Красной Слободы, превращенном в клуб, находился полк красноармейцев. С этой пьесой и мыслями об организации союза молодежи я со своими сверстниками обратился к

⁹ Татарская улица впоследствии стала называться улицей Крупской (с 1939 по 1992 год), ныне улица Алимардан-бека Топчибашева (с 1992 г.)

¹⁰ “Pađşoh, rabi və hoşir” – так эта пьеса называлась на джуури.

командиру полка Парахину. Радуюсь нашему появлению, он создал все возможные условия для нашего любительского кружка. В беседах разъяснял нам цели и задачи союза молодежи и направил письмо в ЦК комсомола. 10 июня 1920 года при участии представителя ЦК Аз. КСМ Церковникова была оформлена первая комсомольская ячейка в Красной Слободе, и я был избран секретарем этой ячейки. А участникам любительского кружка начали выдавать рабочие пайки.

Это было за полтора месяца до созыва Первого учредительного съезда комсомольских организаций Азербайджана (июль 1920 года).

С этого периода, то есть с 10 июня 1920 года считается мой комсомольский стаж и стаж трудовой и общественной работы^{VII}.

Все пережитое мною подростком в годы гражданской войны и в первые дни апрельской социалистической революции в городе Баку стало моей «путевкой в жизнь». Еще не понимая до конца всего, что принесла с собой в Азербайджан апрельская социалистическая революция, я душой и сердцем был с этой революцией, с молодой советской властью, юношей, рожденным этой революцией, для этой революции. Я был тогда очень юн (13 лет), но я рано повзрослел, рано стал думать и разбираться в условиях жизни. И сегодня, в свои шестьдесят лет^{VIII}, я не скрываю, что горжусь тем, что не свернул с дороги, на которую вступил 13-летним мальчиком.

Я выступал на собраниях, митингах, а они происходили каждый день, выступал с зажигательной, агитационной речью, призывал к поддержке новой жизни (тогда мы все выступали без записей и даже без конспектов), и мне аплодировали и даже в конце говорили: «Спасибо, хорошо сказал!». Я смущался, когда взрослые люди, семейные, вполне серьезно советовались со мной о своей судьбе, задавали мне вопросы, ожидая требуемого им ответа, доверяли мне. И я самой обстановкой и моим положением вынужден был днем и ночью работать над собой: читать и читать, учиться, чтобы находить правильные ответы на задаваемые вопросы. И даже когда мои ответы или советы мне самому казались не вполне отточенными, люди уходили довольными, выражая мне свою благодарность. Признаюсь, я считал себя тогда очень счастливым, то есть полезным и нужным.

Начался период кропотливой и весьма увлекательной работы.

Вначале эта работа носила характер культурно-просветительский, санитарно-гигиенический, антирелигиозный, против вредных обычаев и адатов, за раскрепощение женщин. Но поскольку вся эта работа, проводимая с невиданным энтузиазмом и с вовлечением широких слоев, не могла не задевать «господствующую» тогда часть общества – купцов, раввинов и их прихвостней, постепенно она превращалась в политическую классовую борьбу, правда, не вполне еще нами, подростками, осознанную.

Началось дело с организации большой сети ликбезов¹¹ (педагогами были мы сами – малограмотные комсомольцы), создания в клубе разных увлекательных для молодежи кружков. Стали заниматься политическим воспитанием молодых сил, втягивали молодежь в политическую борьбу, организовывали кружки политграмоты, сами учились, учили других. Острие нашей борьбы было направлено против эксплуатировавших население купцов, спекулянтов, картежников, ростовщиков, самогонарения, против феодальных отношений: многоженства, калыма, обручения и выдачи замуж малолетних девочек, против мешающих нормальной жизни религиозных обрядов и обычаев и многих других уродливых фактов тогдашнего быта. Мы действовали сами и пропагандировали не соблюдать отдельные реакционные религиозные обряды, отвергали запрет не работать, зажигать огонь или курить в субботний день^{IX}, мы пропагандировали товарищеское общение с девушками, совместное обучение их в школе с мальчиками. Долгие месяцы не могли привлечь в клубы женщин и девушек. Поэтому нам, парням, приходилось на сцене исполнять и женские роли.

В нашей небольшой Слободе с населением в шесть-семь тысяч человек действовали одиннадцать синагог, по числу кварталов – «махалла». Много пришлось трудиться, чтобы освободить молодежь от фанатизма и мракобесия раввинов, от религиозного дурмана. Некоторые молодые раввины под влиянием нашей пропаганды отказались от своего сана и стали педагогами первых светских школ, предварительно обучившись на кратковременных курсах учителей. А один из них даже систематически выступал на

¹¹ Ликбезами назывались различные кружки, группы, школы по ликвидации безграмотности среди населения, независимо от возраста обучавшихся.

сцене с разоблачением фарисейства раввинов. И синагоги через несколько лет стали действовать только в двух помещениях, а остальные были самими жителями на слободских сходах переданы и превращены в аптеку, кинотеатр, ковровую и чулочную мастерскую, мебельную фабрику, куда для работы было привлечено много мужчин и женщин. И это тоже немаловажный фактор: многие люди были трудоустроены, обрели заработок. Помощниками комсомола, его орудием явились стенгазеты, массовая читка газет, драмкружок и другие кружки, посредством которых стихами, куплетами, песнями, декламациями, шаржами бичевали пороки старого общества и разоблачали их носителей, пропагандируя новые, революционные идеи.

«Верхушка» общества за все это нас – комсомольцев – ненавидела, ненавидела даже за попытку ходить без головного убора, поносили нас, пытались иногда просто растерзать. Они всячески игнорировали советские законы. В годы НЭПа многие неустойчивые ушли из комсомола, увлекшись торговлей. Зато в комсомол шли батраки, бедняки, ремесленники, но уже сознательно и окончательно.

Я, как секретарь комсомольской ячейки и руководитель драмкружка, был увлечен этой многогранной и интересной работой. Писал статьи в стенгазеты, стихи, куплеты по ночам при керосиновой лампе, пьесы (после впервые на горско-еврейский язык перевел пьесу «Аршин-мал-Алан»^х), сам учился и руководил политкружками.

Для комсомольцев тех лет не было ни одного участка, к которому они относились бы безразлично.

Приведу запомнившийся факт из разносторонней нашей деятельности.

После установления Советской власти как везде, так и в Красной Слободе организовалась кооперативная торговля. Как-то стало известно, что ночью полностью был ограблен большой мануфактурный магазин кооператива. Почему не частный магазин, а именно кооперативный магазин? Мы в этом факте видели не только просто воровство, но и классовую борьбу, борьбу частников против кооператива. Милиции были известны воры, орудовавшие в Красной Слободе. Она их арестовала, проверила, обследовала все места, где бы они могли спрятать краденое, но нигде ничего не нашла, и арестованные были освобождены ввиду отсутствия улик. Милиция тогда

была малочисленной, но зато у нас, комсомольцев, имелся свой штаб (вроде ныне существующих штабов дружин), и мы, руководители комсомола, были вооружены. В штабе решили обязательно разоблачить воров, а для этого направить к ним в группу своим «дозорным» самого незаметного нашего комсомольца. Долго ждали, пока он вошел к ним в доверие. Наконец ночью незаметно приходит ко мне наш дозорный и рассказывает о плане воров ограбить квартиру одного богатого гражданина Красной Слободы. В намеченное время несколько боевых комсомольцев вместе со мною заняли как в доме этого богача, так и вне дома исходные позиции, организуя прочную ловушку. Долго ждали. Наконец воры, впереди — их руководитель, тихо и украдкой появились, и мы их всех арестовали.

Руководитель воров с улыбкой признался, что комсомольцы оказались хитрее, что он знает, кто их предал, но он удивлен тем, почему именно здесь устроили засаду. Разве комсомольцы не против богачей? Мы ответили, что мы против богачей-купцов, но мы также и против воров. И нас сейчас интересует, где товары мануфактурного кооперативного магазина. После долгих споров, допросов утром он повел нас показать, где эти вещи спрятаны. Он вел нас в сторону одной из синагог. Мы почувствовали подвох, но он упорно шел туда. Мы все вошли в синагогу, и он на чердаке синагоги показал нам всю ворованную мануфактуру. Это было невиданной сенсацией. Это — в храме, где «витают» дух Бога? Почему Бог не покарал жуликов? Или же это — союз синагоги с ворами? В общем, это было ударом не только по ворам, но и сильнейшим аргументом в нашей антирелигиозной деятельности.

Почти с первого же дня нашей комсомольской работы мы стали вести широкую пропаганду по воспитанию комсомольцев, а через них — и населения, в духе интернационализма, дружбы народов, разоблачая всякие попытки насаждения национального антагонизма или ненависти. Материала исторического, фактического у нас было много и для иллюстрации, и для сравнения с тем, что было до революции, что предпринимается после революции. Мы хорошо знали, что при царском режиме люди еврейского вероисповедания не имели права и возможности жить в больших городах и по-человечески развернуться, а в Москве и в Петербурге не имели права жить более трех суток. В других городах их жизнь ограничивалась в рам-

как изолированного поселка – гетто. Кроме того, частые погромы и другие издевательства, вроде установления ограничительного процента в учебных заведениях для них и т.д. – все это было целой задуманной и разработанной государством системой национального угнетения и унижения.

Мы пользовались также и местными фактами: сама Слобода – это по существу гетто, и слободская молодежь не имела возможности свободно и беспрепятственно подниматься в город Куба – в Гала¹². Там зачастую их избивали, над нашими женщинами издевались, вражда выражалась и в трагических событиях, даже в убийствах, не говоря уже о правовых нормах. Очень часто городская и слободская молодежь дрались между собой камнями, и дело доходило до кровопролития. Я сам был несколько раз участником таких драк. Городская молодежь спускалась к своему берегу реки, мы – к своему. Река была не такая широкая, как сейчас, и через реку кидали друг в друга камни. Это была не игра, а настоящая драка. И у них, и у нас были руководители, так называемые десдебашы¹³, и много хороших стрелков – метателей камней. Один раз наш стрелок угодил камнем в глаз стрелка враждебного лагеря. Это бывало часто, но на этот раз пострадавшим оказался сын самого крупного купца-мануфактурщика Шейх-Гасана. А это могло кончиться большим скандалом. Тогда главное духовное лицо и самый крупный купец Слободы пошли на поклон к Шейх-Гасану, просили у него прощения и добились мира. Да и недавние исторические факты: погромы, грабежи и резня в Слободе, наше положение в качестве беженцев! В общем, фактов было очень и очень много. А сейчас – после установления Советской власти – стало все иначе: нас называют нацменами, что значит маленький народ, в прошлом отсталый и бесправный. В связи с этим государство идет для нас на многие уступки, устраивает льготы, создает нам более благоприятные условия по сравнению с другими народами. Теперь представители городской молодежи идут к нам не для драки, а для того, чтобы изучать наш опыт комсомоль-

¹² Гала́ (азерб., джуури) — крепость. Так называли слободчане центральную часть города Кубы. В связи с тем, что она находилась на возвышенном берегу реки, то обычно говорили: «Я поднялся в Гала».

¹³ Дэсдэбашы (азерб.) — глава, руководитель какой-либо группы людей

ской работы, а вожаки нашей молодежи сидят в президиуме собрания молодежи в городе. В состав 7–9 членов президиума уездного комитета комсомола, т.е. верховного органа комсомола всего кубинского уезда, входил и я – представитель Слободской молодежи. Таких примеров сегодня уже было много во всей нашей жизни.

И когда в 1922 году к нам приезжали из Баку представители Евкома, чтобы «завоевать» нас, привлечь на свою сторону, «как прекрасную базу», мы дали им такой отпор, что они на следующий день удрали, а через несколько месяцев этот Евкомол совсем прекратил свое существование. Евкомол – это Союз еврейской коммунистической рабочей молодежи. Существовала тогда в первые годы советской власти даже ЕКП – Еврейская Коммунистическая партия. Мы как интернационалисты были против разделения союза молодежи по национальному признаку.

Высокий революционный дух проявили наши комсомольцы тех лет в острой борьбе против малOVERов и капитулянтов, правых оппортунистов и, как тогда их называли, национал-уклонистов.

В начале 1926 года в газете «Правда» появляется нашумевшая тогда статья Ю. Ларина «О кубинских невестах». Дело в том, что с первого же дня советской власти велась борьба за равноправие женщин, против многоженства и выдачи замуж малолетних девушек. А у нас в Слободе выдавали замуж даже 13–14-летних девочек, вернее, продавали их. И даже не спрашивали их согласия. Советская власть установила минимальный возраст тогда в 16 лет для вступления в брак девушек, и, чтобы не нарушать этот закон бракосочетания, необходимо стало проходить обязательную регистрацию в ЗАГСе с предварительным медосмотром как жениха, так и невесты, с целью подтверждения возраста, а также во избежание заразных или эпидемических заболеваний.

Это было не в пользу представителям духовенства, и они всякими ухищрениями противостояли этому закону советской власти. И вот им попал в руки козырь, и они ловко им воспользовались против советской власти.

Тогда еще в Слободе не было ЗАГСа и такого лечебного учреждения. Поэтому наши женихи и невесты ходили в город. И вот случилось такое, что один из врачей – мужчина Адамян – во время

одного такого медосмотра вел себя нагло, пытаясь задеть честь одной из девушек. Имело ли это место или нет, но шум был большой, на всю страну: невероятная провокация.

Вообще было ненормально, что девушек-невест осматривал мужчина-врач, да еще в то время. Но тогда не хватало женщин-врачей.

В Москве Политбюро ЦК поручило разобрать эту статью Серго Орджоникидзе – тогда первому секретарю Закавказского Краевого Комитета партии, и по его поручению приехали к нам тов. Мусабеков – председатель Совнаркома Азербайджанской Республики и тов. Караев – секретарь ЦК АКП(б). В беседе мы высказали им свои соображения по этому вопросу, сказали о том, что духовенство довольно умело использовало этот очень неприглядный факт против законов советской власти, и выдвинули предложения об административной единице¹⁴.

Через несколько месяцев – летом 1926 года – Красная Слобода выделилась в самостоятельную административную единицу с созданием районного совета депутатов трудящихся, со своими отделами, в том числе и со своим ЗАГСом, то есть все правовые вопросы были переданы местному совету. А председатель этого райсовета выбирался обязательно в состав АзЦИКа – верховного советского органа республики и даже кандидатом в члены президиума АзЦИКа. И так продолжалось до войны.

Вот так правильно был тогда решен по нашей инициативе вопрос в отношении Красной Слободы^{ХI}

В сентябре 1921 года ЦК АЛКСМ создал в Еврейской Слободе районный комитет комсомола, и я был избран техническим секретарем и членом президиума этого райкома, где и работал до его формирования – до июля 1922 года.

После этого я стал помогать своему отцу в восстановлении его разрушенного садоводческого хозяйства. В 1923 году на Кубинской уездной конференции комсомола я был избран членом Уездного комитета комсомола, а на пленуме – членом президиума этого Укома комсомола. С того времени до 1931 года, исключая годы учебы, состоял по выбору членом президиума Укома, потом Окружкома ком-

¹⁴ Более подробно «Дело о кубинских невестах» изложено в книге Якова Агарунова «Большая судьба маленького народа» (М., «ЧОРО», 1995 г.)

сомола и его представителем в разных организациях, членом уездной конфликтной комиссии.

Все дни моей молодости были поглощены работой по воспитанию молодежи, и вместе с тем сам я рос и закалялся в этой работе, в этой борьбе. Но я рвался на солидную учебу. В 1922 году я записался в военное училище и поехал в город Баку, но меня вернули обратно, так как мне не было даже 16 лет. В августе 1923 года уже Кубинский Уком партии направил меня в город Баку на учебу в Рабфак. Меня опять не приняли, и опять как несовершеннолетнего. Но ЦК комсомола направил меня на курсы вожатых пионеров, которые помещались в доме рабочей молодежи г. Баку. По окончании курсов я возвратился в Кубу, организовал отряды юных пионеров и до сентября 1924 года был председателем Горрайбюро пионеров при Укоме комсомола и секретарем коллектива КСМ в Красной Слободе. В августе 1924 года я вновь был направлен на учебу в Рабфак г. Баку. На этот раз я был принят и учился до лета 1926 года.

Во время летних каникул, чтобы немного заработать себе на пропитание, работал деловодом Райсовета в Красной Слободе. В сентябре 1926 года я вернулся в Баку продолжать учебу в Рабфак, но здесь мне объявили, что мне в числе и многих других студентов стипендии дальше платить не будут. А без стипендии учиться было невозможно, работу в Баку для меня тогда нельзя было найти, других источников дохода я не имел, и я вынужден был ввиду трудных материальных условий временно оставить учебу и вернуться в Кубу. Здесь я стал работать десятником Водного округа, а через два месяца – заведующим юношеской секцией Укома комсомола в Красной Слободе. Одновременно был секретарем коллектива комсомола.

На руководящей комсомольской работе я оставался вплоть до 1930 года.

Наряду с комсомольской работой я, разумеется, принимал активное участие в общественной жизни, а уже с 1926 года, с первого же дня организации Райсовета исполкома трудящихся, я был избран членом райсовета, членом президиума райсовета, председателем ревкомиссии райсовета, председателем культсекции и т.д.

В мае 1927 года, будучи секретарем комсомольского коллектива, партячейкой Красной Слободы и Кубинским Уездным комитетом компартии я был принят кандидатом в члены компартии по II

категории (протокол заседания Кубинского укома АКП(б) от 13 мая 1927 года №12), а в мае 1928 года теми же организациями – членом коммунистической партии.

В сентябре 1927 года Центральным Комитетом КП Азербайджана, Совнацменом и Наркомпросом Азербайджана я был командирован в Москву делегатом на Первое Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди татского (горско-еврейского) населения, созванное Нацменсектором ЦК ВКП(б) и Наркомпросом РСФСР. Руководила этим совещанием Надежда Константиновна Крупская. В своем докладе я выдвинул ряд проблемных вопросов. Некоторые из них были одобрены, в частности, после этого совещания каждый год в ВУЗах и техникумах РСФСР выделялось определенное количество мест специально для молодежи из горских евреев, с тем чтобы с некоторыми уступками в отношении знаний облегчить подготовку специалистов из числа молодежи нашего, все еще отсталого тогда народа. Это было серьезным актом, и я помню, пока я работал в Кубе, человек 30-40 в течение трех-четырех лет были направлены в ВУЗы и техникумы РСФСР, а также и Азербайджана для продолжения образования. Подбор молодежи производился из классовых позиций с учетом, конечно, образования, и состав утверждался комиссией Укома комсомола. В Москве этими делами занималось созданное там общество «Захметкеш». Его возглавлял бывший красный партизан, краснознаменосец, старый член ВКП(б) Исай Беньяминов.

После окончания совещания в Москве через Нацменсектор ЦК ВКП(б) я поступил на третий курс рабфака им. Артема в Москве. Стипендию в размере 20 рублей я получал в райкоме партии. По возвращении в Кубу (апрель 1928 года) я, как было сказано выше, был принят в члены партии и через несколько дней после получения партбилета был утвержден пропагандистом Кубинского укома компартии Азербайджана с условием, что вначале учебного года мне будет дана возможность уехать в Москву для продолжения образования в Институте им. Плеханова. Но, как в этих случаях принято говорить, «судьба решила иначе». И с тех пор, в течение почти 25 лет, я непрерывно работал на партийной работе, на разных выборных должностях, проходя практическую школу партийной работы с самых низших должностей до высших – от секретаря

партийной ячейки и пропагандиста Уездного комитета до секретаря обкома ВКП(б).

Итак, в сентябре 1928 года Кубинский обком партии не отпустил меня на учебу и письменно запросил для меня отсрочку на один год в связи с острой нуждой в партработниках «из местных»¹⁵, а в январе я уже женился и очень рано стал семейным, был обременен семьей.

Как пропагандист укома я побывал во многих селах Кубинского уезда¹⁶, расширялся мой кругозор, и познания у меня стали более обширные. В мае 1929 года по просьбе Дагестанского Обкома ВКП(б) я был командирован ЦК КП Азербайджана на работу заместителем ответственного редактора первой периодической татской газеты «Захметкеш», издаваемой в Дербенте. Наладив дела газеты, я в октябре того же года вернулся в Кубу и стал работать инструктором Кубинского Окружного комитета партии. 13 декабря 1929 года Дагобком ВКП(б) своим письмом за № 2220 обратился в Кубинский окружком АКП(б) и в ЦК АКП(б) с просьбой направить меня в Дербент на этот раз в качестве редактора газеты «Захметкеш», мотивируя свою просьбу тем, что «в данное время в Даге-

¹⁵ Яков Агарунов в своем письме (1992 год) в редакцию «Краткой Еврейской Энциклопедии» в Иерусалиме так вспоминает об этом своем выдвижении на ответственную партийную работу в 1928 году: «В 1928 году после получения образования в Москве я был принят в Кубе в члены Коммунистической партии и тут же выдвинут на руководящую партийную должность в Кубинском уездном комитете партии как горский еврей (было специальное решение Центрального Комитета Компартии Азербайджана о подготовке и выдвижении на партийные руководящие должности представителей из национальных меньшинств, в данном случае - из горских евреев). А в 1932 году я был выдвинут на работу в Баку ответственным инструктором ЦК Компартии Азербайджана. Это была очень ответственная и большая работа для 25-летнего молодого партийного работника. Но это выдвижение было связано не с национальной принадлежностью, а с поиском в то время людей с организаторскими способностями. Тем не менее я чувствовал, что руководители Азербайджана внутренне гордятся тем, что так быстро из испокон веков отсталого народа выдвинулся такой работник. Впоследствии из граждан еврейской Слободы находились на руководящих республиканских должностях 8 человек». Прим. М.А.

¹⁶ Кстати, в селении Кильвар Дивичинского района я находился почти месяц и много раз свои беседы с местными жителями вел на своем родном языке. Кильварцы по национальности – таты-христиане, меня неплохо понимали, так как говорят на татском языке, хотя в церкви молились на армянском.

стане нет подходящего работника для работы в газете на татском языке». На этот раз я не дал согласия и продолжал работать в Кубинском Окружке партии.

После ликвидации округов и создания районов в сентябре 1930 года я был избран и утвержден Центральным Комитетом КП Азербайджана (решение секретариата ЦК АКП(б) от 10.09.1930 года, протокол № 15) заведующим организационным отделом Кубинского райкома партии, где работал до марта 1932 года. Это была весьма ответственная должность. Тогда не было в Райкоме трех секретарей, как в настоящее время, и заведующий орготделом заменял секретаря РК. Для двадцатитрехлетнего юноши это была высокая честь, к тому же и время было очень серьезное. Это был период острой классовой борьбы в деревне, период организации первых колхозов на базе борьбы с кулачеством и ликвидации бандитских элементов. Это был довольно сложный период, когда сопротивление кулаков коллективизации носило упорный характер и принимало нередко крайне острые формы. Кулаки устраивали потравы колхозных посевов, уничтожали скот, портили сельскохозяйственные машины, сколачивали банды.

Пропагандирование колхозов, их организация одновременно сочетались с усилением организационно-партийной работы в селах.

В конце 1931 года мой доклад об организационно-партийной работе в Кубинском районе был заслушан на совещании в Орготделе ЦК КП Азербайджана (у т. Гурвича) и одобрен. В 1932 году решением руководящих органов республики был выделен, как тогда называли, опорный (то есть образцовый, главный, передовой) Бардинский район на территории нынешних Бардинского, Тертерского и Евлахского районов, и я в марте 1932 года был направлен заворготделом этого Бардинского райкома партии для укрепления. Секретарем райкома туда был переведен прославленный тогда секретарь райкома партии краснознаменного Касум-Измайловского района Сафар Усейнов, председателем Райисполкома – бывший заворготделом АзЦИКа Гамбар Ахундов (крупный тогда советский работник). Проработал я здесь недолго – всего четыре месяца. Но даже за это короткое время невольно стал участником последних битв с бандитами у Муровдага в селении Гырмызы саггаллар. В июне 1932 года я был переведен в Баку на работу в аппарате ЦК КП

Азербайджана и стал работать – до июня 1934 года – инструктором Орготдела ЦК КП Азербайджана, затем – заведующим Сектором партийной работы Орготдела ЦК в плодоовощных районах, а после реорганизации орготдела – ответственным инструктором ОРПО (отдел руководящих партийных органов) ЦК КП Азербайджана.

Здесь, в аппарате ЦК, я прошел солидную школу у тов. Кудрявцева Сергея, работавшего тогда секретарем ЦК КП Азербайджана и заворготделом ЦК. Я с благодарностью вспоминаю своих первых руководителей по партийной работе товарищей Мамеда Алиханова, Мамеда Джуварлинского, Ахмеда Надыршина. Во время работы в аппарате ЦК я был избран делегатом XII съезда компартии Азербайджана (январь 1934 года) от Закатальской парторганизации, где по поручению ЦК я проводил партийную конференцию, и делегатом VI съезда Закавказской парторганизации в 1934 году от Азербайджанской парторганизации. В мае 1934 года, в связи с переводом издания татской литературы из Москвы в Баку и решением об издании в Баку периодической газеты «Коммунист» на татском языке, решениями бюро ЦК КП Азербайджана (от 20 мая 1934 года, протокол № 4, и от 17 июня 1934 года, протокол № 12) я был утвержден ответственным редактором этой газеты и одновременно заместителем директора «Азернешра» (АзГИЗ). И для практического решения всех необходимых дел, связанных с этим вопросом, я был командирован в Москву в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) (тов. Хавинсону Я.С.) и в ОГИЗ (тов. Халатову А.Б.). В Москве мне удалось добиться от ОГИЗа на удешевление издания татской литературы 93 тыс. рублей, много типографских шрифтов и 4 т бумаги.

Здесь необходимо хотя бы коротко сказать, почему именно выбор пал на меня.

Я уже говорил, что с 1920 года я начал писать пьесы, куплеты, песни, стихи на татском языке. Многие из них – наивные и носят, конечно, печать еще недостаточно развитого зрелого подростка. Из всех пьес, которые я написал до 1935 года, только одну могу считать достойно отвечающей законам драматургии. Это – пьеса «Чья вина» («Слезы радости»). Пьесы мои ставилась в те годы в Баку и в Дербенте. Куплеты и песни писались на злободневные темы и отражали состояние нашей борьбы тех лет. Стихи я продолжаю писать и сей-

час, хотя знаю, что они никогда не будут опубликованы^{XII}. Некоторые мои стихотворения печатались в газетах «Захметкеш», «Коммунист», одно из них – о Ленине – печаталось в журнале Союза писателей на русском языке. Моей литературной деятельностью в 1928-1929 годах интересовался тогда профессор Б.В. Миллер, известный ученый, исследователь татской проблемы, который специально приезжал в Кубу из Ленинграда.

В своем труде «Таты, их расселение и говоры» (издательство «Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929) Б.В. Миллер пишет: «В еврейском клубе я имел случай познакомиться с местным молодым начинающим писателем Яковом Агаруновым, написавшим пьесу “Чья вина” (“Тəхsir kini”). В самой Кубе, в Еврейской Слободе я записывал стихотворения Якова Агарунова «Сирота о своей жизни» (“Jətim əz həl хуsдə”) и «Горская девушка» (“Duxdər doqı”). Оно, кстати, было напечатано еврейским алфавитом в газете “Захметкеш” - №10 от 10 августа 1928 года, как я узнал потом в Москве от Нафтали Анисимова. Тот же Агарунов мне сообщил десятка два пословиц» (с. 18, с. 28).

В другом своем труде «О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа» («Записки института Востоковедения Академии Наук СССР», январь 1932 года) Б. Миллер пишет: «Стихотворение “Сирота о своей жизни” и несколько пословиц, здесь помещаемых, записаны мной в самой Еврейской Слободе Кубы, в местном клубе, от молодого начинающего поэта Якова Агарунова. Он также хорошо владел русским и тюркским языками. Стихотворение “Сирота о своей жизни”, в котором затронута тема уже советской действительности, представляет одну из первых попыток горско-еврейской молодежи использовать свой язык для стихотворчества в еврейском вкусе».

Мною было написано много статей политического и критического характера на родном языке. При всей этой работе явно выявилась непригодность древнееврейского алфавита, которым мы стали пользоваться с первых дней установления советской власти. Ликбезы для горских евреев были организованы тогда, конечно, на родном языке горских евреев - джуури, а древнееврейский алфавит затруднял нашу просветительскую работу, так как в нем нет гласных букв, и мы вынуждены были пойти на некоторую «местную» ре-

форму этого алфавита, добавляя для обозначения гласных букв надбуквенные и подбуквенные знаки. Но вот в 1923-1924 годах в Азербайджане началось движение за замену арабского алфавита новым алфавитом на основе латинского. Я тут же записался и прошел двухмесячный курс по изучению латинской письменности и через некоторое время составил так называемый новый татский алфавит на основе латинского, который полностью отвечал нашей звуковой речи. Мои сверстники поддержали меня. Но ведь такой алфавит имеет не только местное значение. Надо, чтобы его признали все горские евреи, проживающие в СССР: Азербайджане, Дагестане, Грозном, Кабардино-Балкарии и Москве. Это уже была трудная задача. Я был автором и поборником нового алфавита, но я должен быть и борцом.

Вдохновителем и председателем Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита был Председатель АзЦИКа Самед-ага Агамали оглы. В конце мая 1925 года, будучи студентом рабфака, я был у него на приеме. Я робко и коротко высказал ему свое предложение о новом татском алфавите и показал свой проект алфавита. Этот старик с глазами мудреца, таким он показался мне тогда, выслушав меня, одобрительно кивал и с полуулыбкой на лице сказал мне примерно следующее: «Весьма одобряю. Весьма одобряю. В конце концов, все народы Востока, в том числе и ваши, перейдут на этот алфавит, так как он облегчает получение образования. Я одобряю, но этого мало, надо, чтобы ваш народ добровольно шел на это дело, надо усиленно пропагандировать, не торопясь, связаться с другими районами, при этом не ссылаться на меня, на мой авторитет и власть, а самому доказать...» Потом он спросил, какой предмет я больше всего люблю как студент рабфака. Я ответил – математику. Он тут же задал мне задачу, я ее без труда решил. Тогда он распорядился выдать мне денежное пособие в размере месячной стипендии – 25 рублей. Вдохновленный, я ушел на борьбу.

Через некоторое время создалась татская секция нового алфавита при республиканском комитете, и я был введен в состав этой секции.

На Всесоюзном совещании культпросветработников-татов в Москве в сентябре 1927 года я горячо выдвинул эту уже не новую идею, доказал необходимость принятия нового, латинского, алфа-

вита, но противником выступил научный сотрудник института языкознания Анисимов Нафтали – горский еврей из Махачкалы. Но теперь я уже знал активистов других республик, и между мною и ними началась активная переписка по этому вопросу.

Немало было сложностей на этом пути. Например, педагог из Грозного Закой Худайнатов не только был противником нового латинизированного алфавита, но даже ратовал за «очищение» нашего горско-еврейского языка от русских и тюркских слов, которые веками уже использовались народом, и иногда мы даже не отдавали себе отчета, из какого языка они заимствованы. Например, слово «самовар» вошло в наш язык со времен внедрения в быту самовара и произносится у нас как «симовор». Худайнатов же предлагал заменить его выдуманным им самим нелепым неологизмом «хюшдэндюш»¹⁷. То же самое он предлагал по поводу слов «паровоз», «пароход», «самолет» и др. Эта была попытка сделать наш язык еще более непонятным, обособленным, нелепым. Борьба была, конечно, острая, и много сил приходилось тратить на эту борьбу.

В те годы я уже был председателем Кубинского филиала «Общества обследования и изучения Азербайджана» при АзЦИКе, членом Татской комиссии языка, литературы и искусства АзГНИИ при АзЦИКе, членом Кубинского Уездного правления ассоциации пролетарских писателей и его горско-еврейской секции. Я был участником орфографического совещания, созванного в Баку 27 июня 1928 года АППО¹⁸ ЦК КП Азербайджана, с 24 по 27 июня 1930 года участвовал в работе терминологическо-орфографического совещания татского языка при АзГНИИ.

Надо сказать, что уже с 1925 года при Обществе обследования и изучения Азербайджана существовала татская комиссия, поставившая своей целью изучение татов в отношении языка, истории, этнографии и религиозной палеонтологии. Я с первых же дней принимал активное участие в ее работе.

Мысль о переходе на новый латинизированный алфавит не оставляла меня. Не только на этих совещаниях, но и на страницах

¹⁷ «Хюшдэндюш» – калька с русского слова «самовар» на язык горских евреев джуури. — *М.А.*

¹⁸ АППО – Отдел агитации, пропаганды и печати. — *М.А.*

газеты «Захметкеш» я пропагандировал эту идею, доказывая, что никакие переделки древнееврейского алфавита не помогут нам ликвидировать быстро неграмотность и достойно поднять культуру народа.

Здесь следует напомнить, что горские евреи до революции не имели своей письменности и первый букварь на татском языке был издан в годы революции древнееврейским шрифтом^{XIII}. Грамоту тогда знали немногие, да и то не на своем родном, а на древнееврейском языке

Вопрос принятия нашего – на латинской основе – алфавита настолько нагрел, что я в марте 1929 года послал письмо председателю ЦК Нового Тюркского алфавита тов. Агамали оглы (Председателю АзЦИКа) и в Совнац СССР тов. Кульбишерову о необходимости созыва уже Всесоюзного совещания по этому вопросу.

25 апреля 1929 года в Баку созывается весьма представительная Всесоюзная конференция (я был членом парттройки этой конференции) под председательством тов. Агамали оглы, на котором присутствовали и сторонники, и противники нового алфавита. Я был делегатом этой конференции с решающим голосом. После острой дискуссии и выступления Агамали оглы новый алфавит был принят, и теперь надо было уже проводить его в жизнь. Я был избран в состав комиссии из пяти человек (горско-еврейская секция при ВЦК НТА¹⁹). Вот почему я потом согласился поехать в Дербент и работать в газете «Захметкеш». Через эту единственную у нас газету я стал пропагандировать новый алфавит. Газета «Захметкеш» печаталась на старом алфавите, но я на ее страницах печатал сравнительную таблицу алфавитов и короткие статьи с применением нового алфавита. Начальные школы были уже переведены на родной язык, нужны были учебники, литература художественная и детская. Наркомпрос РСФСР в Москве из-за отсутствия кадров не справлялся с этой работой.

23 ноября 1933 года секретариат ЦК КП(б) Азербайджана обсудил предложение ОГИЗа о передаче издательства литературы на татском языке в «Азернешр» и дал свое согласие. Одновременно с этим тем же постановлением (протокол № 92) для разработки во-

¹⁹ ВЦК НТА – Всесоюзный Центральный комитет нового тюркского алфавита.

проса о терминологии, грамматики и т.п. для татов Апшерона, Кубы, Дагестана, Северного Кавказа ЦК КПА создал комиссию в составе тов. М.Гусейнова (КПО ЦК), Рухуллы Ахундова (институт им. Шаумяна), Джуварлинского и Хулуфлу (Наркомпрос), А.С.Ибрагимова (БОНО), Я.Агарунова (оргинструкторский отдел ЦК), Тринич («Азернешр»). На эту же комиссию была возложена задача проработки вопроса об условиях, сроках и порядке передачи издательства татской литературы из Москвы в Баку.

Это было своевременное правильное решение национального вопроса в Азербайджане, тем более что это было под силу только Азербайджанской республике. Поэтому ЦК КП Азербайджана своим решением от 17 апреля 1934 года, утвердив меня ответственным редактором татской газеты «Коммунист» и первым заместителем директора «Азернешра», поручил мне поехать в Москву, договориться и решить в ОКПЛ²⁰ ЦК ВКП(б) (к тов. Хавинсону Я.С.), в Наркомпросе РСФСР, в Госиздате и в ОГИЗе (к тов. Халатову А.Б.) вопрос перевода издания татской литературы в Баку, его финансирования и обеспечения бумагой (см. письмо ЦК АКП(б) от 26 июня 1934 года № 95/7).

Как уже было выше отмечено, эту задачу я выполнил полностью, и с IV квартала начался выпуск газеты «Коммунист» на татском языке и началось издание татской литературы в «Азернешре».

Это был период расцвета татской литературы и плодотворных результатов. Много сделала газета «Коммунист», выходящая на новом алфавите, для политического воспитания масс в духе советского патриотизма и интернационализма, разъяснения принципов марксизма-ленинизма, проведения острой классовой борьбы.

На страницах газеты печатались также материалы по вопросам санитарии и гигиены. Вокруг самой газеты и татского отдела «Азернешра» группировались молодые литераторы, поэты, писатели, силами которых составлялись, переводились и издавались учебники для начальной школы горских евреев. Особая комиссия работала по составлению терминов, которых не было в нашем языке. Появились собственные поэты, писатели.

Редакция помещалась на углу улиц Гоголя и Толстого. Недалеко

²⁰ ОКПЛ – Отдел культуры и пропаганды ленинизма.

находился татский клуб имени Ильева. Серьезные мероприятия под руководством редакции велись в этом клубе. Всемирно известные ныне танцоры Израиловы выросли в этом клубе.

В мае 1938 года я был избран первым секретарем городского райкома партии города Баку. Я был избран также депутатом Верховного совета Азербайджанской ССР первого созыва. Городской район Баку был самым крупным районом города, причем многоотраслевым. Здесь были и театры, и вузы, и госучреждения, и многое другое. Время было напряженное, проводился обмен партийных документов. Поэтому у меня не хватало времени и сил заглянуть в редакцию, в «Азернешр», в клуб. Через три-четыре месяца я узнал, что редакция закрыта, издание татской литературы прекращено. Не могу утвердительно сказать, что мой уход с этого фронта и переход на партработу привели к такому состоянию, так как к тому времени прекратились и все другие издания на языках нацменьшинств^{XIV}.

В то же время я был избран членом БК и даже членом бюро Бакинского Горкома партии (единственный из всех секретарей районных комитетов партии города). А в марте 1939 года был избран делегатом (с решающим голосом) XVIII Съезда ВКП(б), где в Москве впервые увидел руководителей партии и правительства страны, с которыми по окончании съезда сфотографировались²¹.

В апреле 1939 года бюро ЦК и БК партии предложили мне пост первого секретаря Орджоникидзевского райкома партии^{XV}. Это был один из крупнейших нефтяных районов города Баку со славными традициями (Сураханы). Но в последние годы район сильно отставал и не выполнял плана добычи нефти. Я же, хотя и был партийным работником с немалым опытом, не был инженером-нефтяником, почти ничего не знал об этой важной отрасли хозяйства. В таком духе я и высказал свои опасения. Но мне ответили, что этот район насыщен инженерами не хуже, чем другие нефтяные районы, но он нуждается в опытном партработнике, политическом организаторе. Мне пришлось, засучив рукава, приступить к напряженной и весьма ответственной работе. Я буквально окунулся в эту деятельность, первые месяцы сутками оставался в районе, изучая незнакомое

²¹ Во второй части «Краткой автобиографии» подробно изложена деятельность автора на посту первого секретаря Городского райкома партии города Баку. — М.А.

тогда мне хозяйство. Вместе с тем сам учился, пополняя свои знания, старался хотя бы в малой мере компенсировать отсутствие инженерного образования.

Нелегкая задача стояла перед партийным и хозяйственным руководством Орджоникидзевского района: тщательно разобраться в причинах невыполнения плана, ликвидировать прорыв, увеличить добычу нефти, тем самым способствовать ликвидации отставания всего Азнефтекомбината.

Нефтяной район отличается тем, что здесь добыча нефти и бурение новых скважин по своей технологии ведутся без перерыва – круглые сутки, без остановки. И все предприятия, работающие в таком районе, работают круглосуточно. Поэтому и партийно-политическая работа должна вестись круглосуточно. Более того, ночью даже еще шире и глубже, чем днем. В противном случае успехи, добытые в дневной смене, сводятся на нет во время вечерней и ночной смен. Надо было учитывать эту специфику и соответственно перестроить партийно-политическую, политико-агитационную, организационно-массовую работу и вместе с тем развернуть соцсоревнование среди бригад вокруг конкретных задач, по результатам работы вахт. Таким образом, все рабочие поголовно были охвачены политической работой и вовлечены в соцсоревнования.

Далее занялись расстановкой инженерных кадров. Вместо безвольного Султанова управляющим трестом «Орджоникидзенефть» выдвинули молодого тогда, энергичного инженера Оруджева Сабита Атаевича, ставшего впоследствии Министром газовой промышленности СССР^{xvi}. Изучая положительный опыт единственной тогда женщины — заведующей промыслом Сугры Гаибовой, выдвинули заведующими промыслами оправдавших себя на практической работе инженеров-женщин Плешко, Бакулину, Гулиеву, Кулиеву и других, которые потом показали чудеса героизма на трудовом фронте.

На старых промыслах, где нет перспектив для бурения новых скважин, ставилась и решалась задача ввода в эксплуатацию всех простаивающих скважин, независимо от их дебита. Постепенно вывели геологическую службу из состояния спячки и упадка, ведя борьбу против пораженцев. В результате наши нефтяники шли на подвиг, на кажущийся неоправданным риск и открывали новые горизонты, новые месторождения.

Сочетания всех этих основных и многих других разнообразных мероприятий привели к тому, что отставание района было ликвидировано и годовой план добычи нефти был перевыполнен. А в последующие 1940-1941 годы с введением в эксплуатацию новых горизонтов сураханцы стали добывать нефть в небывалых до того рекордных размерах. В Сураханах зародилась и впервые была осуществлена замечательная идея о совмещении профессии начальника буровой и бурового мастера. Должность начальника буровой была предусмотрена приказом Наркомнефти. Тем не менее мы испытали это предложение и доказали реальность почина старых производителей. Сократились простои, повысилась производительность труда. Бакинский Комитет партии поддержал нас. Предложение было принято и принесло государству огромную экономию, улучшилось также руководство бурением.

Другой важной инициативой стала новая организационная структура на промыслах – единая бригада по добыче нефти и подземному ремонту скважин. Это изменяло отношение людей к исполняемой работе, связывало заработок подземников так же, как и эксплуатационников, с добываемой нефтью, и прямо заинтересовывало в увеличении добычи нефти.

Но этого было недостаточно, чтобы перевыполнить план добычи нефти настолько, чтобы вернуть долг стране и содействовать Азнефтекомбинату выйти на уровень плана. Для этого нужны были новые месторождения. На бюро райкома были рассмотрены и утверждены новые, всеохватывающие мероприятия треста по разворачиванию на этом участке бурения массовым количеством буровых станков. Были созданы капитальные условия для освоения этих скважин и на их базе создали новый нефтяной промысел. В течение 5–6 месяцев здесь были пробурены и освоены свыше двадцати глубоких для того времени скважин. Суточная добыча нефти в 1940 году по тресту достигла 12 240 т против 9 600 т. План выполнен на 120 %²².

Эти серьезные успехи были достигнуты благодаря умелому сочетанию партийной и хозяйственной работы, правильному решению кадровых вопросов.

Трест «Орджоникидзенефть», выполнявший план всего на

²² Газ. «Бакинский рабочий». 1980. 4 сентября.

90%, ликвидировав отставание, успешно, на 27 дней раньше срока выполнил очень напряженный план добычи нефти 1940 года. А одиннадцатый промысел выполнил годовой план еще раньше – 8 ноября 1940 года. Задание по производительности труда на промысле было выполнено на 118 %, себестоимость снижена на 29,6 %.

Во Всесоюзном социалистическом соревновании одиннадцатый промысел занял первое место в стране, завоевав переходящее знамя «Правды», Наркомнефти и ЦК профсоюза. Шестой промысел занял второе место.

Об успехах и опыте партийно-политической работы Орджоникидзевского района стали писать не только бакинские газеты (см. газету «Бакинский рабочий» № 243 от 18 октября 1940 года). 29 января 1941 года этому посвятила целую полосу и газета «Правда» под шапкой: «Бакинский промысел № 11 треста «Орджоникидзенефть» – лучший нефтепромысел СССР». К нам приехали для изучения опыта корреспонденты «Правды» и журналов, в том числе поэт Щипачев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 апреля 1940 года «За успехи в развитии нефтяной промышленности» многие нефтяники были награждены. И я в том числе был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Я руководил партийной организацией Орджоникидзевского района всего два года, и за эти два года этот один из самых в то время отсталых нефтяных районов Баку был превращен в один из самых передовых в стране.

В марте 1941 года я был выдвинут на должность секретаря Бакинского Городского Комитета партии по нефтедобывающей промышленности. Это был уже другой масштаб работы, всесоюзного значения. Баку тогда был первым и основным нефтяным районом нашей страны, давал почти три четверти всей нефти, добываемой тогда в СССР, и бакинские нефтяники своей неутомимой работой высоко держали знамя первенства.

На этом посту меня и застала Великая Отечественная война советского народа против гитлеровского фашизма, начавшаяся в июне 1941 года. Бакинцы всегда работали напряженно, а в связи с войной – с еще большим напряжением, чтобы бесперебойно обеспечивать нужды фронта в нефти и нефтепродуктах. Война возлагала на нас дополнительные обязанности. Я, например, как секретарь БК вы-

полнял и обязанности комиссара одного из строительных рубежей на подступах к Баку в Насосной²³.

Бакинцы знали, что Великая Отечественная война – это война моторов и для того, чтобы их приводить в действие на суше, в воздухе и на воде, нужна нефть, и они делали все для того, чтобы отправлять на фронт больше высококачественного горючего.

Пуск бездействующих скважин, улучшение технологического режима дали много нефти. Но добыча нефти сопряжена с огромными затратами материалов, специальных труб и насосов. До войны на нефть работали многочисленные заводы как в Баку, так и в других городах Союза. Война поставила задачу обходиться собственными силами и ресурсами, так как все машиностроительные заводы переключились на производство боеприпасов. Было применено широкое использование старых обсадных труб, в частности их вырезка из бездействующих скважин. Промысловые мастерские, которые раньше занимались только текущим ремонтом оборудования, приступили к производству глубинных насосов и запасных частей, освобождая от этого машиностроительные заводы, занятые выполнением оборонных заказов. А мастера, операторы, геологи сутками не покидали своих постов. В результате этих и других героических усилий Азнефтекомбинат и в первом военном году выполнил план добычи нефти за 1941 год. Страна, несмотря на огромные трудности, вызванные войной, получила 23,541 млн т нефти²⁴. Это была рекордная цифра за всю историю нефтяной промышленности республики. Никогда раньше Баку не добывал столько нефти.

Подвиг бакинских нефтяников в первом году войны – одна из славных страниц в истории республики.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года «За образцовое выполнение задания правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов» большой отряд бакинских нефтяников был награжден орденами, и я в том числе был награжден орденом «Знак Почета».

²³ «Насосная» - крупная железнодорожная станция в промышленной зоне пригорода Баку, где размещался основной распределительный насосный узел бакинского водопровода.

²⁴ Народное хозяйство Азерб. ССР: Статист. сборник. Баку, 1957. С. 41.

Жестокая война продолжалась. Немцы захватили Краснодарский край, парализовали грозненские нефтяные промыслы и, наступая на Кавказ, угрожали бакинским нефтяным промыслам. С другой стороны, разрушенные коммуникации затрудняли транспортировку бакинской нефти для нужд фронта. Майкопские нефтяные скважины были выведены из строя самими советскими людьми, чтобы не достались наступающему противнику. Город Грозный с его нефтяными промыслами и нефтеперерабатывающими заводами сильно пострадал от фашистских бомбежек. А в Баку в связи с тем, что коммуникации в период битвы под Сталинградом были, как отмечено выше, перерезаны, нам пришлось многие нефтяные скважины законсервировать.

В 1942 году, когда враг рвался на Кавказ, у транспортников сложилась тяжелая обстановка. В Баку шли железнодорожные составы с демонтированным оборудованием. С Кубани и из Ставрополя возилось зерно. Покидали обжитые места люди. Появилась угроза, что на подступах к Баку может произойти затор. Надо было немедленно принять меры к ускорению перевозки эвакуированного населения и демонтированного оборудования в Красноводск. Меня на несколько дней прикрепили к порту, где скопилось большое количество людей в ожидании переброски в Красноводск. Трудно словами обрисовать это гнетущее и мучительное состояние людей. Им была оказана необходимая помощь питанием и одеждой²⁵. Но главное заключалось в том, чтобы скорее отправить их к месту назначения. Не менее важной задачей было переправить в Красноводск нефть и нефтепродукты, скопившиеся в Баку в большом количестве в то время, когда фронт испытывал большую нужду в них.

Единственная теперь «дорога жизни» лежала через Красноводск и каракумские пески. Благодаря этой дороге фронт и тыл получали бакинскую нефть. Фронт не мог ждать. Самолеты, танки, бронетранспортеры, грузовики ежедневно требовали горючее. Не мог ждать и тыл. Бензин и мазут нужны были и оборонным заводам, и электростанциям.

²⁵ Яков Агарунов в своей автобиографии не пишет подробностей об этой руководимой им тяжелой работе по приему людей, эвакуированных с захваченных фашистами территорий. Но в последние годы все чаще появляются сообщения лиц, прибывших тогда в Баку, с чувствами глубокой благодарности бакинцам за толерантный прием. Те, кто остался с тех пор проживать в Баку, люди разных национальностей, до сих пор считают, что они приобрели там счастье. — *М.А.*

Нефть продолжали добывать, хотя ее уже некуда было сливать. Все металлические резервуары нефтяных трестов и нефтеперерабатывающих заводов были переполнены. Переполнены были также и все так называемые открытые нефтяные хранилища – земляные емкости, и нефть даже просто сливалась в Зыхское озеро²⁶. Вынуждены были заполнять нефтью и ложины близлежащих возвышенностей. В Баку скопилось много миллионов тонн нефти. Бакинский нефтяной район был закупорен.

И нами было принято невиданное до того времени решение. Осенью 1942 года впервые в истории морских грузовых перевозок цистерны стали переправляться через Каспийское море вплавь. Из Баку в Красноводск на плаву перебуксировали нефтеналивные железнодорожные цистерны, а затем, по нашему примеру, и из Махачкалы в Красноводск – нефтяные резервуары емкостью до 5000 т. И Баку продолжал давать три четверти всей нефти страны.

Я так подробно описываю работу того периода первого года войны, чтобы показать, что эти успехи были достигнуты благодаря невероятным героическим усилиям бакинцев и в то же время благодаря умелому сочетанию нашей партийной и хозяйственной работы в городе Баку^{xvii}.

В этих тяжелейших условиях проблеме – создать подальше от фронта мощную нефтяную базу между Уралом и Волгой – война придала особенную остроту, и необходимо было в самые сжатые сроки создать и развивать на Востоке страны так называемый Второй Баку.

В связи с этим Государственный Комитет обороны СССР²⁷ решил ускоренными темпами развернуть добычу нефти в восточных районах СССР.

12 октября 1942 года в связи с указанным решением ГКО я был направлен Центральным Комитетом ВКП(б) в Куйбышев²⁸ секретарем Куйбышевского Обкома ВКП(б) по нефти.

Из Баку были направлены туда более пяти тысяч бакинских нефтяников, большое количество нефтяного оборудования и даже

²⁶ Зыхское озеро – соленое озеро в поселке Зых, в нефтяном пригороде Баку.

²⁷ Государственный Комитет Оборона (сокращенно ГКО или ГОКО) - созданный на время Великой Отечественной войны чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой власти в СССР.

²⁸ Ныне город Самара. — *М.А.*

трубы демонтированного Баку-Батумского нефтепровода, из которых в 1943-1944 годах был потом построен первый в Союзе дальний газопровод Похвистнево — Безымянка (Куйбышев).

Перебазировать все это было нелегко, тем не менее были установлены жесткие сроки. Коллективы нефтяников и оборудование могли быть доставлены только по одному пути – через Каспийское море, далее поездом по Средней Азии. И этот процесс тянулся более двух месяцев.

30 сентября 1942 года я вылетел из Баку в Москву для утверждения на новую должность. Самолет наш летел через Каспийское море, совершив лишь краткую посадку в Красноводске. В Москве, в ЦК ВКП(б), с нами беседовали секретари ЦК и другие руководящие работники. После утверждения, не возвращаясь в Баку, прямо из Москвы поехал в Куйбышев, чтобы встретиться и устроить прибывающих туда бакинцев, с которыми потом пришлось мне в течение пяти лет работать.

Куйбышев тогда был областным центром и в первые годы войны стал, можно сказать, временной столицей страны²⁹. Осенью 1941 года сюда перебазировалось правительство СССР, некоторые наркоматы, а также дипломатический корпус. Все это накладывало свой отпечаток на значимость города. Кроме того, здесь возник большой промышленный узел^{XVIII}.

В связи с этим в Обкоме ВКП(б) были соответственно созданы различные отраслевые отделы: легкой, пищевой промышленности, общего машиностроения, строительный, водный, железнодорожный и другие. Но почему-то среди них не было нефтяного отдела, поэтому для нас здесь в буквальном смысле слова не было преемственности. Отсутствие нефтяного отдела, возможно, отчасти и сказалось на том, что решения Обкома партии, а также решения ЦК ВКП(б) и Советского правительства, а с начала войны и постановления ГКО о развитии нефтяной промышленности области тогда так и оставались невыполненными.

Годовые государственные планы добычи нефти, эксплуатационного и разведочного бурения ни по области, ни по нефтяным трестам

²⁹ Во многих научных трудах и публицистических статьях город Куйбышев военных времен называется практически официально «запасной столицей страны».

ни разу не выполнялись. Более того, фактическая добыча нефти, фактическая проходка по эксплуатационному и разведочному бурению намного отставали от уровня установленного государством плана.

Все это вызывало серьезные опасения и чувство большой тревоги. Так обстояло дело тогда, до перебазирования бакинских нефтяников.

Но в обстановке военного времени, когда Государственный Комитет Обороны оказал неоценимую помощь районам Второго Баку квалифицированными кадрами и нефтяной техникой за счет бакинского нефтяного района, нельзя было позволить невыполнение прavitельственных заданий.

Куйбышевская нефтяная промышленность, по существу, становилась на современные рельсы. Надо было разумно и эффективно использовать знания и сноровку прибывших специалистов, полнее и производительнее эксплуатировать поступившие технику и оборудование.

Речь шла о создании темпов бакинского масштаба с учетом местных условий.

Нефть нужна была сейчас – это было веление времени.

Это не значит, что разведка новых нефтяных месторождений отодвигалась на будущее. Нет. Ведь не случайно же сюда был перебазирован и бакинский разведочный трест. Кроме того, здесь каждая эксплуатационная скважина в той или иной степени являлась и разведочной.

Это была нефтяная целина.

Предстояла большая организаторская и созидательная работа. Нужно было создать партийный штаб нефтяной промышленности – нефтяной отдел обкома партии, работоспособное нефтяное объединение, перестроить работу существующих нефтепромыслов, контор бурения и трестов по бакинскому образцу и, ознакомившись на месте с обстановкой, создать новые нефтяные предприятия. Но главным, первоочередным было создание минимума возможных по тем временам условий для приезжающих бакинцев, встретить и разместить их, разгрузить нефтяное оборудование и, не мешкая, приступить к работе.

В труднейших условиях военного времени, в непривычных климатических условиях бакинцы совершили чудеса и вместе с малочисленным тогда отрядом местных нефтяников открывали новые горизонты и месторождения, создавали новые нефтяные промыслы и

тресты и, намного увеличив добычу нефти и производство нефтепродуктов, стали в возрастающем темпе обеспечивать нужды фронта.

За один 1943 год добыча нефти в области увеличилась по сравнению с 1942 годом почти в полтора раза, выработка нефтепродуктов – почти в пять раз, а скважин было пробурено в два раза больше. Здесь сказались и титанический труд наших нефтяников, и умелая организация партийной и хозяйственной работы, а также и смелость принимаемых нами решений при освоении этой нефтяной целины. В связи с этим меня неоднократно вызывали в Москву и в ГКО, и в Министерство для обсуждения и согласования множества вопросов, связанных с этими впервые принимаемыми решениями. На их основе нефтяникам Куйбышева впервые в мире удалось разведать и добыть нефть из девонских отложений^{xix}, разведать и заложить основу развития добычи нефти в Татарской республике и т.д. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1944 года я был награжден орденом Ленина «за образцовое выполнение задания партии и правительства по добыче и переработке нефти и обеспечение нефтепродуктами армии, промышленности и сельского хозяйства в трудных условиях военного времени».

Куйбышевской нефтяной промышленности неоднократно присуждалось знамя ГКО, а куйбышевским нефтяникам – денежная премия. Три раза я получал денежные премии ГКО за успехи в разведывании и добыче нефти в области^{xx}.

За пять лет моей работы в Куйбышевской области были открыты 14 нефтяных и газовых месторождений, в том числе знаменитое Зольненское, добыча нефти увеличилась по сравнению с довоенным уровнем в девять раз. Куйбышевская область заняла по добыче нефти третье место в стране. Была создана газовая и сажевая промышленность, дающая продукцию резиновой промышленности. Первый в СССР дальний газопровод был построен нами именно здесь – в Куйбышевской области^{xxi}.

Была создана также нефтеперерабатывающая промышленность. Кроме Сызраньского крекинг-завода в 1943-1945 годах был построен Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод, а в 1947 году приступили к строительству Ново-Куйбышевского завода.

Вместе с тем росли и новые местные кадры. Было подготовлено более 7000 человек, созданы два нефтяных техникума и неф-

тяной факультет при индустриальном институте и т.д. Об этих победах было подробно изложено в моих статьях в газете «Волжская Коммуна» № 228 от 19 ноября 1947 года и в газете «Правда» № 234 от 29 сентября 1944 года³⁰.

Куйбышевская область, нефтяной промышленностью которой пришлось мне руководить, была единственной в стране, которая в условиях Второй мировой войны не снизила добычу нефти, а увеличило ее в пять раз по сравнению с довоенным 1940-ым годом, а в 1947 году – в девять раз. Меня за плодотворную работу в Куйбышевской области, как уже отмечено выше, руководство страны наградило орденом Ленина^{xxxii}.

В декабре 1947 года в связи с болезнью членов семьи ЦК ВКП(б) удовлетворил мою просьбу и перевел меня в распоряжение ЦК КП Азербайджана для использования на руководящей партийной работе.

Но болезнь семьи была не единственной причиной моего отъезда из Куйбышева. Другой важной причиной было то, что я не мог мириться с непартийной практикой заниженного планирования добычи нефти, которую стало проводить сразу после окончания войны Министерство нефтяной промышленности Восточных районов СССР.

Самоотверженный труд куйбышевских нефтяников, разведка и открытие новых месторождений открывали большие перспективы, но, поскольку в послевоенном периоде еще (первый год после победы – 1946-й) туго было со снабжением нас оборудованием, мы подходили очень осторожно к планированию добычи нефти. По моему докладу бюро Обкома 26 апреля 1946 года с осторожностью поставило задачу довести к концу второго квартала 1946 года суточную добычу нефти до 3800 т, и нефтяники уже 20 июня довели суточную добычу нефти до 3850 т, далеко еще не использовав все резервы. Тем не менее министерство установило нам план добычи нефти на третий квартал 3560 т, то есть на 300 т ниже уже достигнутого уровня. Это было очень странно, непонятно, чудовищным нарушением всех канонов планового социалистического хозяйство-

³⁰ Яков Агарунов свою деятельность на посту секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) довольно подробно описал в книге своих воспоминаний «Нефть и Победа», которая вышла из печати незадолго до его кончины (Баку, «Азернешр», 1991). — М.А.

вания. Руководители министерства тов. Евсеенко и Каламкарров меня уважали, любили как товарища по совместной работе еще в Баку, а потом и в Куйбышеве (Евсеенко был в Баку начальником Азнефтекомбината, а я – секретарем БК партии по нефти; Каламкарров же приехал в свое время вместе со мной в Куйбышев начальником объединения «Куйбышевнефть»), и я отвечал им тем же. Чтобы соблюсти и партийность, и дружбу, я 17 июня попросил тов. Кочергова – начальника объединения Куйбышевнефть – шифровкой возразить против этого заниженного плана и просить план, соответствующий достигнутому уровню. 27 июня я узнал у Кочергова о том, что Каламкарров в ответ запретил ему возражать «против плана, утвержденного правительством». Тогда я решил, опять же в знак дружбы, по телефону 28 июня повлиять на Каламкаррова, объяснить ему, что такой заниженный план сковывает инициативу людей, демобилизует коллектив, даром расходуются премиальные деньги и все может кончиться очень плохо. После моего звонка министерство «исправляет» свою ошибку и устанавливает план суточной добычи нефти не 3560 тонн, а 3750 тонн. Но нефтяники-то уже добывают на 100 тонн больше! Как же быть? Даже плановые работники объединения с недоумением приходят ко мне – как быть, как распределять такой план? К чему призывать людей? Закрывать некоторые скважины, не вводить в эксплуатацию новые буровые, новые месторождения? Это – редкий, почти небывалый случай, когда план призывает не к увеличению, а к снижению. Явная антипартийная практика.

Тогда я 5 июля 1946 года пишу докладную записку первому секретарю Куйбышевского областного комитета партии товарищу А.М. Пузанову с изложением всех указанных выше аргументов. Тов. Пузанов в ответ на мою записку пишет: «Тов. Агарунов, прошу подготовить записку секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.» Записка мною была подготовлена, но Пузанов ее не подписал, продержал у себя. Он проявил беспринципность, а может быть даже, трусость.

В то же время в Министерстве продолжали свою непартийную практику, а мои звонки не стали влиять. На четвертый квартал 1946 года был спущен план суточной добычи нефти в 3850 т – ниже достигнутого в начале четвертого квартала уровня, «а в декабре довести добычу до 3820 т в сутки», то есть на 200 т ниже, чем в октябре. Сумма планов четырех кварталов устанавливается на 12 тыс. т

нефти ниже годового плана. Чем дальше, тем хуже.

К 1 января 1947 года фактическая суточная добыча нефти при всех недостатках в работе была доведена до 4150 т. Министерство же планировало на январь 1947 года только 4000 т в сутки, на 150 т меньше достигнутого. И это при том, что было известно, что в январе еще войдут в эксплуатацию вполне подготовленное Мухановское месторождение и высокодебитные скважины в тресте «Ставропольнефть», которые в сумме дадут в сутки 350–400 т. Это была чехарда с планом. Трудно было понять руководителей министерства: или они сошли с ума, или же твердо встали на антипартийный путь.

В нефтетрестах в результате подобного заниженного планирования создалось такое положение: «Сызраньнефть», добывавший фактически в сутки 950 т нефти, получил план на 840 т, на 110 тонн меньше; «Кинельнефть» – фактически 700 т в сутки, план – 640 т; «Ставропольнефть» – фактически 2600 т в сутки, план – 2500 т. Так в министерстве происходило выхолащивание сущности государственного плана, что могло мешать нам воспитывать людей в духе большевистской непримиримости к недостаткам.

На 1947 год сами нефтяники запросили план в количестве 1750 тыс. т (хотя могли бы добыть и 2 млн т). Министерство же, игнорируя все разумные доводы, представило свой проект – 1630 тысяч т, то есть на 120 тысяч т меньше. После моих настойчивых звонков они «исправили» ошибку, но все же утвердили годовой план на 1947 год – 1730 тысяч т. Все это приводило к задержке освоения ценных нефтяных месторождений, к затягиванию пуска в эксплуатацию новых скважин, к срыву выполнения плана бурения, к ослаблению борьбы за внедрение новой техники.

Еще в 1945 году было открыто новое Мухановское месторождение, имеющее большую ценность для страны (там впервые было доказано наличие нефти в кунгурском горизонте). Два раза в 1946 году Обком партии обсуждал вопрос о пуске в эксплуатацию этого месторождения, и ни разу Министерство не откликнулось: «держали его про запас». Годовой же план бурения в 1946 году был выполнен всего на 51,5%, так как план добычи нефти не подпирал бурение, не исходил из него, не был рассчитан на все новые скважины.

Еще более смехотворным было задание по повышению производительности труда на одного нефтяника в год: в 1947 году про-

тив 1946 года она должна была, по разумению руководителей министерства, снизиться на 15%. Дальше идти уже было некуда.

Что касается пятилетнего плана на 1946-1950 годы по «Куйбышевнефти», то он был утвержден министерством, несмотря на мои протесты, так, что план добычи нефти был весьма занижен, а план бурения весьма завышен. Откровенно было видно, что все это делалось для того, чтобы под завышенный план бурения получить излишнее оборудование и капиталовложения, и без особого напряжения перевыполнять заниженный план добычи и почивать на лаврах.

Я больше не мог молчать, я не мог принести в жертву дружеским отношениям партийный принцип. И когда убедился, что тов. Пузанов не в состоянии или не хочет что-либо изменить, я, воспользовавшись своей путевкой в Кисловодск, по дороге остановился в Москве и 18 января 1947 года был в ЦК ВКП(б) у тов. Павленко – заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) (второй секретарь Куйбышевского Обкома партии Кислин С.И. поддерживал меня и посоветовал быть по этому вопросу в ЦК). Моя информация, доводы и факты произвели должное впечатление, тут же была приглашена стенографистка, которой я продиктовал свою записку «О практике неправильного планирования добычи нефти» на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А.А. После расшифровки мы были у тов. Кузнецова. Тут же было принято решение секретариата ЦК ВКП(б) о создании комиссии по моей докладной записке в составе тт. Панова А.Д. (зампред Госплана СССР), меня, Евсеенко М.А. (министр нефтяной промышленности Восточных районов СССР), Шкурова, Кокотушкина А.К. (зам. зав. отелом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б)).

Копию моей докладной записки 23 января 1947 года через тов. Бочкарева (председателя Куйбышевского облисполкома) я направил тов. Пузанову и Кислину и выехал в Кисловодск.

Более трех месяцев я ждал вызова в Москву по моей записке. Наконец позвонил тов. Панову. (Он был, как я узнал, зампредом Госплана СССР и одновременно членом бюро у Л.П. Берии, который занимался нефтью и газом в стране. В годы войны Берия как член ГКО занимался нефтью, и я несколько раз бывал у него, но почему после войны это продолжалось – мне не понятно.) Панов очень раздраженно упрекнул меня: почему я свою записку написал в ЦК, а

не на имя Берии, когда я знаю, что нефтью в стране занимается Берия. Я ответил, что я – партработник, поэтому обратился в ЦК и поступил правильно, а вот он – Панов – поступает неправильно, не собирая комиссию, в том числе и меня – автора, – для разбора моей записки. После взаимных упреков переговоры были прерваны. Я звонил в ЦК ВКП(б) Кокотушкину, Шкурову, и никто толком ничего не сказал. Все это было странно. В первом квартале 1947 года Кислина заменил Козлов Ф.Р. на посту второго секретаря Куйбышевского Обкома партии. Козлов меньше всего занимался делами, а больше – своей внешностью^{xxiii}. Я счел нужным 6 мая 1947 года официально и его проинформировать о моей записке в ЦК. Он прочитал и молча вернул мне обратно.

Следует отметить, что заниженные планы спустились и по переработке нефти.

15 июня 1947 года я официально предлагаю тов. Пузанову и Козлову свой проект пятилетнего плана добычи нефти

В апреле 1947 года на собрании актива куйбышевских нефтяников, одобряя тех, кто поднимает свой голос против заниженного планирования, и приводя примеры, мы предложили бороться с этим злом. Я напомнил всем охотникам заниженных планов несколько выдержек из решения Совмина по этому вопросу: «Государственные планы должны мобилизовать на движение вперед по пути преодоления трудностей и обеспечения нового подъема... необходимо решительно покончить с практикой установления заниженных планов, заставляющих людей волочиться за “узкими местами”» и т.д.

Руководители министерства просто «растоптали» все эти указания партии.

Через некоторое время, в сентябре, в Куйбышев приезжают тов. Каламкарров и Гельперсон, и в кабинете тов. Пузанова я в их присутствии поднимаю все эти вопросы. А потом в кабинете тов. Козлова вношу свои конкретные предложения и вечером на бюро Обкома партии выступаю резко, цифрами и документами разоблачаю неправильную тактику и непартийную практику товарищей из министерства, доказываю, какой ущерб они наносят и уже нанесли общему делу. Никто не опровергал меня, никто не возражал, все молча согласилось со мною, даже Гельперсон и Каламкарров. Но в чем же дело? Встал Каламкарров и заявил следующее: «Все, против

чего возражает тов. Агарунов, согласовано с Берией и является его указаниями. Мы не в состоянии вносить изменения». Ссылка на Берию заставила членов бюро молчать, а меня – уехать из Куйбышева. Я не мог тогда еще представить себе, что через несколько лет Берия будет судим и затем расстрелян «как активнейший агент иностранной разведки». Но тогда я был уверен, что все это делается для того, чтобы скрыть от советского народа и его руководства явные ресурсы нашей страны, держать их под спудом.

22 октября 1947 года я официально через тов. Пузанова просил ЦК ВКП(б) освободить меня от работы и направить в Баку, «ввиду болезни моей семьи». Тов. Пузанов знал, в чем дело, долго уговаривал меня, обещая путевки на лечение для всей моей семьи, но я был непоколебим, ибо слепо наблюдать все эти преступные дела и молчать я не мог. 19 октября 1947 года я сделал последнюю попытку и справкой доказал Обкому партии, что проект плана добычи нефти на 1948 год занижен примерно на 200-250 тыс. т. Эту записку подписал и Мазоха, мой заместитель по нефти (у меня был и второй заместитель - по энергетике). ЦК ВКП(б) удовлетворил мою просьбу, и в декабре 1947 года, будучи в Москве в ЦК за получением назначения в Баку, я обратился в секретариат тов. Кузнецова по поводу моей записки. Я был весьма удивлен и поражен, когда мне показали «ответ комиссии ЦК» (без меня – члена комиссии и автора записки!), опровергающий мои обоснованные факты. Быть у тов. Кузнецова мне не удалось, и я обратился к тов. Павленко (к этому времени и он являлся членом бюро у Берии) в Кремле. Он очень вежливо и с пониманием, успокаивая меня, дал мне понять, что я свой партийный долг выполнил, о своих сомнениях доложил в ЦК. Нефтью же занимается Берия, и ему все это известно и т.д. Что еще я мог делать? И я уехал в Баку^{XXIV}.

Баку меня встретил с большим уважением³¹: еще до приезда я

³¹ В подтверждение этих слов Якова Агарунова хочу добавить известное мне свидетельство тому высокому вниманию к этому кадровому работнику, которое проявлялось со стороны и Куйбышевского руководства, и Азербайджанской компартии, и ЦК КПСС. Я хорошо помню наш перелет из Куйбышева в Баку в январе 1948 года. Якову Агарунову тогда для перевозки своей семьи и всего домашнего хозяйства и даже всей квартирной мебели был предоставлен отдельный военный самолет. Не все имели тогда такую привилегию. — *М.А.*

уже был избран депутатом Баксовета, определена моя должность – заместитель секретаря БК партии по нефти и намечена четырехкомнатная квартира, лучше, чем та, которую я, выезжая в Куйбышев, сдал Баксовету^{xxv}.

Багирову М.Д.³² я рассказал истинную причину моего выезда из Куйбышева, привел факты заниженного планирования добычи нефти. Он пришел в ярость, заявив: «Мы в Баку задыхаемся, нам по-прежнему дают высокие сверхнапряженные планы, а там, на Востоке страны, скрывают ресурсы и почивают на лаврах!»^{xxvi}. И предложил мне описать все свои доводы и факты, он поведет меня к Сталину с докладом. (Я уверен, что он мог бы это сделать, он имел вход к Сталину)

Прошло несколько месяцев, пока я освоился с новой работой (ведь у меня была вся бакинская нефтяная промышленность) и составил нужные документы для Багирова – докладную записку Сталину с фактами неправильного планирования добычи нефти в стране. Я еще не успел передать эти документы Багирову, как однажды вечером (это было летом 1948 года) Багиров вызвал меня к себе, у него сидели Байбаков и Магомаев³³, обрушился на меня, показывая свои болячки на руках^{xxvii}, бешено кричал, упрекая меня в том, что, сидя в Баку, я занимаюсь делами Куйбышева. Минут 25 продолжался этот разнос, так я и не понял в тот вечер, в чем дело.

³² Мир Джафар Багиров – первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана и одновременно Бакинского горкома партии. Багиров всегда уважительно относился к Якову Агарунову, ценил его как высоко порядочного человека и ценного работника. Помимо всего прочего он был еще его земляком. Моя мать часто вспоминала, как он принимал эту семью у себя на даче в Загульбе. Я сам лично встречался с ним лишь один раз, когда отец взял меня с собой во время праздничного парада и демонстрации на правительственную трибуну в ноябре 1948 года. Увидев, что Яков Агарунов пришел с сыном, он дружески, но со строгим лицом заставил, чтобы я встал спереди, так как мне, 12-летнему мальчику, не все было хорошо видно из-за высокого парапета правительственной трибуны.

Именно это его отношение и спасло Якова Агарунова в тяжелые антисемитские времена 1952-1953 годов, когда преследовались буквально все высокие должностные лица еврейской национальности. — *М.А.*

³³ Николай Константинович Байбаков в те годы – министр нефтяной промышленности Южных и Западных районов СССР; Джамалетдин Магомаев – заместитель председателя Совета министров Азербайджана, работал в Москве, будучи постоянным представителем республики при Совмине СССР.

Только потом я узнал, что произошло на самом деле. Мою записку тов. Сталину с приложением копии записки на имя секретаря ЦК Кузнецова печатала машинистка БК партии Шварцкопф, которая, как оказалось, являлась родной сестрой жены Каламкарова. И она, прочтя мои обвинения в адрес Каламкарова, напечатала лишний экземпляр и послала в Москву ему, а те через Берию (Багиров был другом Берии) решили «призвать меня к порядку». Таким образом, для меня все пути на прием к Сталину были отрезаны.

В Баку с 19 декабря 1947 года я стал работать заместителем секретаря Бакинского горкома партии по нефтяной промышленности, а в январе 1949 года был избран заведующим отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов и членом бюро Бакинского Горкома партии. Одновременно работал старшим преподавателем по курсу партийного строительства в Республиканской двухгодичной партшколе. В августе 1950 года был переведен в Центральный Комитет КП Азербайджана заместителем заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК, а с мая 1951 года работал первым заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских организаций ЦК КП Азербайджана^{xxviii}.

Летом 1952 года, в результате моего критического отношения к деятельности некоторых тогдашних руководителей ЦК КП Азербайджана и Министерства Госбезопасности республики (так называемое «Агдашское дело»), против меня и некоторых других партийных работников министром госбезопасности республики Емельяновым, прокурором республики Рахимовым и другими были сфабрикованы клеветнические обвинения. Бюро ЦК КП Азербайджана, безо всякого основания по предложению Багирова освободило меня от партийной работы³⁴. Я был подвергнут расправе –

³⁴ Безусловно, травля Якова Агарунова была спланирована в соответствии с начавшейся в середине 1951 года страшной антисемитской политикой в стране, вылившейся в середине 1952 года в знаменитое «Дело врачей». Именно в этот период все партийные и руководящие хозяйственные органы спешно «освобождались» от лиц еврейской национальности. Однако, как будет видно далее, лишь безупречная партийная деятельность Якова Агарунова и, конечно, доброжелательное отношение к нему со стороны Багирова спасли Я.Агарунова от более жестокой расправы, и дело ограничилось лишь партийным выговором и отстранением от партийной работы. — *М.А.*

оставлен без работы более трех месяцев, а 3 декабря 1952 года бюро Бакинского горкома партии, для того, чтобы оправдать расправу, объявило мне выговор без занесения в учетную карточку. Я был направлен на хозяйственную работу – заместителем директора конторы капремонта скважин треста «Лениннефть», где работал до января 1955 года.

Все эти обвинения после тщательной проверки в Москве в ЦК КПСС и в Баку в ЦК КП Азербайджана решением бюро ЦК КП Азербайджана от 30 марта 1954 года, протокол № 7 (выписка от 9/IV № БЦ 9/7), с меня были сняты как необоснованные, и все решения парторганов, основанные на этих клеветнических обвинениях, в том числе и решение бюро ЦК КП Азербайджана об освобождении меня от партийной работы и решение Бакинского Горкома партии от 3 декабря 1952 года об объявлении мне выговора, отменены как неправильные и необоснованные.

В марте 1955 года я вновь был направлен на партийную работу – ответственным секретарем партийной комиссии политотдела УИТЛК МВД АзССР.

Здесь уместно сказать о характере этих обвинений. Что это за обвинения и в какой обстановке они возникли против меня? Я обязан говорить о них откровенно, чтобы избавить читателей от кривотолков.

В мае 1952 года, через несколько дней после моего возвращения из Москвы, где я сдавал госэкзамены как заочник Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), Зулейха Сеидмамедова представила Багирову записку о том, что в Москве в ВПШ я: 1) скрыл намеренно свою национальность, будучи евреем, записал себя татом, и 2) пытался подкупить «восточными сладостями» председателя экзаменационной комиссии Анисимову. Если первое «обвинение» вызывало у меня лишь улыбку, второе — вызывало ярость и возмущение как чудовищная клевета. На бюро ЦК, где обсуждалась эта никем не проверенная и ничем не подтвержденная записка, присутствовало много народа, и как мне говорили, своими ответами я поразил их всех, настолько мои ответы были убедительными. Да, я – горский еврей. Так нас называли до революции. Да, я — тат, так нас стали называть по родному нашему языку. Действительно, в небольшой анкете в ВПШ, в графе «национальность», я писал «тат» и при этом

ничего не скрывал³⁵. У меня нет ни малейшего основания стыдиться того, что я происхожу из этого маленького, до революции отсталого, забитого, бесправного, обреченного на вымирание народа. Наоборот, я горжусь тем, что я – выходец из среды именно этого народа, получив воспитание в рядах коммунистической партии, был поднят ею на такую высоту – на пост ответственного работника партийного аппарата. Из всей моей биографии видно, что нас после революции стали официально называть татами. Я – автор татского алфавита, я был редактором татской газеты «Коммунист», я был решением ЦК КП Азербайджана направлен в Москву для перевода издания татской литературы в Баку. Наконец, в шестой графе статотчета ЦК ВКП(б) «национальный состав коммунистов» пишется «таты». Где же здесь намеренное изменение? Кстати, говорил я им на бюро ЦК, вас, ныне называющих себя азербайджанцами, раньше до революции называли татарами, после революции вы себя писали тюрками, а теперь – азербайджанцами. И никто не собирается вас в этом упрекать. Это было бы смешно. Таких примеров много: раньше – самодеды, ныне – ненцы, тунгусы – эвенки и т.д. Что же касается того, что я пытался подкупить Анисимову, то разрешите мне вместе с Сеидмамедовой^{XXIX} поехать в Москву и устроить очную ставку, ибо это какое-то недоразумение, нелепая ложь. И почему проректор ВПШ по заочному обучению тов. Рящин, который сожалел о том, что я прерываю экзамены из-за необходимости вернуться в Баку для проведения отчетно-выборных собраний, ни в чем меня не упрекал?

Все молчали, даже Багиров, настолько мои объяснения были убедительными. Только один беззубый Сумбатов Шавкал прошепелявил – «надо было написать себя евреем». (Сумбатов – бывший Нарком внутренних дел – потом был по делу Берии расстрелян^{XXX}).

На следующий день Багиров в своем кабинете в присутствии председателя Совмина Теймура Кулиева «посоветовал» мне согласиться с просьбой Кулиева и пойти к нему на работу заместителем

³⁵ Яков Агарунов занимал высокие посты в партийной иерархии. Его должности относились к номенклатуре ЦК КПСС. Когда мне при работе над этой книгой удалось ознакомиться с его личными документами из этого строго засекреченного архива (он хранился в спецхране в Йошкар-Ола), то я увидел, что во всех закрытых партийных документах он записан не как горский еврей, а просто «еврей». Копии этих документов хранятся у меня. Часть из них приведены здесь в разделе «Иллюстрации». — М.А.

министра торговли по кадрам. Я понял, что я отстранен от партийной работы, высказал свое недовольство и пошел работать в Минторг. И тут же направил заявление тов. Сталину по поводу всех этих безобразий (я тогда еще ничего не знал о начавшейся кампании под названием «Дело еврейских врачей»). Не успел я поработать в Министерстве торговли и десяти дней, как был отозван «в распоряжение ЦК» с запрещением выезжать из города Баку куда бы то ни было (мое письмо Сталину было перехвачено). Это был по существу, как я потом в этом убедился, домашний арест.

Спустя месяц или полтора я был вызван ночью в МГБ на допрос «как свидетель по делу расхитителей социалистической собственности». Я был тогда все еще кандидатом в члены ЦК партии и допрашивался как свидетель. Тем не менее министр госбезопасности Емельянов и его сотрудники (Одинцов и др.) вели себя разнузданно и провокационно и в течение семи-восьми часов непрерывного допроса в августовской бакинской жаре лишили меня питьевой воды. Мое заявление Багирову по поводу недопустимых методов следствия вызвало против меня репрессивные меры: за мною и за членами моей семьи была установлена слежка^{xxxI}. А еще через некоторое время – 2 сентября 1952 года – на бюро ЦК была обнародована провокационная записка Емельянова, прокурора республики Рахимова и министра госконтроля Воробьева, обвиняющая некоторых руководящих работников в связи с неким «делом Кирсанова». Обо мне было сказано в этой записке, что я, будучи земляком Кирсанова и зная о его неблаговидных поступках, не разоблачал его, а даже выгораживал. И в качестве факта было сказано, что Кирсанов в 1943 году купил за 200 тыс. рублей в г. Баку квартиру, а я об этом не сигнализировал и т.д.

Надуманность и смехотворность этих обвинений заключалась в том, что, оказывается, я, находясь в Куйбышеве, за 2000 километров от Баку, обязан был знать о том, что Кирсанов в Баку приобрел квартиру за 200 тыс. рублей, а Емельянов, под боком которого совершались подобные сделки, не мог об этом знать. Кстати, гораздо позже выяснилось, что под покровительством Емельянова проводились иногда подобные миллионные операции. А пока что страдали другие, в том числе и я. Я был более трех месяцев оставлен без работы, оклеветан и публично третирован как пособник Кирса-

нова. Однако ни следствие, ни личная поездка Емельянова в Кубу, ни его и его сотрудников отчаянные потуги, чтобы выискивать против меня какие-либо отрицательные данные, не дали ничего подтверждающего воздвигнутому против меня делу. И бюро горкома партии 3 декабря 1952 года вынуждено было не исключать меня из партии, а только объявить мне строгий выговор без занесения в учетную карточку, и то для того, чтобы оправдать репрессию против меня.

Я был направлен на низовую работу – заместителем директора конторы капремонта скважин «Лениннефть». Но и здесь управляющий трестом Искендеров М.А долгое время не допускал меня к работе, так как он заявил, что «не желает у себя организовывать синагогу» (в капремонте работали три европейских еврея)^{xxxii}.

Я забыл сказать, что в это время не только мои родственники, но и однофамильцы, и некоторые другие горские евреи были сняты с работы, якобы из-за меня.

В марте 1953 года скончался И.В. Сталин. Через несколько дней еврейские врачи были реабилитированы, а их клеветница осуждена. Через два-три месяца был разоблачен и расстрелян Берия, через месяц был снят с работы и Багиров. А 15 сентября 1953 года я выехал в Москву в ЦК КПСС к тов. Шубину – ответственному организатору ЦК КПСС по Закавказским республикам – с просьбой разобрать мое дело. Тов. Шубин, видимо, знал «мое дело» и по согласованию с руководством взялся за него. Емельянов еще был министром госбезопасности и находился в это время в Москве. Шубин по моей просьбе вызвал его в ЦК на очную ставку со мною. Это было интересное зрелище. В 1952 году он меня допрашивал, а сейчас – я его. И он вынужден был раскрыть все. Он вынужден был все сказать и в то же время старался обелить себя и всю вину возложить на Багирова. Он рассказал следующее.

«После того, как Агарунов в 1951 году раскрыл “Агдашское дело”, задевающее многих руководящих работников республики, Багиров как-то наедине сказал мне, что “пора Агарунова перевести на другую работу”. Это я понял как намек. Потом появилась записка З. Сеидмамедовой (она была близка к Багирову), за которую и ухватились. Потом – дело “еврейских врачей”, которые якобы хотели отравить тов. Сталина, и в связи с этим - директива об освобождении от руководящих постов всех людей еврейского происхождения.

Но Агарунов вел себя дерзко^{xxxiii}, а к тому моменту появилось направленное из ЦК ВКП(б) анонимное заявление на Кирсанова, где фигурировало и имя Агарунова. Автором этого анонимного заявления, как удалось выяснить, оказался один из тех, кто работал с Агаруновым ранее и в газете, и в ЦК, и он его в этом заявлении опорочил сильно и т.д.».

Из моих вопросов Емельянову и из его ответов выяснилось очень много отвратительных фактов по поводу травли меня. «Об Агарунове, — говорил он, — разговоров было очень много, но ни одного свидетельства против него мы не нашли».

Вот так раскрылась тайна клеветы на меня. Это было 20 сентября 1953 года. Через некоторое время Емельянов был снят с работы и публично осужден на 15 лет³⁶. Теперь надо выяснить про записку Сеидмамедовой^{xxxiv}. Первое обвинение о том, тат ли я или горский еврей, вызывало смех и само собой отпало. А вот по поводу «подкупа Анисимовой» на телефонный звонок тов. Шубина заместитель директора ВПШ Рящин ответил, что, де, Анисимова это и сейчас подтверждает. Тогда я попросил очной ставки с Анисимовой, будучи вполне уверенным в своей честности. 22 сентября тов. Шубин вызывает меня из гостиницы «Москва», где я остановился, в ЦК ВКП(б). Я прихожу, захожу в кабинет к тов. Шубину. Сразу узнаю Анисимову, подхожу к ней, здороваюсь как ни в чем не бывало. Она, чуть приподнявшись, здоровается со мной, узнает меня, спрашивает, как мои дела и т.д. Тов. Шубин удивленно смотрит на нас и наконец, не выдержав, спрашивает: «тов. Анисимова, вот Агарунов, он Вас пытался подкупить восточными сладостями?» Тов. Анисимова, старый член партии, пожилая женщина, растерянно смотрит на меня, а потом на Шубина и с трудом, сильно волнуясь, выговаривает: «Неужели я оклеветала невинного человека? Это не он, тот был высокий с маленькими усиками. Жили они вместе и ходили на консультации вместе». Надо было видеть эту обстановку в

³⁶ Емельянова судили вместе с Багировым в 1956 году. Подсудимых было шестеро, двоим, в том числе и Емельянову, дали по 15 лет, остальных расстреляли. После выхода на свободу через полных 15 лет Емельянов иногда появлялся на бакинском бульваре, общался с пенсионерами. Интересно, что он иногда сетовал на то, что люди не хотят с ним здороваться. «Не понимаю почему?» — спрашивал он. Знавшие его лишь многозначительно переглядывались. — *М.А.*

тот момент. Я чуть не плакал. Она все время непрерывно и растерянно просила у меня извинения за невольную клевету и за все, что я претерпел по ее вине. А Шубин сидел очень довольный тем, что успел раскрыть до конца всю клевету на меня.

Вот финал всех этих мучений. Заключение: меня зря обвинили. Со мной жили в общежитии ВПШ два товарища грузины Папликашвили и Микеладзе. На консультации мы ходили вместе и шутили о солнечной Грузии, о мандаринах и сладостях, один из них, видимо, всерьез предложил ей восточные сладости, а она почему-то об этом говорила Рящину и ошибочно назвала мою фамилию, и заварилась каша, из-за которой я пострадал. А ведь можно было тогда же, в мае 1952 года, устроить по моей просьбе очную ставку и раскрыть недоразумение. Но это было, как сказал Емельянов, не в их интересах.

Тов. Шубин и я хотели бы, чтобы все это было оформлено решением ЦК ВКП(б), но руководитель отдела, которого все время о ходе проверки информировал тов. Шубин, и руководители ЦК КП Азерб.ССР (Якубов и др.) сочли нужным оформить отмену решений ЦК КП Азербайджана именно решением ЦК Азербайджана, «тем более, что по этим документам кроме Агарунова проходят и другие товарищи». Я поблагодарил тов. Шубина и выехал в Баку.

А теперь расскажу, что это за «Агдашское дело», из-за которого меня так замучили.

Летом 1951 года третий секретарь Агдашского райкома партии Бахишев прислал Багирову заявление о фактах разложения среди руководящих работников района, их срачивания с расхитителями социалистической собственности. И вот вызывает меня Багиров (я был тогда первым замом отдела партийных органов ЦК КП Азербайджана, а Сеидмамедова была замом по комсомолу) и предлагает выехать в Агдаш, провести пленум Райкома и снять с работы Бахишева как клеветника. Заявление Бахишева проверено аппаратом Емельянова и установлено, что все, что он пишет, — клевета. Я выезжаю в Агдаш, чтобы выполнить указания Багирова, назначаю заседание пленума, но для очистки своей совести все же беседую с Бахишевым – автором заявления. И - о ужас! - выясняю, что Бахишев все же прав. Он не клеветник, он сам был участником этих разложений, но потом опомнился и нашел в себе силы доложить обо всем Багирову. Было установлено, что некая Мамедова, будучи в

течение долгих лет заведующей базой по снабжению закрытых учреждений (детские сады и др.), занималась расхищением, сама обогащалась и бесплатно снабжала продуктами руководящих работников района: секретарей райкома, прокурора, начальника РОМГБ, следователей и многих других — и поэтому оставалась безнаказанной. Она устроила небывалые по размаху пышные свадьбы своих дочерей и т.д. Таков же и другой тип — заведующий буфетом Лякской станции, угощавший, конечно, даром многих руководящих работников республики из министерств хлопководства, сельского хозяйства и других крупных персон, когда они проезжали через Ляки.

Как мне быть? Выполнить указания Багирова, провести пленум и снять Бахишева — это идти против совести. Раскрыть всю эту кутерьму, идти вразрез с указанием Багирова и против Емельянова? Я принял второе решение, отменил созыв пленума, поехал в Мингечаур, где у Ислам-заде имелся прямой провод с Багировым, связался с ним и заявил, что «Ваше поручение выполнить не в состоянии, так как, как мне кажется, Бахишев не клеветник, а факты подтверждаются». Небольшая телефонная пауза, и Багиров приказывает: «А ну-ка, немедленно приезжай в ЦК». Я тут же на «Виллисе» выезжаю и иду прямо в ЦК. В кабинете Багирова, куда я вошел прямо с дороги, меня ждут, кроме Багирова, Емельянов, его заместитель Падаров и другие. Багиров на ходу требует информацию о том, что случилось. Я коротко объясняю свои предварительные выводы и свои убеждения и заявляю, что аппарат Емельянова неправильно информировал ЦК КП Азербайджана. Багиров нападает на Емельянова: «Вы, господин Емельянов, так обманываете меня?» Емельянов что-то мямлит. Тут же создается комиссия под моим председательством, с членами — Падаров, первый зам. Емельянова и другие. Я требую главного ревизора Минторга, и выезжаем в Агдаш. Ночью печатаем подозреваемые здания и базы, и буфета. То, что потом здесь было обнаружено, превзошло даже мои ожидания. Там были обнаружены списки тех, кого они бесплатно снабжала продуктами, и крупную для тех времен недостачу около 400 тысяч рублей. Были обнаружены припрятанные товары — коньяки, продукты и многое другое недалеко от буфета — под землей. Они признались, как угощали бесплатно руководящих работников республики. Это были факты прямого сращивания некоторых руково-

дящих работников с жуликами-расхитителями. Это было также ударом по престижу Емельянова и его сотрудников-разведчиков.

Я представил по этому поводу Багирову записку, а сам, не дожидаясь обсуждения моей записки, на очередном пленуме ЦК выступил с разоблачением пособников расхитителей из числа руководящих работников республики, сказав и о том, как Емельянов пытался обмануть ЦК и Багирова, и т.д. В общем, это было невиданное, непривычное для Баку, открытое разоблачение стольких людей и органа МГБ.

Чем это кончилось для меня, сказано выше. Но моя записка долго курсировала по кабинетам, над некоторыми виновниками был устроен суд, некоторые были привлечены к партийной ответственности, а министры отделались “признанием своей ошибки”. Это было серьезным сигналом для республики, и надо было делать из него политические выводы. Вместо этого ударились в амбицию и начали травить меня.

Другое было «Алибайрамлинское дело», о чем забыл вспомнить Емельянов. В начале 1952 года я был направлен для проверки заявления первого секретаря Мурадова. Нить привела меня в райотделение МГБ. Мною было установлено, что еще в 1950 году начальник райотдела МГБ Гусейнов, находясь в дружеских связях с директором МТС Караевым, раскулачил два комбайна и моторы поставил на свои легковые машины. Мурадов об этом сообщал Багирову, а Емельянов, как всегда, опровергал. Мне удалось и на этот раз разоблачить ложь Емельянова, непартийное поведение его сотрудника Гусейнова и вернуть моторы в МТС. Но чем все это потом для меня кончилось – сказано выше. Емельянов не мог забыть всех этих случаев и пытался расправиться со мной.

Итак, в сентябре 1953 года в ЦК ВКП(б) были тщательно проверены все обвинения, выдвинутые против меня в 1952 году, установили их лживость и клеветнический характер и дали указание ЦК КП Азербайджана отменить все решения, принятые по поводу меня в 1952 году как неправильные, и восстановить меня на партработу. И после этого благоприятного заключения мне пришлось более шести месяцев обивать пороги ЦК КП Азербайджана, и только после неоднократных звонков ЦК ВКП(б) бюро ЦК КП Азербайджана 30 марта 1954 года отменило как неправильные и необоснованные все те пять решений, которые относились ко мне. И я был полностью реабилитирован^{xxxv}.

Вспоминая те тяжелые для меня годы, я каждый раз задумываюсь над тем, почему же именно тогда было немало двурушников во властных партийных структурах. Я помню, как на партийном собрании коммунистов аппарата БК, где меня должны были исключить из партии в сентябре 1952 года, я потребовал, чтобы на собрание как коммунист пришел бы и сам Багиров. Я настаивал на этом, говоря, что он может подтвердить, что все эти обвинения против меня являются ложными. Пошли за Багировым, он не пришел. Тогда я как бы задавал вопросы Багирову и сам за него отвечал на основе имеющихся у меня документов в мою защиту. А по поводу Кирсанова прямо сказал, что Багиров ему больше земляк, чем я. Поднялся невообразимый шум, некоторые присутствующие проклинали меня и уличали в оскорблении «отца и учителя Багирова». А Виталий Самедов, завотделом пропаганды ЦК, и Искендеров, директор института Шаумяна, заявили с трибуны, что Агарунов нагло нападает и оскорбляет нашего отца и руководителя Багирова, и за одно только это надо исключать его из партии. А потом, когда Багиров был снят с работы, эти люди больше всех и громче всех стали поносить Багирова. Беспринципность и двурушничество были уделом многих тогдашних руководителей.

В политотделе УИТЛК я проработал немногим более года. Сначала секретарем парткомиссии, а потом старшим инспектором. Уволился 15 июня 1956 года по сокращению штатов. В августе 1956 года ЦК КП Азербайджана и Совмин АзССР направили меня в Минторг в качестве директора Бакхлебторга. На этой должности я проработал шесть с половиной лет.

От работы в торговле я долго отпирался, потому что я не имел ни опыта, ни призвания к ней. Долго уговаривали, заявив, что работа директора Бакхлебторга – это не торговля в обычном и полном смысле слова. Это – политическая работа по обеспечению населения хлебом и т.д. Но, когда меня заставили приступить к делу, я убедился, что это действительно важная и даже политическая работа. Но все ж это – торговля, где имеются многочисленные факты обвеса и обсчета и другие жульнические махинации. Ни систематические проверки, ни ревизии, ни судебные приговоры не давали должного эффекта. Я подробно писал о своей работе на этом посту^{xxxvi}. Уволился по собственному желанию в мае 1963 года. Годы моей работы в Бакхлебторге считаю самыми мрачными в моей жизни.

Конечно, и здесь я продолжал свою партийную принципиальную линию в работе, но меня измотали многочисленные никому не нужные комиссии и беспринципное поведение некоторых руководящих работников. Наконец я добился своего ухода из Баххлебторга, проработав там шесть с половиной лет (рекордный срок для всех работавших на этом посту). Министр торговли, согласовав с ЦК КП Азербайджана, освободил меня по собственному желанию с 1963 года.

С августа 1963 года по настоящее время по направлению ЦК КП Азербайджана работаю заместителем директора ВНИИТБ по общим вопросам – назначен приказом Госкомитета нефтяной и химической промышленности за № 50/К от 31 августа 1963 года.

За время моего нахождения в рядах КПСС я неоднократно избирался членом руководящих партийных и советских органов. Был избран членом бюро райкомов партии: Кубинского (1930-1932), Бардинского; Городского (1938-1939) и Орджоникидзевого г. Баку (1939-1941), членом и членом бюро Бакинского горкома партии (1938-1942 и 1948-1950), кандидатом в члены ЦК КП Азербайджана – на XIII съезде компартии Азербайджана (июнь 1937 года), а на пленуме был переведен в члены ЦК и на XVIII съезде компартии Азербайджана (май 1951 года) – кандидатом в члены ЦК КП Азербайджана; депутатом районных советов, Бакинского совета нескольких созывов, а также депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР первого созыва.

Был делегатом ряда районных и городских партийных конференций, делегатом ряда съездов компартии Азербайджана (X съезда – май 1930 года, XI – январь 1931 года, XII – январь 1934 года, XIII – июнь 1937 года, XIV – июнь 1938 года, XV – март 1939 года, XVII – январь 1949 года и XVIII – январь 1951 года), VI съезда Закавказской парторганизации в 1934 году, а также делегатом (с решающим голосом) XVIII съезда ВКП(б) в 1939 году.

Я имею высшее образование. Окончил исторический факультет пединститута (диплом № 509764) и полный курс заочного отделения Высшей партийной школы при ЦК КПСС (справка № 10334).

Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалью «За оборону Кавказа» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»^{xxxvii}.

20 октября 1967 года

Часть II

Теперь пора рассказать о моих родителях, о нашей семье – по моим наблюдениям и впечатлениям, и о наших предках – по достоверным рассказам моих родителей.

Родоначальником нашей семьи был Сагай Ирони, то есть Исак из Ирана, выходец из Гилянской провинции Ирана, говорил на персидском языке (фарси - родоначальник горско-еврейского языка), исповедовал иудейскую религию. Во второй половине XVIII века он переселился в Баку, жил в крепости (в то время иранский шах считался властителем одновременно Азербайджана, Армении и Грузии и имел там большое влияние).

Кем он был? Персом с иудейской религией или далеким потомком тех евреев, которые были рассеяны («диаспора») по всему свету в результате опустошительных иудейских войн? ^{XXXVIII}

Известно, что в 586 году, то есть в VI веке до нашей эры, ассирийские войска царя Навуходоносора, завоевав Иерусалим, полностью разрушили храм Соломона и угнали евреев в Месопотамию. Через несколько столетий, в начале I века нашей эры, римский легион Веспасиана в иудейской войне нанес поражение иудеям, а его сын Тит в 70 году н.э. полностью покорил Иерусалим и сравнил храм (второй — отстроенный) с землей, передав пленных в рабство. В V-VI веках нашей эры персидские войска нанесли новое поражение иудеям и увезли много пленных. Между этими войнами происходили десятки восстаний иудеев против своих поработителей, главное из них – восстание Бар-Кохбы (132-135 годы). Все эти восстания в конце концов кончились поражением повстанцев.

В результате жители иудейских царств были рассеяны по миру, главным образом по странам востока, в том числе и в Иране. Вполне возможно, что наш родоначальник Сагай Ирони и был далеким потомком одного из тех несчастных иудеев, которые как пленники или как рабы когда-то попали в Иран. Но что могло через двадцать веков остаться у него в наследство от его предка? Опустошительные войны, изгнания и затем возвращения иудеев из изгнания, непрерывные странствования, плен и рабство и как результат всего – смешение племен, народов и крови.

Языка своего предка он, безусловно, не знал, усвоил обычаи,

нравы и характер местных людей, их язык (фарси). Но, по-видимому, под воздействием раввинов сохранил религиозные обряды – обрезание, праздники и саму иудейскую религию с некоторыми видоизменениями.

У Сагая Ирони был сын Агарун (Аарон), он и переселился, видимо, в конце XVIII века в город Кубу, как тогда называли, да как и сейчас называют горские евреи – Гала́ (Гэлэ - крепость), но не в самую крепость – «Гэлэ», а по ту сторону реки Кудиял-чай, вернее, на левый равнинный берег Кудиял-чая, а Гала́ – крепость – находилась на высоком правом берегу. В настоящее время от крепости ничего не осталось. Это – современный город Куба, но мы по традиции продолжаем все еще называть его Гала́.

На этом левом берегу Кудиял-чая в то время находилось большое поселение горских евреев. Само поселение разбивалось на кварталы, носящие названия племени или места, откуда они сюда переселились. Река Кудиял-чай была тогда, видимо, неширокой, и все жители этого поселения в первоначальном плане обслуживали воинов Гала́ и водой, и продуктами, и мануфактурой. Наверное, поэтому через десятки лет здесь было много торговцев, разносчиков, кустарей и др. Видимо, мой прадед Агарун поселился здесь не один, а с другими такими же выходцами из Ирана. И поэтому «махалла», которую они образовали своим поселением, стала называться (и сейчас называется) «махаллай гиляки» (квартал, где живут выходцы из Гилянской провинции Ирана). Вообще-то махалла - это не квартал, это и не двор, как это сейчас называется. Махалла – это гораздо больше, чем двор и квартал. Это могут быть десятки домов одного племени или земляков. Нас – детей, внуков и правнуков Агаруна Сагая – называли и сейчас называют «хунадун Агарун Сагай» - домочадцы Агаруна Сагая, а всех проживающих в этой махалле – гиляки, то есть гилянцами.

Еврейская (Красная) Слобода в Кубе по преданию существует 247 лет³⁷. Население ее – сборное, пришедшее из разных мест, что отразилось на названиях кварталов (махалла), на которые делилась

³⁷ Из исторических источников известно, что Еврейская Слобода в Кубе создавалась в 1731 году. Вторую часть рукописи этой своей автобиографии Яков Агарунов завершил в 1978 году. — М.А.

эта Слобода. Самый старый квартал – Кулгат. Кулгатцы, говорят, переселились сюда после погрома, произведенного ханом, из Кулгата – старинного поселения в нескольких верстах от Кубы, в котором, по преданию, они жили с тысячу лет. В старом Кулгате имеются, я видел, холмы и следы кладбища. В годы моей молодости, когда я занимался историей горских евреев, хотелось произвести раскопки этого старого Кулгата. Но меня перевели на партийную работу, и эти желания, так же, как и вопрос изучения истории горских евреев, остались нереализованными, а собранные материалы затерялись.

Кусарцы переселились из Кусаров, карчай – из селения Карчаг (Дагестан), гиляки, как я уже сказал, - из Гиляна (Персия), предварительно обосновавшись в Баку, агаджанцы – с юга, чапканы – из поселения около Ахты (Дагестан) и т.д. Каждый махалла имел свою синагогу, а некоторые – даже две. Причем иногда они враждовали в те времена между собою, пытались обособляться.

Жители этих кварталов имели и продолжают ныне иметь свои разные прозвища, некоторые – весьма нелестные. Так, например, кулгатцев называли нелестным прозвищем «развратницами», видимо, не в прямом смысле слова, а по характеру, кусарцев – «ворами» (dyzd), гиляков (это мы) – «заносчивыми», «твердолобыми» (kəllə, təkəbur), агаджанцев – «наивными» (ovom), чапканов – «грабителями», карчаев «ослами» (хəг). Возможно, эти прозвища в первоначальном своем виде характеризовали племена, которые переселились в Слободу. Еще в мои юные годы, когда я жил в Слободе, эти прозвища бытовали. Особенно мне запомнилось то, что нас – жителей квартала «гиляки» – называли «глубокими» (doruŋ), «много знающими» (ambardan) и «принципиальными», а жителей квартала «карчай» – «ослами» (хəг), то есть дураками. По этому поводу рассказывают много легенд, и, видимо, не без основания. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь обиделся. Наоборот, каждый житель гордился своим прозвищем, если даже оно нелестное: любовь и уважение к истории и происхождению своего племени через века глубоко соблюдались.

Агарун Сагай, мой прадед, имя которого стало потом фамилией для всех его потомков (Aharun – Агарун - Агарунов), имел четырех сыновей: Миши (Моисей), Натанил, Шалму (Соломон), Яхку (Ягув - Яков). По всей вероятности, наш Агарун был предприимчивым, преуспевающим, инициативным человеком (предание говорит, что

у него в доме жила своя особая змея, которая приносит счастье). И он с сыновьями имел большие плантации по выращиванию «бугага»³⁸ – растительной краски, которые приносили им солидный доход. Не случайно, что у Миши Агаруна (моего деда по матери) был двухэтажный из красного кирпича большой дом-крепость. Были дома, но меньшего объема, и у других братьев, конечно, и у Яхку (Якова) – моего деда по отцу. Но вот разразился кризис, появилась химическая краска, стоящая намного дешевле растительной, и мои предки разорились. Их земельные участки еще некоторое время приносили им доходы, но уже не такие, когда выращивался бугаг. Два брата – Шалму и Натанил – продали своим недвижимое имущество и выехали в Дербент, где приобрели себе небольшие дома и виноградные сады, и там же обосновались. Внук этого Шалму, который носит его имя – Соломон, ныне живет в Москве, и мои дети и даже внуки его семью хорошо знают. У Натанила тоже есть сейчас внук, который носит его имя. Живет он в настоящее время в Махачкале. Я ношу имя своего деда по отцу – Яхку-Яаков-Яков, а имя Миши – Моисея – тоже носит его внук – сын Рахамима – Моисей, который сейчас живет в Саратове, а раньше жил с родителями в Ленкорани. Его братьев – Бориса и Матвея – хорошо знают мои дети. Как видите, все четыре брата «воскресли» в лице своих внуков.

Из всех четырех сыновей Агаруна самым знаменитым был, как говорят, Миши Агарун – мой дед по матери. Он был широкоплечим, плотным, высоким, с окладистой бородой, внушительного вида, красивым и властным как по голосу, так и по характеру. Он был бесстрашным, предприимчивым, и после смерти своего отца всеми делами вершил именно он, и с большим успехом. Он был высокоуважаемым в обществе, к нему ходили, чтобы решать серьезные вопросы, и его заключение было непререкаемым. И вид его, и голос, очевидно, и богатство его, и ум были залогом его успехов и уважения. Трое других братьев, в особенности мой дед по отцу, были по сравнению с ним пассивными, менее инициативными и неприспособленными к предпринимательству и потому жили скуднее, находясь в зависимости от старшего брата. У Миши было пятеро сыновей: Бенцион, Ильягу, Илиизир, Рахамим и Гавриил — и две

³⁸ «Бугаг» (джуури) – марена.

дочери: Хану и моя мать – Назханум. Я их всех хорошо знал, кроме Гавриила, который в молодости был убит, пытаясь собирать доход у крестьян, которые работали на бывших плантациях его отца. Со смертью их отца – Миши Агаруна – кончилась и их вольготное существование, а авторитет и уважение, как известно, доходов не приносят, да и время было уже другое. Поэтому Бенцион занялся торговлей, Ильягу – тоже торговлей сельхозинвентарем, Илиизир стал специалистом телефонной станции, а Рахамим переселился в Ленкорань, там заимел мельницу. Мои дети знают внука моего дяди («холу»³⁹) Бенциона – Леню Агарунова и его сестру, детей холу Ильягу – Шушан и Еву Агаруновых, детей холу Рахамима – Бориса, Матвея и Эсфирь Агаруновых, внуков тети Хану – Семена, Миши и Пейсаха Ашировых и Мардахая Абрамова. Дом-крепость Миши Агарунова в Еврейской Слободе разорился («феодалное гнездо»), остатки дома сыновья распродали жителям Слободы.

Теперь – рассказ непосредственно о нашей семье.

Как сказано выше, мой дед (отец моего отца) Яхку (Яков - Якуб) Агарунов в житейских делах был малоспособным. У него было четыре сына и пять дочерей. Старшая дочь – моя тетя Милько – была замужем за Ифраимом Шербетом. Они из Кубы переселились в Дербент и занимались виноградарством и торговлей. Мои дети знают их сыновей – Шербета, Мататиё и Шумуна — и дочь Шербета. Вторая дочь – тетя Довро – рано скончалась, ее дочь Пурим в детстве фотографировалась со мной. Третья дочь – Сипро была замужем за дербентцем, ее дети Сара и Беник знакомы моим детям. Четвертая дочь – тетя Хибо — вышла замуж за крупного богача Данила Миерова. Я в 1919-1920 годах в Баку жил у них. Их семья наиболее близка была к нам, и мои дети, наверное, хорошо помнят тетю Хибо, а еще лучше знают ее детей: Сеню (Суина), Максима, Мишу (Мошлума), Марика (Мархи), Фиру, Рахилу, Мару (Тамару) Миеровых. Пятая дочь моего деда – тетя Ама (Хаёт) – живет и ныне в Кубе, дети мои знают ее и ее дочь Хавасилит.

Теперь – о сыновьях моего деда. Все они жили в одном доме с семьями, а дом состоял всего-навсего из трех комнат.

³⁹ Холу (джуури) – дядя по матери.

Хаим – я его не знал, – как говорят, кроме чтения и познания Торы ни к чему не был приспособлен. Он знал больше, чем любой раввин, но раввином не стал, несмотря на большие доходы, которые принесла бы ему эта должность, ибо в нашей семье презирали раввинов за их фарисейство⁴⁰. Скончался он рано. Жена его Арус, овдовев, вышла замуж за другого, а два сына – Ихиел и Миши – остались на попечении моего отца. Ихиел погиб во время Первой мировой войны. А Миши скончался, так и не женившись, в 1946 году, мои дети знали его.

Второй сын его Мухоил - мой отец – был более практичным человеком (более подробно о нем - позже).

Третий сын, Даниил, детей так и не имел. В отличие от всех других в нашей семье, он курил, имел широкий круг друзей «свободомыслящих», пил и занимался заготовкой мяса для производства колбасной продукции. Мясо рубили у нас во дворе и возили в Баку. Во дворе у нас всегда пахло кровью скота, как на бойне, но зато всегда было мясо и, что важно, были внутренности, которые в жареном виде я очень любил. Погиб Даниил от рук своего же друга в 1915 году, а его жена Дадайхуна вышла замуж за другого и заимела от второго мужа много детей.

Четвертый сын его – Авраам – занимался торговлей и огородничеством, табаководством, имел трех прекрасных сыновей от первой жены Сибо, которая скончалась от тифа в 1922 году. Второй раз Авраам женился на Хане из Дербента («Ханой Дербенди»), которая родила ему девочку. Сам Авраам скончался в 1924 году, оставив на попечении моего отца своих сыновей, а именно: Азизи (Донила), Рамбома и Осипа (Асафа).

Даже и сейчас трудно мне представить, как все эти люди, семейные с детьми, жили в трех комнатах: Даниил с женой жил в маленькой комнате, мой отец Мухоил со всей семьей - в большой комнате, а в другой – Авраам со всей семьей. Было тесно, неудобно, но так надо было.

Отец мой Мухоил был женат на своей двоюродной сестре – дочери своего влиятельного и властного дяди Миши. Настоящее имя

⁴⁰ Когда я спрашивал у отца, что если бы не советская власть, он стал бы, наверное, раввином, то он ответил на это буквально следующее. «Нам не положено быть раввинами, мы выше них. Мы обязаны восходить на амвон и благословлять людей». Уже после я узнал, что мы являемся прямыми потомками первосвященника Аарона и относимся к так называемым «кознам» - еврейским жрецам. — *М.А.*

моей матери – Мэрджон (Мэрчон, что означает «драгоценное ожерелье», «кораллы»), но называли ее Назханум, что значит «кокетливая дама», а выговаривали «Нэсхонум».

Сейчас, почти через 60 лет, мне трудно восстановить в полном объеме образ моей матери, тем более что она умерла вдали от меня, когда мне было всего 12 лет. Но я расскажу несколько сохранившихся в моей памяти эпизодов.

Она была высокой, стройной, не полной, с правильными чертами лица, на небольшом носу маленькая горбинка (наш наследственный знак), лицом пшеничного цвета, и не знаю почему, мне – ребенку – особенно нравились ее подбородок и глаза. До меня она родила четырех детей, и все – девочки, и все они умерли в детском возрасте от разных заболеваний. Тогда врачей не было. На весь Кубинский уезд был всего один доктор. Господствовали эпидемии, и потому детская смертность была высока. Она много и морально страдала, а дома, видимо, ее упрекали и за то, что не рождает мальчика, и за то, что дети умирают. Поэтому мое появление на свет приносит им всем и в особенности моей маме радость и непрерывную тревогу. Я был окружен всяческим вниманием. После меня моя мама родила еще пять детей и ни одного мальчика. В живых остались я и две сестренки – Морголут и Панино. Я оказался единственным сыном многострадальной матери, поэтому она опасалась за каждый мой шаг, дрожала из-за каждого простого насморка. А я к тому же был еще очень капризным. Вернее, сама обстановка всеобщего внимания и уважения делала меня невыносимо капризным. Я плохо ел, был очень худым и всем своим существом наводил на всех страх за мою жизнь. Помню, как в такие моменты мама долго плакала: ведь если я умру, что же тогда ей делать? Тогда недостатка у нас не было, тем более для меня, но я от всего отказывался. Вот я плачу, требую кушанье, мне тут же приносят свежесдобитый тендырный⁴¹ чурек, еще любимый фады⁴², яичницу, любимый сыр, печеную айву, фрукты и многое другое. Нет, всего это я не хочу, дайте мне другой сыр. Открывают другой хиз⁴³, третий хиз, не хочу

⁴¹ Тендыр – вырытая в земле во дворе или в доме куполообразная жаровня для выпечки хлеба.

⁴² Фады (джуури) – лепешка из пшеничной муки.

⁴³ Хиз (джуури) – бурдюк для изготовления и хранения сыра.

этого, не хочу другого. Наконец приносят по моему требованию от нашего водовоза черный ячменный хлеб, и я с удовольствием его ем, а мама плачет о своей горькой судьбе. Иногда она ругает меня, тогда за меня заступается моя бабушка и берет меня в свои объятия. Моя бабушка по отцу - Говхар Рафаил - была высокой и полной, смуглой, полногрудой. Она, естественно, никому не позволяла меня обижать, называя меня своим мужем (я же ношу имя ее мужа!).

Выше я говорил о пережитом нами — беженцами — в 1918 году (см. с. 12-14). По дороге я потерял своих родителей и, когда в огромной толпе беженцев подошел к Хачмасу, заплакал в отчаянии. Ко мне подошел один из многих мужчин и с жалостью спросил: «Чей ты сын?» Я ответил, назвал имя моего отца и имя матери. Потом, через несколько лет я понял, что одно имя отца или матери было недостаточно, чтобы узнать, кто я такой. Надо было сказать: «Сын Мухоил Яхку Агаруна» или «Из домочадцев Агарун Сагая». Тогда этот мужчина узнал бы меня, чей я сын, и, наверное, помог бы мне. Но я тогда этого не знал, и этот мужчина повел меня к огромной привокзальной площади и сказал: «Ищи своих родителей», а сам уехал. Легко сказать: «Ищи», когда на всей этой площади камню негде упасть. Везде и всюду сидят люди прямо на камнях со свои скорбю, своими заботами. Их так много, что трудно кого-то найти. Наконец подошел кто-то, взял меня за руку, и радостно крича, сказал: «Пойдем, пойдем» и кричит: «А Назханум, куктурэ офдэм!» («Эй, Назханум, я сына твоего нашел!») Через десятки шагов мы подошли к тому месту, где сидят мои родители. Я вижу, на зов встала моя мама и какими-то загадочными глазами, как слепая, еще не веря своему счастью, смотрит в мою сторону. Когда я подошел к ней, взяла меня, обняла и целовала так долго, что моя бабушка отняла меня у нее, укутала меня в одеяло, и я долго спал, а когда проснулся, я заметил, что ноги мои опухли и язык даже онемел.

О том, что мы пережили в Дербенте, я тоже писал выше. Остро запомнились два момента, связанные с моей мамой. Днем турки напали на нас и винтовками с нанизанными короткими штыками, угрожая отцу, требовали денег. Отец вытаскивал из одного кармана деньги, турки были недовольны. Отец вытащил все, что было у него в других карманах, опять недовольны и направили штык в грудь моего отца, чтобы убить его. Вот тут моя мама появилась между

отцом и тюрками, сорвала со своей шеи драгоценности – ожерелье из золотых монет – и отдала тюркам. Они успокоились, но, уходя, взяли с собою и отца в тюрьму.

К вечеру мама в тендыре выпекла, как всегда, на несколько дней большое количество хлеба. Наступили сумерки, стало темно, и на наш дом опять напали тюрки. К счастью, ворота были заперты, и, пока они пытались открыть их, мы все успели через полутора-метровую кирпичную стену перейти во двор лимонадного завода и побежали привычной дорогой к железной лестнице, ведущей на чердак. Нам показалось, что тюрки бегут за нами, и мама, держа меня за руки, быстро поднялась по лестнице. И уже недалеко от чердака мама оторвалась от меня, исчезла. Я один в темную ночь остался на лестнице, на высоте. Страх охватил меня, а во дворе шум и гам. Через несколько минут, видимо, когда убедилась, что за нами погони нет, она вернулась, взяла меня в свои объятия и, сидя на краю крыши, горько и долго плакала. А когда на рассвете мы вернулись в свой дом, мы были поражены: не осталось ни одного куска хлеба, все унесли. Постель, подушки, тюфяки – все распорото, и пух валется, как снег.

Через несколько дней я заболел непонятной болезнью: у меня началось сильное и непрерывное кровотечение из носу⁴⁴. Все средства, какие были тогда известны, не давали результатов. Мама - в отчаянии, тревоге. Наконец какой-то местный врач предложил мне выпить чайный стакан соленой воды, и это помогло, кровотечение остановилось. В этот день, когда мне стало немного легче, она сама пострадала. Войдя в комнату, где я лежу, с полным казаном теплой воды в руках, она пошатнулась и упала у порога. И казан сильно задел ее грудь. Ей было очень больно, она плакала, и я - с ней за те страдания, которые она терпела из-за меня.

Я писал раньше, что после окончания начальной школы в Кубе, в сентябре 1919 года родители решили отправить меня в Баку для

⁴⁴Видимо, эта болезнь сохранилась у отца на долгие годы, так как я хорошо помню, что иногда у него вроде бы ни с того, ни с сего (а может быть, после сильного волнения на работе, о котором мы не знали), начиналось сильное и обильное носовое кровотечение. Он ложился на кровать, высоко запрокинув голову. Мы успокаивались только тогда, когда через довольно продолжительное время кровотечение приостанавливалось, и он еще долго ходил по квартире, отхаркиваясь проглоченной кровью из носу. — *М.А.*

продолжения образования. Мать моя гордилась этим, тем, что ей удалось вырастить меня (все дети до меня умерли) и теперь я такой большой могу ехать дальше, даже в Баку. Но, помню, она говорила про меня: дома он такой капризный, может быть, на чужбине он будет смиренным и послушным и у своей тети будет хорошо питаться, а то он «jə pusd, jə əsduquni» – «кожа, да кости», то есть совершенно худой. И вот наступил день отъезда в Баку. Отец торопился, нас ждет фаэтон, а мама никак не может завершить готовить меня в путь: то одевает, то раздевает, что-то ищет, чего-то не хватает, и, главное, все время целует меня и плачет, глаза у нее радостные, как будто даже смеется, и плачет, плачет – от радости? (Через десять месяцев я напишу пьесу «Слезы радости» («Чья вина») на тему, как мать потеряла своего единственного сына в годы гражданской войны и как она нашла его через 10 лет и, радуясь, плачет.)

Мама моя дорогая! Мог ли я тогда представить себе, что в последний раз нахожусь в твоих объятиях, что последний раз вижу тебя?! А ее материнское чутье, видимо, подсказывало ей, что она больше не увидит своего единственного сына, и горько плакала над его будущей судьбой. Не могла же она знать, что благодаря приходу новой власти у ее сына будет блестящая будущность.

Вот все те штрихи, которые мне запомнились о моей матери.

А вот что произошло в Баку в связи с ее кончиной.

Мое общественно-политическое положение в те годы далеко не соответствовало моему возрасту. Это отразилось и на моем положении в семье. В 1920 году (кажется, в конце) через 9—10 месяцев после смерти моей матери отец женился (ему тогда было около 50 лет) на женщине по имени Ханю. Ей было, наверное, около 30 лет, во всяком случае, не более 35 лет. Она была ниже среднего роста, очень красивая – белолицая, умеренно пышная. Она была дочерью именитых родителей, среднего достатка, у которых был большой двухэтажный дом. Отец — Миши Сахлюм и мать – Гагай раби Евдо были религиозными людьми. Более того, Гагай, в отличие от всех других женщин, будучи дочерью раввина, знала Тору, все религиозные обычаи и могла даже заниматься знахарством, и не без успеха. Первый муж Ханю был весьма богатым человеком и сыном богатого. Вся их семья, за исключением Ханю и ее дочери, была ночью в 1917-1918 годах вырезана лезгинами. Как тогда говорили,

они были ростовщиками, и группа лезгин, чтобы избавиться сразу от долгов, решила в то смутное время уничтожить их. Хано – теперь уже моя мачеха – была очень неаккуратной, не умела вести такое большое хозяйство, как у нас, не умела сама навести чистоту и порядок, видимо, потому что в доме первого мужа все это у нее делали «гаровоши» – домашняя прислуга, и потому всю тяжесть своего зла направляла на моих двух бедненьких сестреночек – Морголот и Панино, заставляя их выполнять непосильную работу.

Мои сестренки – первой тогда было 11-12 лет, второй 9-10 лет — всё терпели и никогда не жаловались. А я мало бывал дома, разве только для того, чтобы переночевать. В один субботний день я как-то вернулся домой и увидел, как нещадно мачеха избивает моих сестер. Сердце мое разорвалось, и я от гнева побежал к моему отцу, нашел его в синагоге и только сказал: «Нельзя же так!» — и тут же слезы появились на моих глазах (ведь мне – защитнику двух сестер – было всего 13 лет). Отец тут же, почуввав неладное, пошел со мной домой.

Одним словом, Хано была нам мачехой, и как мачеха – не хуже и не лучше других мачех. Она родила для моего отца двух дочерей. Первая, изумительно похожая на нас самих, была названа именем моей бабушки – Говхар, а называли ее – Дадайхуна (мать дома), вторая – более похожая на свою мать – Тамара (сейчас она живет в Ленинграде). Во время рождения третьего ребенка в январе 1925 года Хано скончалась.

Как-то мачеха Хано сильно заболела, и знахари и костоправы, которые все еще в те годы «врачевали», ничем не могли ей помочь. Тогда ее мать Гагай раби Евдо занялась заклинанием и вызовом духов и установила, что на место ее болей надо положить кожу живого щенка. Кто же мог пойти на такую дерзость и жестокость? Никто и ни за какие деньги не согласится. Тогда эта самая Гагай раби Евдо сама поймала и привела в наш дом щенка, сама содрала острым ножом кожу с живого щенка (удивительная смелость для женщины) и положила на больное место Хано. И она выздоровела.

Мы всей семьей жили в большой комнате нашего дома, в другой большой комнате, рядом с нами, жила семья моего дяди Абрама⁴⁵ – его самого, его жена – прелестная Сибо с тремя сыновьями:

⁴⁵ В этих своих записях Яков Агарунов своего дядю Авраама иногда называет именем Абрам. — М.А.

Азизи (Донилом), Рамбомом и Осипом (Асафом). И мой отец Мухои́л, и мой дядя Абра́м уезжали на долгое время из Кубы на заработки. Сад был заброшен, нужно было много денег и труда, чтобы восстановить его, а семья была большая, годы – голодные, как-нибудь надо было прокормиться. В эти долгие месяцы «главарем» двух семейств оставался я – 13–14-летний мальчик. Я уже, сначала как любитель драмкружка, а потом как секретарь райкома комсомола, получал жалованье – очень мало – деньгами, больше – продуктами (продпаек): ежедневно – черный хлеб, селедка, иногда сахар, керосин, спички и другие возможные тогда продукты питания, в том числе мясо, рыба и т.д. А это тогда много значило, и в какой-то мере спасало нас от голода.

Так я разделял со своим отцом семейное бремя.

В конце 1922 года райком комсомола ликвидировался, и я остался без работы, то есть работы у меня, как всегда, было много, так как я был опять же секретарем комсомольской ячейки, участником драмкружка, писал пьесы, песни и т.д., но зарплату или продукты уже не получал. В стране был введен НЭП. Многие ушли из комсомола и стали заниматься мелкой торговлей, наша организационная и пропагандистская работа осложнилась. Как-то так случилось, что дома не осталось муки, нет других продуктов, а моя мачеха Хано и жена дяди Сибо не были приучены добывать деньги, как другие женщины, тайной или явной торговлей, и, естественно, они ожидали от меня «подвига». Чем кормить семью, пока вернется отец, на какие ухищрения могу пойти я, у которого нет никакого житейского опыта, где добывать средства к существованию?!

Тут я вспомнил, что один из бывших комсомольцев, который ушел из комсомола после введения НЭПа и стал заниматься торговлей, как-то ненароком сказал, что он с охотой купит револьвер. У нас на чердаке лежали три револьвера, спрятанные еще со времен Гражданской войны. Я взял один из них, который показался мне лучшим, почистил хорошенько керосином и понес к этому «комсомольцу», чувствуя себя весьма неловко. (Он жил в квартале Кусары, около синагоги, фамилию его забыл, но его торжествующее лицо все еще перед моими глазами.) Мы немного поторговались, и я продал ему этот револьвер за два пуда пшеницы, один пуд в мешке тут же взвалил себе на спину, пошел быстро домой, взял свою сестренку

Морголот с собой на мельницу перемолоть пшеницу в муку и уже часа через два, торжествующий, с мукой на спине вернулся домой. Так спас семью от голода до возвращения отца.

То ли от недоедания, или же из-за плохого качества еды, или же по другой причине я заболел тифом. Долго ли я болел, что было со мной, я, конечно, не знал. Но в один прекрасный день я очнулся и через край открытой двери комнаты, где я лежал, увидел красивое солнце и услышал какой-то невероятный шум. Я начинаю звать, кричать, но сам не слышу своего крика, а только вижу: мои милые сестренки радостно бегут ко мне. Но тут появился отец, отогнал их, вероятно, для того чтобы они не заразились, подошел ко мне и ласково о чем-то говорил, но я не слышу. Так было установлено, что я вылечился от тифа, но стал плохо, очень плохо слышать. Далее я узнал, что после меня заболела тифом и жена моего дяди Абрама – Сибо, но она не выздоровела, а скончалась, оставив сиротами трех дорогих моему сердцу малюток. Шум в ушах моих – это был плач в доме по покойнице.

Чтобы упростить рассказ, забегая вперед, скажу о судьбе моего дяди Абрама. После смерти жены Сибо дядя Абрам женился на другой женщине по имени Хано из Дербента (Ханой Дербенди). Она родила дочь по имени Лиза. Через некоторое время скончался и сам мой дядя Абрам, оставив навсегда на попечении моего отца трех своих сыновей – круглых сирот – Донила, Рамбома и Осипа. Лиза же некоторое время с матерью жила у нас, потом ушла от нас со своей матерью. Донил, Рамбом и Осип – все трое погибли на фронтах Отечественной войны 1941-1945 годов^{xxxix} (о них еще скажу⁴⁶).

Здоровье мое постепенно укреплялось, глухота прошла, но я чувствовал неловкость, живя на иждивении отца, и искал себе работу. Но где же она – эта работа?

В Слободе я был самым уважаемым, уважали меня и в укове комсомола, мне было всего 16 лет. Попробовал я заняться торговлей фруктами. Со своим сверстником с мешком один раз я поднялся в город («Галá»), купил у какого-то садовника на дому пуд груши, принес на своей спине в Слободу и стал продавать. К концу дня я

⁴⁶ Известно, что Донил до ухода на фронт работал в банке, а Осип – на мебельной фабрике. — *М.А.*

разорился: я не только не имел прибыли, но даже не выручил свои вложенные «в дело» деньги. Это был первый и последний случай «торговли» в моей жизни. Потом я решил зарабатывать деньги тем, что буду писать для желающих заявления, прошения и тому подобное. Меня даже приглашали на дом писать заявления, оформлять разные сделки и соглашения. Но когда стали, как это полагается, платить за труд, я отказывался брать и возвращался домой ни с чем. В отчаянии я записался в военную школу и даже выехал в Баку, но мне в приеме отказали в связи с малолетством. Тогда мои взоры обратились в наш сад, в хозяйство моего отца. Здесь я трудился с наслаждением, копал грядки для огорода, сажал семена разных овощей, копал под деревьями, чистил водяную канаву, делал много полезного, но «реальную плату» за свой труд наличными, разумеется, я не мог домой нести. Мой труд должен был давать доход в будущем, во время урожая. Единственной панацеей от всех этих невзгод 1923 года для меня была моя комсомольская работа, она была всесторонней. В этом же году отец выдал замуж мою 14-летнюю сестренку Морголот за Хаима Раби Исмаила. Тогда это все еще было в порядке вещей – выдавать замуж малолетних, закон еще не карал за это. А я был немного рад тому, что моя сестра стала теперь хозяйкой в собственном доме, а не будет жить в доме отца без родной матери – сиротой.

У отца тоже дело складывалось сравнительно лучше. Наш все еще достаточно богатый зять Данил Миеров (муж тети Хибо) открыл в Баку свой мануфактурный магазин и пригласил туда приказчиком моего отца (все еще существовал НЭП).

Я уже писал, как отправился на учебу на рабфак. Меня не приняли. Поступил на курсы вожатых пионеров⁴⁷.

Рабфаки были созданы в первые годы советской власти для того, чтобы ускоренным путем подготовить для поступления в вузы рабочих и беднейших крестьян, которые в свое время не могли в условиях царского режима получить среднее образование. Тогда были и так называемые Промышленные академии (прома-

⁴⁷ О своем заявлении в Москву, статье Ларина в газете «Правда» - «Кубинские новости», приезде Мусабекова и Караева в Кубу по поручению Орджоникидзе, создании Райсовета, моем втором направлении на рабфак в августе 1924 года, об учебе в Баку на рабфаке подробно написано в первой части автобиографии.

кадемии) для рабочих-специалистов с большим опытом, но не имеющих теоретического образования. В промакадемии давали минимум знаний из объема начальной школы и теоретическое подкрепление к имеющемуся у них опыту. По окончании они получали звание инженера-организатора. Были и многие другие учебные заведения подобного типа, а для крупных партийных работников – даже институт красной профессуры. Наш Рабфак был с четырехлетним обучением, по окончании которого можно было поступать в облюбованный ВУЗ. Основное здание бакинского рабфака – это бывшее здание Азербайджанского Государственного университета на Коммунистической улице. Иногда мы проходили занятия по некоторым предметам и в одноэтажном здании на ул. Торговой, около армянской церкви, вернее против библиотеки им. Ленина. Жил я в общежитии рабфака на ул. Джапаридзе (в здании нынешнего магазина «Гастроном»). В нашей группе, видимо, и на всем рабфаке я был самым молодым по возрасту (17 лет) среди «великовозрастных» учеников: здесь были и люди 30–40-летнего возраста. На рабфак принимали только свыше 18 лет. Для меня было сделано исключение, так как я был «одним из организаторов комсомольских ячеек в Кубинском уезде, состоял в комсомоле со дня его основания (10 июня 1920 года) и крупным специалистом» (так было записано в ходатайстве о приеме).

Учился я, конечно, с энтузиазмом, в группе я выделялся хорошей успеваемостью по математике, страшно не любил черчение и рисование, увлекался историей и мечтал по окончании Рабфака поступить на медфак. Я получал стипендию в месяц 25 рублей, редко питался в столовой, а больше всухомятку в самом общежитии – сладкий чай, чурек свежий, сыр и масло. На Коммунистической улице, где сейчас стоит памятник Низами, тогда были маленькие одноэтажные помещения, где выпекали длинные чуреки и тут же их продавали «хамшари»⁴⁸ — выходцы из Ирана. Они давали нам каждый день свежий чурек в долг, а при получении стипендии мы им наш долг возвращали. Здесь существовало полное взаимное доверие. Иногда мы – студенты – платили вперед: и долг и залог за-

⁴⁸ həmşəri – так называли друг друга проживавшие в Азербайджане выходцы из Ирана. В переводе с фарси это слово означает – земляк, односельчанин. — М.А.

писывался у этого «хамшари» в книге рукой студента. Немного выше, там, где сейчас здание «Азернешра», были лавчонки, где тут же на тротуаре по заказу готовили «джиз-биз» - жареные внутренности. Запах был изумительный, но я не прикасался к ним, поскольку все это готовилось на улице. Из дому я, конечно, ничего не получал: ни денег, ни продуктов — в отличие от других студентов Рабфака — сельчан, которые получали весьма объемистые продукты. Я жил более скудно, чем другие, иногда у меня вовсе не было денег, тогда я шел к отцу, который тогда торговал мануфактурой в магазине Данила Миерова на ул. Базарной. Но отец и здесь придерживался одного и того же правила: он не предлагал мне денег, а я стеснялся просить и возвращался без ничего. Правда, когда я приходил к нему в лавку, он молча выкладывал на прилавок свой запас продуктов – хлеб, масло, сыр, — просил кушать или взять с собой. Я отказывался и уверял, что я недавно только кушал и сыт. Была бы у меня родная мать, она бы, хотел бы я этого или не хотел, позаботилась обо мне. В Баку были тогда еще очень состоятельные мои родственники: тетя Хибо, жена Данила Миерова, дядя Ильягу, о котором я уже писал выше, — но я и к ним не ходил. Да и отец мой, работая у своего зятя Данила (мужа его сестры Хибо) приказчиком, ночевал в этой же лавке и только по субботам и праздникам посещал свою сестру на обед. Таков был характер у всех нас. Как-то я очень проголодался, денег не было. Был день какого-то еврейского праздника, и я решил посетить холу⁴⁹ Ильягу. Его квартира помещалась на Бондарной улице⁵⁰ в многоэтажном доме. Я поднялся к ним, и они были очень и искренне обрадованы моему приходу: обнимали меня, целовали. Было время обеда. И тут же на столе появились все изумительно хорошо пахнущие кушанья. А я был действительно голодным. И вот они предлагают мне кушать, подносят и то и другое. А я опрометчиво сказал: «Нет, не буду, я сыт». И так до конца обеда, сколько они ни просили меня кушать, я отказывался, абсолютно не дотрагиваясь до этих кушаний, к их великому сожалению. И так и ушел голодным, как и пришел.

⁴⁹ «Холу» – на языке горских евреев – дядя по материнской линии. — М.А.

⁵⁰ Бондарная улица – в советское время называлась улицей Димитрова, сегодня – улица Шамси Бадалбейли.

И сейчас я это вспоминаю и рассказываю своим близким. Почти с детских лет, с тех пор как скончалась моя мать, жизнь меня приучила к бережливости и аккуратности, никакого расточительства и излишества не было в моих действиях. Я не курил, не пил, не был беспечным, как некоторые молодые люди моего поколения, каждый день жил с таким расчетом, чтобы оставить запас на завтра. Тем не менее с деньгами было очень трудно, а поддержки — ниоткуда. И когда нас распустили на летние каникулы и я получил стипендию вперед сразу за три месяца — 75 рублей, я тут же купил шерстяной костюм английского образца: брюки-галифе и пиджак с четырьмя накладными карманами, а также кожаные гетры и хорошие ботинки. Моих 75 рублей хватило тогда на все это, и даже остались деньги на дорогу. Вернулся я в Кубу в шикарном костюме (у меня есть фотография в этом костюме). Но и во время каникул не отдыхал, а работал, чтобы не находиться на иждивении.

Мне не нравилась работа моего отца — торговать для других мануфактурой. Я пришел к нему и тихо, стесняясь, сказал, что эта его «работа» порочит мою репутацию. Удивительный был у него характер: с полуслова, только взглянув, понимал меня. Тем более что он торговать на самом деле не умел. Через несколько месяцев он действительно отказался от этой работы и вернулся окончательно в Кубу в свой любимый сад и стал до конца своей жизни заниматься садоводством и огородничеством.

В начале 1925 года скончалась моя мачеха Хано во время родов. Она родила сына, которому отец дал имя Беньямин, но малютка через несколько месяцев без матери тоже скончался. Когда я на каникулах вернулся домой в Кубу, мне рассказали, как эта жестокая мать моей мачехи Гагай раби Евдо в день похорон своей дочери, пока отец возвращался с кладбища, поспешно в нашем доме открыла сундук и забрала все богатство Хано, которое она принесла с собой из дома первого мужа: все эти золотые украшения, браслеты и другие ценности, а вместе с тем и отцовские, что лежали в этом сундуке. Все это она унесла с собой, прямо-таки по-воровски, захватив с собой и мою сестричку Тамару. Отец, конечно, был поражен и обескуражен, но молчал. Видимо, у этой женщины жестокость и жадность были в характере. Тем не менее я посетил ее в знак уважения к усопшей, повидался с сестричкой и просил вернуть ее.

Гагай отказалась. И после этого, сколько отец ни просил, она не отпускала Тамару к нам. Потом эта самая Гагай, воспользовавшись богатством дочери – моей мачехи, приобрела в Дербенте дом и виноградный сад и всей семьей переселилась в Дербент, а мою сестру Тамару без нас выдала замуж за своего племянника, который погиб потом на фронте. От этого брака у Тамары родился сын Алик – его мои дети знают. Тамара вышла второй раз замуж в Ленинград за Пейсахова. От этого второго брака у нее есть дочь Люба (дети мои знают и ее).

Через год мой отец третий раз женился на женщине по имени Наами. Это бракосочетание моего отца оформлял я – ирония судьбы, так как я тогда во время летних каникул работал в райсовете и завывал ЗАГСом.

В отличие от моей первой мачехи, вторая мачеха Наами была высокой, очень худой, но с красивыми чертами лица. Ее отца уста Хаима и брата Шамаия я знал, они в синагоге всегда сидели рядом с моим отцом. Она была еще молоденькая, лет 30, а отцу моему уже 56 лет^{XL}. Жила она ранее с мужем в махалле Кулгаты, махалле, которая пользовалась дурной славой. Она рано осталась без мужа и, будучи красивой и молоденькой вдовой, подрабатывала самогонноварением и мелкой спекуляцией. Я не знаю, кто ее рекомендовал моему отцу, но в первые же дни до моего слуха дошли различные неприятные разговоры от наших же родственников. Теперь только я понял, почему отец, прежде чем оформить свой брак, переименовал ее в синагоге публично с Рахиль на Наами. Ее настоящее имя было Рахиль. Переименовав ее на Наами, отец этим хотел сказать, что он женится не на Рахиль, которая, может быть, до него что-нибудь и совершала, а на иной женщине, имя которой отныне – Наами. Чисто иудейско-религиозное фарисейство⁵¹.

С появлением в нашем доме второй мачехи Наами наш дом совершенно преобразился: сразу же стал чистым, аккуратным. Везде были видны руки настоящей, умеющей, рачительной хозяйки. Пока еще в нашем доме ничего не прибавилось, но все, что было в доме

⁵¹ Мне же отец объяснил гораздо позже, что этот обряд в синагоге был связан с тем, что мой дед Мухоил Яхку переименовал в синагоге свою будущую жену, так как, будучи коэном, он не имел права жениться на женщине из ее рода. — *М.А.*

до нее, сейчас выглядело иначе – красивее, уютнее. Особенно она старалась для меня. И хлеб, и кушанья, и все остальное было так же скудно, как и прежде, но она все обставляла со вкусом: на полу предо мною – чистая скатерть, два вареных яйца (на обед), хорошо очищенные на чистом блюде. Рядом соль и т.д. Первое время она стеснялась меня, закрывала свое лицо и старалась угодить мне. Отец, по-моему, был счастлив. Она была настоящей помощницей отцу в хозяйстве и дома и в саду. У нас в доме появилась корова. Такая корова и раньше была у нас, но ее скоро продали, потому что Хано не могла вести хозяйство. Наами же из коровы сделала ценный клад для семьи. А большой запущенный двор наш теперь выглядел как двор дворца. Она была действительно рачительной хозяйкой, но, как потом выяснилось, и коварной.

К первому сентября 1926 года я вернулся в Баку, чтобы продолжить учебу на рабфаке на третьем курсе. Здесь я встретил на стене злополучный список студентов, которых лишили стипендии, в том числе и меня. Меня как студента Рабфака не сокращали, не исключали. Нет. Я могу продолжать учебу, но без стипендии. На какие же средства тогда я буду жить? Уком партии и Уком комсомола направили меня на учебу со стипендией, два года я получал эту стипендию, а теперь меня ее лишили. Почему? А как быть с национальной политикой нашей большевистской партии? А отношение Советской власти к нацменьшинствам? Я – первый и пока единственный из трудящихся горских евреев, ранее закабаленных, являюсь студентом этого рабфака, и меня лишают стипендии вместо того, чтобы создавать более благоприятные условия.

С этими мыслями я и пошел в Наркомпрос. Чиновник (иначе и нельзя назвать), который меня принял, «объяснил» мне, что средств не хватает, потому было сокращение стипендии.

Теперь у меня было много времени и основания для размышления и анализа. У отца просить денег не смогу, работу для меня в Баку невозможно найти, жить у родственников на их иждивении для меня - исключено. Значит, надо бросить учебу, и я – руководитель целой комсомольской организации – не могу продолжать учебу, потому что какой-то чиновник или какие-то проходимцы нарушили или искривили политику большевистской партии. Как мне объ-

яснить все это моим комсомольцам? Я – пропагандист национальной политики большевистской партии, борец за национальное воспитание молодежи, сам первым почувствовал удар в спину: как могут на местах саботировать эту политику. В это кризисное для меня время я стал думать о том, как в будущем строить свою личную жизнь. Может быть, поступить на бухгалтерские курсы и раз и навсегда покончить с мечтой о большой учебе, пойти работать бухгалтером, жениться, обзавестись семьей и вести тихую спокойную жизнь? Мне уже было 19 лет, и такие мысли имели свое основание именно в это время, когда я был надломлен. Так я вернулся в Кубу. К тому времени Кубинский Уком комсомола учредил для всей Красной Слободы должность заведующего юношеской секцией. Я был назначен на эту работу и одновременно был секретарем комсомольского коллектива и членом Президиума Кубинского Укома комсомола. Нагрузка была очень солидная, работа – многогранная и большая. И в этой большой работе и борьбе за лучшее будущее все эти мои пессимистические мысли как бы отошли на задний план. Я стал более зрелым, более искушенным.

В это время в мою жизнь вошла девушка, на мой взгляд, красивая и подходящая для меня, которая потом, через два года, стала моей женой.

Мой двоюродный брат Суин Миеров, сын тети Хибо, был обручен с красавицей из Красной Слободы Ханум. Она была уже членом комсомола, участвовала в любительском кружке (тогда еще девушек в комсомоле было очень мало) и часто посещала наш дом на правах родственницы. Во время очередного посещения, в субботний день, когда я находился дома, она привела к нам с собой девушку, красивую, статную, выглядевшую возрастом 14-15 лет, а на самом деле, как я потом узнал, ей было всего 13 лет. Она казалась мне привлекательной. Особенно привлекательной она казалась мне потому, что около часа она сидела у нас и за все это время в течение всей дружной беседы не проронила ни одного слова, лишь только скромно улыбалась и кивала головой, иногда, стесняясь, говорила «да» или «нет».

Через несколько дней она была уже членом комсомола, в любительском кружке активно проявила себя, быстро продвинулась, ее выбрали членом бюро ячейки комсомола. А на очередной уездной

конференции комсомола она была делегатом от комсомольской организации Красной Слободы и даже была избрана членом Пленума Кубинского Укома КСМ. Это все было, конечно, делом моих рук. Но я, как мне казалось, вел себя очень осторожно, не давая повода для лишних или неуместных разговоров, в душе благословляя ее, но внешне был с ней очень строг. Тем не менее даже раньше, чем мы друг друга полюбили, молва уже мысленно соединила нас. Ее звали Шушан, фамилия ее – Миерова.

В сентябре 1927 года ЦК Компартии Азербайджана и Наркомпрос Азербайджана командировали меня делегатом от Азербайджанской Республики в Москву на Всесоюзное совещание культур работников среди татов – горских евреев⁵². Это совещание было созвано Нацменсектором ЦК ВКП(б) и Наркомпросом РСФСР по инициативе общества «Захметкеш» - землячества из работников горских евреев, проживавших тогда в Москве. Возглавлял это землячество Исай Беньяминов, грозненский горский еврей, участник гражданской войны, награжденный орденом Красного Знамени. Вот на этом совещании я и решил выполнить свою миссию - оформить свое предложение и добиться решающих путей ускоренного развития культуры и образования, а также создания интеллигенции из трудящихся горских евреев. Я уже имел горький опыт, испытал на собственной шкуре, как некоторые люди на практике могут свести на нет нашу лучшую, светлую программу – программу большевистской партии по национальному вопросу, главным образом в том, что касается развитию культуры национальных меньшинств.

О моих предложениях на этом Всесоюзном совещании, о том, как я поступил в рабфак им. Артема, как я там учился и питался, я уже писал. Во время зимних каникул я поехал из Москвы в Кубу, чтобы повидаться с любимой девушкой, доложить коллективу и порадовать их благополучным результатом. Ведь когда я отправился в Москву на совещание, еще не знал, что я устроюсь на учебу в Москве, поэтому дела службы не были сданы, да и отчитаться я обя-

⁵² Официально это совещание называлось так: Первое Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди татов (горских евреев), проживающих в СССР. — *М.А.*

зан был. В это зимнее время 1927/28 года я и сфотографировался с моей будущей женой, еще не обрученной. На фотографии видно, как я исхудал в связи с недоеданием в Москве. Из дому я не получал никакой материальной помощи, хотя у отца теперь дела были неплохи, а 20 рублей стипендии в месяц были очень мизерным содержанием. Я уже писал, как я вернулся из Москвы с учебы, как был принят в члены партии, стал пропагандистом Укома партии и поехал в командировку на месяц в селение Кильвар для пропагандистской работы. К этому времени у меня была полная договоренность с моей девушкой о нашем обручении, уже вся Слобода об этом говорила, знали и мои родители, и ее родители.

Обе родные мои сестры были замужем (Панино незадолго до этого вышла замуж за Рувима). Обручение, конечно, состоялось, и Шушан (так звали мою невесту) стала иногда бывать у нас. Единственное существо, которое искренне радовалось, – это была моя маленькая сестра от первой мачехи Дадайхуна. Она была не по возрасту умной, словоохотливой, ласковой и даже хозяйкой. Ей к тому времени было всего семь лет, но она вот уже три года растет без родной матери, а в период до прихода в наш дом Наами и еще после она была «настоящей хозяйкой». Какие только глубокомысленные слова, ласковые выражения не знала эта маленькая, рано повзрослевшая девочка-сирота! Видимо, она полагала, что с приходом Шушан в наш дом она получит облегчение, Шушан заменит ей родную мать – так она была привязана к ней. Но вот раньше времени трагически оборвалась жизнь этой маленькой сестренки. К этому времени – лето 1928 года – Наами уже родила сына по имени Юмтув и дочку по имени Роза. Как-то эта вторая мачеха Наами оставила своих двух маленьких детей на попечение семилетней Дадайхуна и ушла куда-то по делам. В это время Юмтув начал играть около печки с огнем, и огонь охватывает его рубашку. На крики прибегает семилетняя «хозяйка дома» Дадайхуна, быстро гасит на нем огонь, но тут же сама горит. Она спасла Юмтува, а ее спасти было некому.

Это была первая глубокая рана, нанесенная нашему дому мачехой Наами. Первая, но не последняя.

После снятия траура через несколько месяцев стали готовиться к свадьбе. Состоялась она – наша свадьба – 2 января 1929 года. Мне было неполных 22 года, а ей так же неполных 16.

Отец мой был очень строг в расходах денежных средств, не любил излишеств, пышность, в общем, «не любил бросать людям вызов». В то же время он не допускал, чтобы кто-нибудь из его детей жил за счет других или, как у нас говорят, «был гостем» даже у своих близких. Все расходы должны быть возмещены. И на этой моей свадьбе он не допустил, чтобы кто-либо из родственников внес свою лепту, как это было положено по тем обычаям. У меня уже были «мои деньги». Я получал уже тогда зарплату ответственного уездного масштаба и на свои запасы купил для Шушан, по ее выбору, материал для свадьбы и, что особенно важно, купил у ее отца Беньягу два высококачественных ковра. Эти ковры были одинакового образца, формы, качества и ценности. Один ковер войдет в «котубо» (приданое) от моего имени, а другой – от ее имени. Я решил провести нашу свадьбу не по религиозным законам, обычаям, традициям, а совершить ее в новом, комсомольском духе, без раввинов, без религиозных канонов. Знал, что отец не помешает, а поддержит. Но то, как все в конце концов произошло, превзошло все мои ожидания.

Секретарем Кубинского Укома комсомола тогда работал Султан Кафарзаде, а я был членом Президиума этого Укома. И Кафарзаде организовал эту мою свадьбу на славу, организовал «комсомольскую свадьбу». Это было такое зрелище, что трудно описать словами: несколько сот комсомольцев сельхозтехникума, педучилища, партшколы и других учреждений города с музыкой небольшого духового оркестра маршировали прямо из города к нашему клубу в Красной Слободе. Здесь они соединились с местными комсомольцами, вместе с ними – мои родственники, друзья, а еще больше – несколько сот людей, которые собрались на площади перед клубом поглядеть на эту небывалую никогда свадьбу. И вся эта уже несколькотысячная толпа строем, с песнями, радостными возгласами и музыкой идет к дому невесты.

Затем свадебный кортеж торжественно двинулся теперь обратно от дома невесты к клубу. Большая площадь и главная улица с двух сторон от площади были полны народа. Кафарзаде с балкона второго этажа клуба открыл торжественный митинг, посвященный нашей комсомольской свадьбе, сам произнес длинную речь, приветствовал, поздравил и дал слово по очереди ораторам. В конце я, потом Шушан выступили с выражением своей благодарности и обе-

шанием до конца жизни высоко держать комсомольское знамя. Стало темнеть, и свадебный кортеж опять с музыкой, но уже и с факелами шествовал теперь уже от клуба к нашему дому – к реке. У нашего дома почти тысяча наших комсомольцев, стоя смирно, через людской коридор пропустили меня и невесту в наш дом с возгласами пожелания счастья и долгих лет жизни. Факелы долго еще горели. В наш дом поднялись заранее условленные Султаном Кафарзаде вожаки комсомола, мои товарищи, родственники и до поздней ночи праздновали свадьбу.

Я не в состоянии обрисовать изумительность этого дня, тем более что я был героем этого события, а те, которые были участниками этого зрелища, а еще более – посторонние, которые смотрели со стороны, и до сего времени высказывают свое особое восхищение красотой этого дня.

В это время я, работая в Укоме партии, активно сотрудничал в газете «Захметкеш», которая издавалась в Дербенте. Дагестанский обком ВКП(б) стал присылать письма в ЦК АКП(б) с просьбой командировать меня заместителем ответственного редактора этой газеты. После прохождения в Баку Всесоюзного совещания по новому алфавиту, основанного по моей инициативе, где был принят новый горско-еврейский (татский) алфавит на основе латиницы, я решил дать свое согласие и с женой выехал в Дербент для работы в редакции «Захметкеш». Здесь кроме Асоила Бинаева (Раби Асоил) работали со мною Ханукаев Мардахай – литработник, Ханукаев Лазарь – наборщик и другие. О периоде работы редакции надо было бы писать особо. И Ехиил Мататов, и Юно Семенов и многие другие должны быть упомянуты в моих воспоминаниях⁵³. Я писал не только политические статьи, но и памфлеты по текущим событиям из международной жизни. На один из них я получил «отклик» моего всегда молчаливого отца. Он писал: «Какое тебе дело до других царей и царств, зачем ты берешь на себя смелость ругать их?» Речь

⁵³ Яков Агарунов впоследствии поделился своими воспоминаниями обо всех тех людях, с которыми его связывала большая творческая работа на поприще развития культуры горско-еврейского народа, в своих книгах «Большая судьба маленького народа» (на русском языке) и «Жирошдэ рузной хэлг иму» («Из прошлого нашей общины») на языке джуури. — *М.А.*

шла о руководителях Великобритании. Значит, отец является моим аккуратным читателем и даже высказывает свое мнение, заботясь о безопасности сына.

Через несколько месяцев я вынужден был уехать из г. Дербента, т.к. мои возможности были скованы, я не мог в своей работе развернуться, как мне этого хотелось и как это было необходимо. Об этом я напишу подробно. Сначала я отправил в Кубу свою беременную жену, а потом и я уехал. ДагОбком партии после этого несколько раз просил через ЦК вернуться на этот раз уже на пост ответредактора. Но я отказался. Я стал работать в Кубинском Окружкоме партии инструктором орготдела. В Кубе в ноябре 1929 года у меня родилась первая дочь, которой я дал имя моей многострадальной матери Мэрджон (Эмма).

К этому времени, к концу 1929 года, мои родители жили для того времени достаточно сносно. Так же, как страна Советов 1929 года не была похожа на 1920-1924-е годы, и наша семья уже пережила голодные годы, годы серьезных лишений, и жизнь семьи входила в нормальную колею. Сад, которому теперь отец отдавал все свои силы и время, постепенно стал приносить хороший товарный урожай. С каждым годом увеличивалась урожайность, доходность, а огород был постоянным источником пропитания семьи. Отец был членом кредитного товарищества (кооператив), сдавал урожай плодов государству, в отличие от других садоводов, которые возили свои фрукты для частной реализации в другие города. Иногда во время созревания плодов не хватало рабочих рук, отец брал по договору внаймы людей на временную работу. В доме сравнительно с прошлым был лучший порядок, чистота, хозяйственность. И в этом была видна неумолимость нашей мачехи Наами.

Трое моих чудных двоюродных братьев – круглые сироты, оставшиеся без отца и без матери Азизи, Рамбом и Асаф росли у нас, постепенно стали хорошими помощниками отца в саду, но чувствовалось во всем, что они угнетены, и главная неприязнь — это парша⁵⁴ («кечаль»), которой они все трое в силу долгого нахождения в антисанитарии болели. Я пока ничем хорошим образом не смог им содействовать, брал их на лечение к хорошим врачам в город. И

⁵⁴ Парша – заболевание кожи волосистой части головы.

только в Баку в 1935-1936 годах мне удалось их по очереди совершенно вылечить от этой скверной болезни – парши – электролечением. Азизи вылез с редкими волосами на голове и редкими следами, а у Рамбома и, в особенности, у Асафа – следов почти не осталось. Они очень уважали моего отца – своего дядю, за все время не делали ничего, что могло задеть его честь и имя, и во всех отношениях вели себя добропорядочно. Особенно они уважали меня, мою жену и безгранично мою маленькую дочку – Эмму. Старшая сестра моя Морголут к нам домой не ходила, иногда присылала своего первенца – сына Бебе, которого мой отец очень любил. Вторая моя сестра Панино жила в гнетущих условиях: муж уехал куда-то на заработки, братья мужа и их жены за каждый кусок съеденного хлеба ее укоряют, и она вынуждена была иногда искать уюта и человеческого тепла в доме своего отца, хотя ничего подобного не находила у мачехи Наами. К сожалению, она трагически погибла в апреле 1930 года в дни еврейской Пасхи.

Только двое мы остались теперь от нашей мамы – сестра Морголут и я. От первой мачехи теперь в этом доме тоже никого нет. И я понял, что мне нельзя продолжать жить здесь в доме отца, в котором хозяйничает моя новая мачеха. И я решил уйти из этого дома навсегда. Но как сказать об этом отцу, чтобы не обидеть его? Вот после похорон Панино отец ходит по комнате, руки засунуты в рукава – друг в друга, что-то шепчет, опустив голову. Смотрю на этого человека, с виду железного спокойствия и несравненной терпимости. Сколько же горя, несчастья он видел на своем веку: на его глазах убили его родного брата, да и он сам чудом спасся тогда от смерти^{XLII}, десять своих маленьких малолетних детей он хоронил в разное время, погибла первая жена, трагически оборвалась жизнь двух дочерей – сколько способен человек перенести? Действительно – отец кремень, и я не должен делать его еще более несчастным.

Улучив момент, я подошел к нему и успел только сказать: «Я хотел бы...» Он тут же, прерывая меня, сказал: «Да, я уже нашел тебе хорошую комнату в самом лучшем доме Нуваха Агабобо и обо всем договорился». Удивительным был отец человеком. Он всегда сразу угадывал мои мысли.

Так я ушел навсегда из дома моего отца и переселился квартирантом в дом Нуваха Агабобо. Это было летом 1930 года.

Я был полностью поглощен партийной работой, был наиболее видным среди партийного актива как секретарь партячейки, был делегатом на Съезде коммунистов Азербайджана в Баку, дома бывал мало, главным образом чтобы поспать, и многие штрихи текущей жизни проходили мимо меня. Жизнь в доме Нуваха летом 1930 года мне все еще помнится в связи с некоторыми неприятностями семейного порядка. О них писать не следует. Но вот... Летом того 1930 года мой отец, как, впрочем, и другие садоводы, получил обильный урожай яблок и, видимо, хотел повезти в другие города. С этой целью он направил ко мне Наами (а может быть, она сама по своей инициативе пришла ко мне «от имени отца»). Она просит у меня содействия в получении вагона. Я отговариваю ее, заявляя, что это, во-первых, связано для отца с физической нагрузкой и мучениями на дороге, это связано с большими расходами сейчас, еще большими неприятностями в будущем (налоги и т.д.). Поэтому советовал сдавать весь урожай на месте государству, я помогу взамен получить хлеб и другое необходимое для семьи. Дохода будет меньше, но и головной боли будет меньше. Она ушла от меня недовольная, но отец прислушался к моему голосу и сделал так, как я советовал, и был очень доволен. Уходя от меня, Наами как бы невзначай сказала, что она отнесла ко мне домой мое любимое субботнее кушанье (это было в субботу) – «ош бугламе» и чтобы я поторапливался, а то остынет. Я сказал, что не надо было этого делать. Тогда она дала понять, что с тех пор, как я переселился, отец каждую субботу посылает мне из субботнего обеда, неужели я ничего не знаю? Действительно, я впервые об этом слышу. Почему жена моя меня никогда не угощает этими субботними кушаньями? И сегодня, уже предусмотрительно, прихожу домой, оглядываюсь по сторонам и замечаю домашние маленькие казаны, но жена подает мне обычный обед. Тогда я спрашиваю: «Шушан, что это за казаны?». Она, как бы спохватившись, говорит: «Да, это сегодня Наами приносила “ош бугламе”, но вот пришли мои сестры и сели вместе покушали». Тогда я раскрыл все, что узнал от Наами. Моя Шушан была вынуждена виновато признаться и сказала, что «такие-сякие мои родственники каждую субботу приходят и съедают все, что нам присылает твой отец». Хорошее утешение! Каждую субботу, в течение этих 2-3 месяцев, и ни разу для меня не оставляют, и жена от меня все это скры-

вает! Я высказал свое недовольство, огорчился и, к великому сожалению, легкомысленно прошел мимо этого, тогда кажущегося маленького житейского штриха. Этот штрих потом перерос в невзгоды серьезные для меня и моих детей. Вообще я, придавая важное значение государственной работе, ее мелочам, часто проходил мимо так называемых житейских мелочей. И много на этом проиграл.

Наступило время, когда я решил переселиться в город Куба (Гала́). Я был избран заворготделом райкома партии – третий человек в районе. Работа проходила тогда и днем, и ночью. Время было напряженное, нужно было проживать более близко к месту работы.

Округа были ликвидированы, и бывший секретарь Кубинского Округкома партии Амменуллазаде уехал из Кубы, освободив квартиру. В эту его квартиру я и решил переселиться.

Вспоминаю, как многие тогда на Красной Слободе были недовольны этим моим шагом, в том числе и активисты комсомола, и близкие мои товарищи, и такой благородный Исроил Давыдов, для которого не существовало никаких религиозных обычаев, традиций и нравов, кроме советских. Так в чем же дело? Оказывается, я этим, по их мнению, изменяю своему народу, получив повышение. Уже больше не хочу считаться с ними, не признаю их и т.п. Сейчас, через десятки лет, мои дети, читая все это, будут смеяться, но тогда они казались вескими доводами – таков был уровень многих наших людей, уровень их отсталости, таковы были взгляды, нравы, обычаи. Как Советская власть за несколько десятилетий успела все это коренным образом изменить! Надо вспомнить, что еще тогда (30-е годы) никто из горских евреев не решался в субботний день открыто курить или зажигать спичку. Долго я оставался единственным из горских евреев, который позволял себе жить в городе Кубе – Гала.

Следует сказать, что заведующим орготделом Кубинского райкома партии я был выдвинут как коммунист из числа горских евреев. Это был факт яркого проявления заботы партии большевиков в деле подготовки и выращивания кадров из национальных меньшинств. Когда округа были ликвидированы и были созданы районы, в Кубе был создан райком партии, и из ЦК АКП(б) пришло письменное указание о том, чтобы заворготделом этого райкома был рекомендован коммунист из горских евреев. Я сам читал этот документ. Там же было указано, что в Кусарах, например, надо рекомендовать из

местных лезгин и т.д. Так, исходя из программы партии большевиков, правильно решался национальный вопрос. В Кубинской парт-организации, точнее, среди коммунистов города Кубы можно было бы найти коммуниста сильнее и грамотнее меня и по стажу, и по опыту. И если бы не это прямое указание ЦК, не я был бы избран заворготделом Районного Комитета. Но это указание ЦК предрешило все. Среди горско-еврейских коммунистов тогда я, конечно же, был более подходящим для этой работы. Я был более грамотным, уже более двух лет работал на партийной работе в аппарате Укома, Округкома, был инструктором Орготдела Округкома партии, до некоторой степени знал технику оргпартработы, два года был секретарем партийной ячейки, а до этого несколько лет – членом президиума Укома комсомола, Округкома КСМ и т.д. Единственным кажущимся препятствием был мой возраст, слишком я был молод для этой работы – 23 года. Тем не менее ЦК АКП(б) утвердил мою кандидатуру, учитывая, очевидно, что я происхожу из горских евреев.

А вот в Бардинский район я был направлен заведующим орготделом Райкома уже не по национальному признаку, а как «опытный и сильный орготдельщик». В 1931 году заворготделом ЦК КП(б) Азербайджана работал москвич Гурвич (русский по национальности). Летом 1931 года я был вызван в ЦК с докладом о состоянии организационной партийной работы в Кубинском районе. Я тогда все еще плохо владел русским языком и впервые выступал на таком «высоком» совещании и с таким докладом, сильно волновался, смущался. Но построение доклада, главным образом факты, положительные и отрицательные, которые я приводил, аргументы, выводы говорили, видимо, о том, что я неплохо знаю свой предмет. Чувствовалось, что мой доклад им понравился и моя работа заворготделом была четко им представлена. Только эту сторону, очевидно, имели в виду, когда решили послать меня заворготделом Бардинского Райкома партии.

Дело в том, что ЦК решил в начале 1932 года на базе трех районов – Тертерского, Евлахского и Бардинского – создать так называемый опорный район, укрепленный, образцовый, опытный и т.д., и решили, в связи с этим сосредоточить там сильных работников, даже за счет центра, для того, чтобы достигнуть поставленной цели.

Секретарем РК партии был направлен прославленный Сафар Усейнов – известный тогда среди секретарей всех сельских хлопководческих райкомов своей оперативностью и умением организовать массы на выполнение планов. До этого он был секретарем Касум-Измайловского райкома. Район тогда досрочно и первым в Азербайджане выполнил план сдачи хлопка. Район оказался красноречивым, о нем лично писала газета «Правда». Председателем райисполкома был направлен из Баку заведующий орготделом АЗЦИКа Гамбар Ахундов, великолепно знавший оргсовработу. Завагитпропом Райкома был направлен Ахмедия Мамедов – хороший, грамотный пропагандист. На должность же заворготделом был рекомендован я.

Этот вновь образованный Бардинский район по национальному признаку был населен исключительно азербайджанцами, лишь два-три селения – армянами. Район был исключительно хлопководческим. Я же не был ни азербайджанцем, ни армянином, к тому же ничего не понимал в хлопке. Тем не менее выбор пал на меня. И я не возражал, меня ценили теперь не как нацмена, а как действительно настоящего партийного работника. И я уехал в Барду с удовольствием, оставив прекрасную родную Кубу. Семью перебросил из города Кубы в Красную Слободу к родителям своей жены (к своей мачехе не захотел).

Поездом из Баку приехал в Евлах, оттуда на машине – в Барду. И вот впервые попал в Барду и - ахнул! Что же это за районный центр? Рядовые селения Кубинского района гораздо лучше и благоустроеннее выглядят, чем центр Барды. Исторически Барда (ранее назывался Барда'о) – крупный центр большого Азербайджанского государства в прошлом, крупнейший феодальный город и т.д. Ничего подобного не осталось от бывшего величия, благополучия и расцвета. Несколько одноэтажных домов, разбросанных далеко друг от друга, один или два двухэтажных дома, высокие кирпичные торговые ряды бывшего караван-сарая и широкая мощеная улица – и все! Жутко стало на душе.

Райком партии помещался в одноэтажном доме. Даже этот дом выглядел заброшенным по сравнению с домами моего города Кубы. Секретарь райкома Сафар Усейнов лежал в Баку в своей квартире больной малярией, я был у него перед поездкой в Барду. Здесь в

Барде его заменял заведующий отделом агитации и пропаганды Ахмедия Мамедов, грамотный, внешне чуть хворый, в очках. После нескольких минут знакомства и беседы он благородным жестом предложил мне место за столом секретаря РК. В то время в РК был один секретарь, и его во время болезни или отсутствия по каким-либо причинам заменял заорготделом (так я в Кубе в свое время заменял Мехтиева Аллах-Кули). Но поскольку до моего приезда в Барду другого заоргта не было, за секретаря РК остался он – Ахмедия, заотделом пропаганды. Я отказался и попросил его продолжать заменять секретаря РК, так как я человек новый, район вовсе не знаю, а тем более – хлопок, пока мне надо изучить район. Он, конечно, согласился. В орготделе я нашел полный хаос: и в самой комнате, и в делах. Я хотел по протоколам партийных ячеек узнать пульс района, но протоколов в должном порядке не было. Видимо, никто не следил за тем, поступают ли протоколы в РК. Очевидно, никто их не читал. Учетные карточки были завалены, трудно было узнать, кто и где состоит на учете. Я сомневаюсь, был ли вообще учет коммунистов. Партийные документы хранились где попало и как попало. Видимо, в Москве в ЦК ВКП(б) имели много сигналов о таком состоянии дел в районных комитетах, и потому был потом прекращен прием в партию, а затем была произведена проверка и обмен партийных документов. Я по мере моих сил стал наводить некоторый порядок, ездил по селам, где имеются партийные ячейки, на первых порах недалеко от Барды (помню селения Мал-бинасы, Гоюн-бинасы и др.).

Тогда в деревнях была сложная политическая обстановка. Колхозы были организованы везде, была произведена на базе сплошной коллективизации пресловутая «ликвидация кулачества». Но колхозы были все еще слабы, индивидуалистические тенденции все еще были сильны у колхозников. В этом им помогали остатки бандитов, которые еще не были ликвидированы, скрывались в оврагах Муровдага и иногда терроризировали колхозников. Горстка коммунистов вела в этой обстановке героическую работу. А сев, обработка и уборка хлопка являлись тогда тяжелым трудом. Нелегким была и сама заготовка хлопка. Вся партийно-политическая работа была сосредоточена вокруг этих задач. Сама трудная обстановка и слабость партийной работы породили недопустимые методы: штурмовщину,

кампанейщину и другие пороки. Суть деловой партработы терялась в дебрях всеобщего «штурма».

Вернулся из Баку после своего выздоровления Сафар Усейнов. Он тут же разделил район на зоны и прикрепил почти весь актив по колхозам, а нас – руководящих работников – по зонам. Мне досталась так называемая Тертерская зона. В Барде я жил с двумя друзьями товарищами в одной комнате дома раскулаченного кулака, но сильно страдал от отсутствия туалета. Здесь все еще продолжают по старинке – кто где и как попало. А я так не могу. Единственная уборная в глубине двора была «забаррикадирована» хозяйками этого дома, которые почему-то весь день вели свои домашние работы около туалета. Или, может быть, это был своеобразный молчаливый протест против нас – посторонних мужчин, что занимали часть их дома (их мужчины были высланы). Питался я в единственной районной столовой, где одна чистая, по тому времени, хорошо обставленная комната была выделена специально для руководящих работников. Все время бывало: гаймаг⁵⁵, молоко, куры, жирно приготовленные кушанья из баранины и очень вкусный чай. Гаймаг я не любил, все остальное я ел умеренно, но все же не было домашнего уюта. А вот в Тертере все было по-иному. Здесь и климат был более умеренный, и сам Тертер казался более благоустроенным, чем Барда. Были здесь и двухэтажные дома с некоторыми удобствами, вода хорошая, а главное — то, что меня здесь встретил старый коммунист, заведующий хлопковым пунктом, который потом до конца моего нахождения в этой зоне оказал мне бесценные услуги. Он сделался моим спутником во всех поездках. Стал почти телохранителем. Имя его – Гамза-киши, фамилии не помню, но его благородное отношение ко мне никогда не забуду.

Задача прикрепленных по зонам работников заключалась в том, чтобы проверить качество подготовки к севу, закончить эту подготовку, начать и успешно провести сев хлопка. Почти все прикрепленные ходили с меркой в руках, проверяли глубину вспашки, сортность семян, их разбухание и т.д. Я замечал, как некоторые опытные колхозники в сердцах смеялись над этими «проверками». Я же всего этого не знал и не умел проверять. Видимо, я умел орга-

⁵⁵ Гаймаг (азерб.) — сливки.

низовывать людей, агитировать их, заинтересовывать добрым словом. Во всяком случае, в моей зоне сев хлопка закончился вовремя и, кажется, успешно. Вместе со ставшим мне другом Гамза-киши я хорошо познакомился с Тертером, потом с несколькими близлежащими к Тертеру селами. Через два-три дня вместе с ним на его двуколке поехали через реку Тертер-чай по селам, лежащим по правой стороне Тертер-чая, к горе Муровдаг. Названия всех сел не помню. Вначале остановились в большом селе Карадаглы, а на утро Гамза-киши повез меня в свое родное село Борсунлу. После обхода полей поехали к нему домой. Он познакомил меня со своей семьей: высокой осанистой женой (по всей вероятности, она в колхозе не работала), сыном и другими. По установленной в селах традиции помогли мне помыть ноги и руки и пригласили в комнату на кушанье. Сели мы на полу, как и у моих родителей, жена подавала кушанья. Он меня называл Ягуб, Ягуб-джан, Ягуб-гардаш, а здесь за трапезой еще и «дин айры гардаш», что значит «брат из иной религии». А сыну говаривал: «Смотри, Ягуб-гардаш всего на четыре-пять лет старше тебя, а какой пост занимает, руководитель такого большого района, а ты – недоучка». Когда жена его как-то пристально посмотрела на меня, Гамза-киши со злостью и с улыбкой крикнул на нее: «Что ты так смотришь, влюбилась в молодого красивого руководителя? Уходи немедленно». Женщина виновато, повинувшись ему, ушла. А мне пришла в голову мысль рассказать им свою историю, как я рано остался без матери, что моя мама также была высокой и осанистой. Мой рассказ они все встретили трогательно, в том числе и его жена. Неловкость прошла, и мы закончили трапезу.

Я посещал его дом очень часто, но только вместе с ним - Гамзой-киши, а без него оставался ночевать в тех селах, где и бывал. Помню хорошо мое посещение армянского села Бегим Саров. После дневной побывки на полях остался ночевать я у одного местного коммуниста. Комната была очень чистая, хорошо убранная. Сперва накормили армянской дюшпарой⁵⁶, а затем постелили на тахте очень чистую постель. У нас дюшпару готовят мелкой и подают с бульоном, а у них дюшпара была очень крупной, без жидкости, а сверху – яичница. Была очень вкусной, но много есть тяжело.

⁵⁶ Дюшпара (азерб.) – национальные пельмени.

Здесь в Тертерской зоне (потом все-таки вновь был образован Тертерский район, а сейчас он называется Мир-Баширским районом) тогда все еще о бандитах и о бандитизме говорили много и не без основания. В Муровдаге их было все еще немало, и чекисты вели с ними борьбу. Как-то вечером в Тертере мы с Гамзой-киши сидели за чаем. К нам пришел вестник и сообщил, что «в село Карадаглы пришли два бандита и уговаривают колхозников под угрозой расстрела не выходить на сев хлопка, сорвать кампанию хлопкосеяния». Я тут же решил поехать туда. Сказал и уже не могу отступить от своего, хотя в душе понимал безрассудство своего шага. Я был совершенно безоружным. Да и с оружием среди чужих людей (а у бандитов там была родня), да еще и ночью, мог ли я победить их? Сколько меня ни уговаривал милый Гамза-киши, какими только словами он меня ни умолял, какие только доводы, и довольно веские, он ни приводил, я настоял на своем. Только просил коня. Тогда он сказал: «Я тебя одного не пущу, я поеду с тобой, пусть обоих нас убьют эти проклятые бандиты». Взял он свою винтовку, и мы вдвоем на двуколке в темную ночь проехали Тертер и взяли курс на селение Карадаглы, туда, где два бандита ведут агитацию против советской власти. Никакие предосторожности не могли бы нам помочь. Но мы решительно поехали туда, и я до сих пор не могу понять себя, на что я тогда надеялся, приняв такое решение^{XLII}.

Наконец прибыли в село благополучно, зашли в дом, где остановились бандиты и... Оказалось, что кто-то донес бандитам о том, что я еду расправиться с ними, и они удрали. Им казалось, что раз я решил в такую темную ночь охотиться на них, значит, я вооружен до зубов. А у меня не было даже карманного ножа. Мы понимающе и счастливо поглядели друг на друга – я и Гамза-киши – и приступили к своему «лечению от бандитской заразы»: ночью же собрали активистов и разъяснили обстановку и задачу⁵⁷.

У подножия Муровдага было весьма небольшое село, сплошь

⁵⁷ В личном архиве Якова Агарунова я обнаружил нижеследующую запись, которая была предназначена для вставки в этот текст: «О Барде. Я, безоружный, пошел на встречу с бандитами, которые вооруженной угрозой уговаривали колхозников не выходить на работу. Они же, узнав о том, что я еду на встречу с ними, удрали, наверное, думали, что я сильно вооружен. Сейчас, вспоминая ту ночь, я думаю, сколько же было в нас убежденности, веры в наше дело!» — *М.А.*

состоящее из землянок, называемое Гырмызы Саггаллар кенди, которое, как мне говорили, являлось гнездом бандитов, не подчинялось законам советской власти, не платило налогов и т.д. Сколько раз я ни пытался поехать туда, Гамза-киши всегда под разными предлогами откладывал эту поездку. Я с благодарностью его понимал, что он не хочет подвергать мою жизнь опасности. Но уже подошел конец моему пребыванию в Тертерской зоне, через два дня я должен уехать в Барду, и как же можно не побывать в этом удивительном селении. Наконец он все же решился, и мы на лошадях поехали в сторону Муровдага. Уже мы подъехали близко, видны стали землянки, но ни одной души. Услыхали стрельбу, видимо, шел бой. Частые перестрелки усилились, пули долетали до нас. Наши нас близко не допустили, и мы вынуждены были вернуться. Через два дня, когда я был уже в Барде, во дворе райкома я видел трупы жертв этих последних боев в Муровдаге.

Через некоторое время в связи с приездом второго секретаря ЦК Ага Султанова и заместителя председателя АзЦИКа Мамедханова состоялось у нас в Барде небольшое совещание. Их я знал, но никогда с ними не беседовал. Здесь они оба сели рядом со мной. Ага Султанов со своей красивой улыбкой расспрашивал, как я себя чувствую. Он узнал у меня, что семья осталась в Кубе, и доброжелательно отметил, что «да кто же из прекрасной Кубы перевезет сюда семью!». И я интуитивно понял, что он мысленно уже решил мою судьбу и перевезет меня в Баку. А Мамедханов чуточку с шуткой и немного покровительственно, называя меня «джууд баласы»⁵⁸, расспрашивал меня, как я ночью осмелился напасть на бандитов и заставил их убежать. Я понял, что слава «о моем бесстрашии» опередила меня, не стал подробно рассказывать, а кивком головы сказал, что так было необходимо. Через несколько дней я попросил разрешения и выехал в Баку, забрав весь свой небольшой скарб, будучи уверенным, что больше в Барду не вернусь. Так и получилось^{XLIII}.

Моего друга Гамзу-киши я больше не видел. В 1932 году, или в 1933 году сын его, будучи в Баку, звонил мне на работу в ЦК. Я пригласил его к себе домой в гостиницу. Дело было летом, семьи в Баку не было. Мы вдвоем пообедали, он у меня попросил денег

⁵⁸ Джухуд баласы (азерб.) – сын еврейского народа.

«взаимообразно». Я дал ему столько, сколько он просил, и попрощались. Больше я его не видел.

Моему переводу с должности заворготделом Бардинского райкома партии на работу в Баку в аппарат ЦК АКП(б) инструктором оргинструкторского отдела содействовали второй секретарь ЦК АКП(б) Ага Султанов и зам. зав. оргинструкторским отделом ЦК АКП(б) Алексей Баграмов. Ага Султанов родом из селения Лагич Шемахинского уезда, говорил на лагичском языке, сходном с татским. Красивый мужчина, с очень милой и красивой улыбкой, брат Касума Измайлова – бывшего в 1920-е годы председателем Ревкома Кубинского уезда (один из районов Азербайджана, а также одна из улиц в Баку названы его именем), брат Окюмы Султановой – тогда зав. Пионерским отделом ЦК АЛКСМ, а после войны – зав. Предсовмина Азерб. ССР. После смены руководств республики его перевели в Грузию секретарем Борчалинского райкома партии, и там на одном из вечеров, как передают, он застрелился.

Алексей Баграмов – брат нынешнего маршала СССР Баграмяна. Тогда он был выдвинут начальником Азводхоза. В 1937 году был репрессирован, в 1942 году был реабилитирован. В последнее время работал начальником Кураараксводстроя. Очень скромный, объективный и способный работник.

Получив решение о моем утверждении, я, гордясь своим новым положением, выехал в Кубу повидаться с семьей. На станции Баку в камере хранения лежал мой узелок с промтоварами. В те времена все граждане СССР снабжались по карточкам («карточная система») продуктами питания и промтоварами. Восстановительный период в стране успешно закончился. Успешно проходила реконструкция, первая пятилетка выполнялась с опережением. И все же в стране была нехватка всего, поэтому мы жили по карточкам и дифференцированно. В Барде я жил один, без своей семьи, продукты по карточкам получал редко – только на себя, а промтовары и вовсе не брал. И когда я выехал, то получил промтовары сразу за все четыре месяца. Это было по тому времени очень много, тем более что мне как руководящему работнику полагалось больше. Все это свое «богатство» я положил в узелок (чемоданов тогда у меня не было, и узел получился довольно крупным), привез с собой в Баку и с опаской сдал в камеру хранения. Должен сказать, что, хотя любой человек

мог бы свободно развязать узелок, забрать или просто украсть часть промтоваров, я получил свой багаж целехоньким в полной сохранности. Никто не помышлял что-нибудь взять или украсть, хотя все крайне нуждались.

В Кубу я приехал вечером, уже было темно, автобус остановился в городе, а до дому в Красной Слободе было два-три километра. Встретился мой знакомый, взвалил на себя тяжелый узел, и мы пошли.

Жена моя жила с детьми у своих родителей. В этот короткий промежуток, что я находился в Барде, родилась моя вторая дочь, которую я хотел назвать именем моей трагически погибшей сестры – Панино. Первым долгом я пожелал видеть свою новорожденную. Она была белая, пухленькая, а главное, голубоглазая. Жена говорила мне, что мой отец очень обрадовался, увидев новорожденную, что у нас в семье наконец-то появилась голубоглазая (в роду моей супруги много голубоглазых). Но моя радость была омрачена, мое самолюбие было сильно задето. Оказалось, что родичи моей жены, узнав, что я хочу назвать мою дочь именем своей усопшей сестры, срочно, пока я еще не успел приехать в Кубу, без моего разрешения, вопреки моему желанию, записали в ЗАГСе мою дочь Раисой. Я чувствовал себя очень оскорбленным. Даже мой родной отец, зная мой характер, не позволял себе вмешиваться в мои дела, даже в те годы, когда я находился на его иждивении.

С тех пор прошло более 35 лет, но я и сейчас помню свое недовольное и возбужденное состояние. Я безоружным ходил в логово бандитов, на верную смерть, но свою позицию не сдавал. А здесь близкие мне люди вот так взяли и обыграли меня. Вся эта обида была заметна на моем лице, невинная жена моя стала кое-как успокаивать меня: «Будем по-русски называть Раей, а по-нашему, в своем доме, она всегда будет Панино. Ведь Эмма (старшая дочь) тоже носит имя твоей мамы Мэрджон». Но она не понимала другое: почему без меня, а тем более вопреки мне, решили мое личное дело.

Время было позднее, меня повели в самую «лучшую» комнату, постелили, и когда я лег спать, заметил перед носом большой медный таз (тешт), в нем грязная немытая посуда и тарелки лежали горой. Ничего подобного я у своих родителей не видел. То ли от нанесенной обиды, то ли от запаха этих тарелок, то ли из-за присут-

ствия в постели клопов я долго не мог уснуть. Жена виновато (без вины) посмотрела на меня и перенесла мою постель на балкон. Утром меня ожидал другой сюрприз. За одну ночь я лишился своего «богатства» - всего своего привезенного узла с содержимым. Мне объявили, что на мою жену с детьми за эти четыре месяца они израсходовали: столько-то на то-то и на то-то и т.д. Моя теща Хивит подсчитала мои привезенные промтовары, взяла все себе, и мы теперь квиты. Что можно было сказать, тем более когда передо мною стоит смущенное виноватое лицо моей жены?! Родители моей жены тогда жили не только не бедно, но для того времени даже зажиточно. У них был добротный двухэтажный дом. На первом этаже – амбары с многочисленными мешками пшеницы на целый год и другими запасами. На втором этаже – хорошо обставленные четыре комнаты. Во дворе – корова, а значит, свежее молоко и масло, много кур, огород. А сам тесть работал портным и, конечно, хорошо зарабатывал. Я думаю, если бы я приехал без ничего, может, они у меня ничего не просили бы. Но когда теща увидела столько привезенных промтоваров⁵⁹, она (а может, они), поддавшись алчности, решила присвоить и присвоила.

В этой обстановке и в таком состоянии нечего было говорить о том, чтобы я оставался в прекрасном моем родном городе (дело было летом, а в это время там – благодать). И я решил быстро уехать. Жена просила быстро увезти и ее с детьми отсюда. «Согласна хоть в подвале», - добавила она.

Через несколько часов я пошел к своему отцу в сад. Фруктовые сады располагались в полутора километрах от Слободы вниз по реке. В его дом я уже не ходил со дня трагической гибели сестры. Когда я вошел в ворота сада, я сразу заметил отца издалека. Он стоял недалеко от обрыва под тутовым деревом. Он долго смотрел в мою сторону и, видимо, не мог узнать меня. Надо сказать, что я за это время внешне изменился, пополнел и у меня появилось даже брюшко. Только в 20-30 шагах от него он убедился, что это – я, его сын, радостно и быстро подошел ко мне, поздоровался, с радостной улыбкой спросил, как мои дела, тут же погасил свою улыбку усами

⁵⁹ Яков Михайлович рассказывал мне, что, по карточкам ему в основном были выданы ткани, или, как тогда называли, мануфактура. — *М.А.*

и, как обычно, разговаривая со мною, стал смотреть на свои ноги, тем самым скрывая свою радость и гордость за мое повышение. Тут же он постелил под тутовым деревом белую простыню (яркан), полез на дерево и сам стал трясти мне тутовые ягоды. Потом слез с дерева, сел напротив меня на яркане и молча выбирал и клал передо мною крупные спелые и сочные ягоды тута. Говорили скупно, короткими фразами. Я стеснялся его, и он меня. Я был доволен тем, что доставил отцу столько радости, попрощался с ним и ушел. В тот же вечер я уехал из Кубы в Баку.

В Баку ЦК АКП(б) предоставил мне для проживания двухкомнатный номер на третьем этаже гостиницы «Бристоль» (потом – «Комсомольская») на проспекте Кирова, против нынешнего кино-театра «Низами» (сейчас там жилой дом). Жена, конечно, была очень рада. На следующее лето я опять ее с детьми отправил в Кубу на два-три месяца жить у родителей. Но она из Кубы вскоре написала и просила моего разрешения выехать из дома родителей и нанять комнату, так как «у них все ее деньги расходуются, а детям все равно нечего кушать». Я ей это разрешил. А с 1936-1937 годов, когда у нас была своя дача в Баку, семья уже в Кубу не ездила. В гостинице жили мы до конца 1934 года. Нам дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном доме напротив молуканского сада. Но беда заключалась в том, что в свою квартиру мы должны были проходить через квартиру какого-то старого бывшего высокого чиновника царского правительства. Он, в особенности его жена, прямо терроризировали мою семью. В конце 1934 году нам дали двухкомнатную квартиру в доме ЦК АКП(б) в Арменикенде, по улице 9-я Свердловская, на первом этаже с удобствами, возможными в те годы. Во дворе был детский сад, и это нас весьма устраивало^{XLIV}.

Теперь расскажу о своей работе в ЦК.

Приступил к новой работе довольно робко, с опаской, как новичок. Среди нескольких десятков инструкторов всех отделов я был самым молодым по возрасту, партийному стажу и стажу работы вообще. Мне было всего 25 лет, возраст комсомольского работника. А здесь в ЦК партии на моем «попечении» - несколько райкомов партии. Тогда в орготделе ЦК партии было несколько секторов, среди которых были распределены все районы Азербайджана: хлопководческий, животноводческий, плодоовощной, промышленный. Имелся

завсектором и несколько инструкторов, в зависимости от количества районов. Я попал в плодоовощной сектор и обслуживал Куба-Хач-масскую зону. Хорошо, что эти районы мне были уже знакомы. Вся организационно-партийная работа в этих районах, партийные кадры, проверка выполнения партийных директив и решений вышестоящих органов, партийное руководство комсомолом, профсоюзными и другими хозорганами и многие другие вопросы входили в круг обязанностей тогдашних инструкторов оргинстра.

Каждый инструктор обязан был читать все протоколы «своих» райкомов, выявлять, отмечать и информировать о недостатках, ошибках в этих решениях райкомов или о положительном опыте. Одним словом, инструктор должен был знать о своих районах все и вовремя, знать и исправлять, если надо, популяризировать, если этого заслуживает опыт, и т.д. Во многих случаях от объективной информации и осведомленности инструктора ЦК зависела судьба того или иного района, судьба его руководящих кадров. Бюро ЦК с инструкторами, с их мнением считалось, с ними советовалось. Так что это была очень ответственная работа. И вполне правильно, что их, инструкторов этого отдела, в отличие от инструкторов других отделов, потом называли ответственными инструкторами. В каждом секторе был информатор, у нас была Тамара Нуткис – уроженка Закаталы. В определенное время, обобщая все данные, мы составляли для завотделом и для секретарей ЦК информацию о тех или иных событиях в районах. Некоторые информации обсуждались на бюро ЦК или в Секретариате. Таким образом, это была конкретная, кропотливая работа. Для полной и всесторонней информации мы пользовались услугами командированных в районы руководящих работников республики: вызывали их к себе, давали дополнительные вопросы, на которые по возвращении они должны были представить нам исчерпывающие ответы. А когда сам инструктор выезжал в район, он обязан был лично для партийной объективности проверять все поступающие данные и т.д.

Мне трудно сказать почему, но через два-три месяца я уже сделался заметным и видным, робость давно прошла, со мной считались. Более того, когда нашего завсектором Эминова Ибрагим-Халила назначили секретарем райкома партии, обязанности завсектором возложили на меня. Теперь у меня не несколько районов, а все пло-

доовощные районы республики: Куба-Хачмасская, Ленкоранская, Нуха-Закавальская и Шемахинская зоны. Работа была огромного масштаба, и ответственность большая. У моих руководителей – завотделом и его замом – я стал пользоваться заметным успехом. Из моих непосредственных руководителей особенно мне запомнился своей эрудицией, знанием дела заворгинструкторским отделом – он же секретарь ЦК АКП(б) Сергей Кудрявцев. Он бывший комсомольский работник, последнее время работал заворгинструкторским отделом Закрайкома партии в Тбилиси. После смены руководства ЦК КП Азербайджана его направили в Баку для укрепления секретарем ЦК АКП(б) – он же заворгинструкторским отделом. У него я много чему научился в вопросах оргпарработы, партийной принципиальности и чуткости, умению ставить и решать вопросы и т.д., и т.п. У него была удивительная память и умение выхватывать из многочисленных фактов самые главные и решающие. Он умел без усталости делать доклад по два-три часа, причем никогда не пользовался «шпаргалкой», письменным докладом. У него даже не бывало подробного конспекта. На маленьких квадратных бумагах 10x10 он составлял себе заметки и по ним выступал.

Один раз он предпринял длинную инспекционную поездку по республике и с собой взял меня. Это стало для меня поучительной поездкой. Единственно, что удручало, так это - обилие угощений и застолий, к чему я не был приучен, да и вообще избегал.

На автомобиле (а тогда это была редкость) мы поехали через Шемаху в совхоз им. Орджоникидзе, оттуда к вечеру – в Нуху⁶⁰. Здесь я встретился с моим старым знакомым – бывшим секретарем Кубинского укома АКП(б) Аббасовым Фейзуллой. В Нухе он работал секретарем Нухинского горкома партии. Вечером после работы для нас был организован традиционный плов. Утром поехали в Кахи, а вечером того же дня были в Закавалах. Здесь тоже нас ожидал плов. Следующим утром мы были в Белоканах, а во второй половине дня мы все так же на машине поехали через прекрасную восхитительную Алазанскую долину и в темноте по сногшибательной дороге (страшно было смотреть вниз) поднялись на гору Сигнахи. Товарищи грузины хорошо знали Кудрявцева, но не ожидали,

⁶⁰ Нуха – ныне город Шеки.

вернее, не были осведомлены о его приезде, тем не менее в течение нескольких минут все было организовано по-грузински восхитительно, гостеприимно, с обилием всего. Пили вино, а вернее, черпали его большими ковшами или из рога. Кейфовали почти до утра (его здесь очень любили). Утром опять на нашей славной машине через перевал поехали в Тбилиси. На перевале мы встретили русских мужиков с длинными бородами, обедали в грузинском духане и вечером спустились в Тбилиси. В Баку вернулись на самолете. Если оставить в стороне непривычные для меня угощения (они были совершенно ни к чему, нам достаточно было обычной «командировочной» еды), эта поездка осталась в моей памяти не только своей «экзотикой» и богатством природы, а главным образом тем, чему я научился у него, у Кудрявцева, умением, навыком рассматривать и решать вопросы. Со мной он себя вел не покровительственно, а как со своим помощником по работе, а вечером после работы и в поездке на машине – как равный товарищ.

Летом решением ЦК было созвано республиканское совещание-семинар для завотделами райкомов партии и некоторых других работников. Один из докладов – об опыте организационно-партийной работы – он поручил делать мне. Это изумило меня. Ведь на этом семинаре выступают с докладами он сам и другие секретари ЦК, и наравне с ними мне – завсектором – выступать с докладом! Чувствуя свою ответственность и желая оправдать его доверие, я без усталости днем и вечером готовился, собирал факты – положительные и отрицательные. А когда уже надо было составить осмысленный доклад, оказалось, что материалов и фактов у меня хватит не на один, а на несколько докладов. Я чувствовал большую усталость, но должен был работать. И в назначенный день в Бузовнах, в помещении партийных курсов открылось это самое большое республиканское совещание-семинар. Первый доклад делал, конечно, сам Кудрявцев, а за каких-нибудь 30 минут до моего доклада я упал в обморок от чрезмерной усталости. Меня, конечно, вылечили, но огромный труд пропал даром. И до сего времени жалею об этом. Доклад выглядел бы очень интересным и поучительным.

Меня, конечно, ценили и уважали по результатам моей работы. Из всех инструкторов и завсекторами ЦК только меня одного избрали делегатом на XII съезд Компартии Азербайджана, а на этом

самом съезде меня избрали делегатом Закавказского съезда ВКП(б), даже многие завотделами не были делегатами этого съезда. Все это было лестно, но и возлагало на меня и большие обязанности.

Через некоторое время Кудрявцева перевели в Тбилиси на еще более крупную работу – вторым секретарем Закрайкома ВКП(б), а в 1937 году Москва его перевела на Украину на весьма большую работу – секретарем ЦК КП Украины и первым секретарем Киевского Горкома партии.

Как завсектором ЦК, а потом – ответструктор я присутствовал на заседаниях бюро ЦК АКП(б), Секретариата и всех пленумах ЦК. В те годы ЦК АКП(б) помещался в здании напротив филармонии. В начале моей работы в ЦК первым секретарем был Полонский⁶¹, который был направлен из Москвы в Баку с большой группой других работников – русских товарищей на смену старого руководства (Гикало и др.). Заседания он вел целеустремленно, со знанием дела. До этого он в Москве работал секретарем Московского комитета. Местные условия Азербайджана он, конечно, знал плохо, с нефтью и хлопком встречался впервые. В этих вопросах он рассчитывал на местных товарищей – Ага Султанова (второй секретарь ЦК), Дадаша Буният-заде – председателя совнаркома Азербайджана. Видимо, он был больным: левое плечо его вздрагивало по мере того, как он нервничал. Буният-заде – очень грузный, с одним стеклянным глазом, малограмотный, по моим наблюдениям, на заседаниях бюро дремал или жевал кусочки бумаг, редко проявлял активность. Потом их сняли, к руководству пришли другие. Рубен⁶² – всегда в военной форме и в петлицах – стал первым секретарем ЦК АКП(б). По-моему, он больше щеголял своим военным нарядом. Вторым секретарем стал Усейн Рахманов – бывший первый секретарь ЦК АЛКСМ, а затем секретарь ЦК ВЛКСМ, грамотный, скромный товарищ. Председателем Совнаркома из Москвы приехал Багиров Мир Джафар⁶³. С тех пор как он был в течение не-

⁶¹ Полонский - первый секретарь ЦК КП Азербайджана с 5 августа 1930 года по январь 1933 года.

⁶² Рубенов Рубен Гукасович – первый секретарь ЦК КП Азербайджана с 7 февраля 1933 по 10 декабря по 1933 года.

⁶³ Багиров Мир Джафар - первый секретарь ЦК КП Азербайджана с 15 декабря 1933 по 6 апреля 1953 года.

скольких недель моим педагогом в Кубе, я видел его впервые, и с интересом присматривался к нему. Он был в очках, все еще худощавый, на заседаниях президиума живо ходил, активно участвовал, прерывал, высказывал замечания, видимо, чувствовал свою внутреннюю силу. До этого он два раза в Баку снимался с руководящих постов и переводился в Тбилиси и в Москву. Он знал обстановку, условия, людей, своих друзей и противников. В общем, действовал наступательно. Через несколько месяцев Рубен был отозван. Первым секретарем ЦК АКП(б) стал Багиров М.Д. Рахманов У. перешел из ЦК в Совнарком председателем. Вторым секретарем ЦК стал Агрба – бывший начальник АзГПУ. Секретарями Бакинского комитета партии оказались Гульбис – из ГПУ, Василкин-Бектемиров - из милиции. Вернулись из Москвы Музафар Нариманов, Джангир Ахундаде и другие старые работники. Все эти смены, которые я описываю, произошли в течение полутора лет.

В аппарате ЦК появилось много новых людей. В стране прошла реорганизация партийного аппарата, и наш оргинструкторский отдел стал называться ОРПО – отдел руководящих партийных органов ЦК АКП(б). Был введен штат ответственных инструкторов и просто инструкторов. Я был утвержден ответственным инструктором ЦК АКП(б). По-прежнему часто ездил в районы, проверял райкомы партии, готовил их доклады на бюро ЦК, выполнял разные поручения бюро ЦК и т.д. Многие стерлись из памяти, некоторые не имеют особого исключительного значения, чтобы о них писать. Это была обычная партийная работа, где требуется сноровка, инициатива, знание дела и т.д.

Об одном эпизоде того времени хочется сказать. Как-то раз вызвал меня Багиров и предложил поехать в Варташенский район проверить жалобу по телефону секретаря райкома партии о том, что начальник райотделения НКВД Бабаев Ширин ударил его в его кабинете. Это – из ряда вон выходящий факт, и если это подтвердится, его – Ширин – надо судить. Варташенский район я знал еще до этого, бывал там, знаю и Ширин Бабаева, даже знаю, что он мой земляк – кубинец, что его отец был учителем Багирова до революции и т.д. Кстати, в Варташене живут и горские евреи, с которыми я общался тогда, среди них я встретил моего знакомого земляка Рувинова Рахамима – директора школы, который очень много сделал

для просвещения горских евреев, проживающих в Варташене. Приехав в Варташен, я стал заниматься разными вопросами партработы и одновременно как бы незаметно выяснять, есть ли разговор среди актива по этому поводу. Ничего я не обнаружил, никаких откликов, «сигналов» или улик. Тогда я обратился к секретарю райкома партии и сказал, что приехал конкретно по поводу его жалобы. Он рассказал мне во всех подробностях, как Бабаев Ширин дал ему пощечину в его кабинете во время одного нервного разговора. Есть ли какие-либо доказательства или свидетели? Нет! От него я пошел к Бабаеву в РО НКВД. Он категорически от всего отказался и даже доказал, что он в этот день был в каком-то селении. «Неужели я могу поднять руку на секретаря райкома партии – руководителя района», - патетически заявил он. Долго я занимался этим интересным делом, и – никаких доказательств. Я набросал записку Багирову, и уже надо было выехать в Баку. Но совесть не давала мне покоя: все-таки я истину не установил. Я не уверен, что этого случая не было. И я решил еще перед отъездом еще раз зайти к Бабаеву. Я ему говорю: «Вот я уже написал записку, что жалоба секретаря РК на Бабаева не подтвердилась, и я с этим уезжаю, но моя совесть неспокойна, я хочу знать правду для себя, «мян олюм»⁶⁴, ударил ли ты его?». Он посмотрел на меня немного и сказал: «Ты меня совсем обезоружил, признаюсь тебе, да, я ему влепил пощечину». Я попрощался с ним и уехал в Баку. В своей справке Багирову я слово «не подтвердилось» заменил: «мне не удалось установить». Мог бы я написать высказанную Бабаевым правду? Конечно, нет, так как в этом случае он мог бы сказать: «Я этого не говорил». Свидетелей нет, доказать невозможно. Но все же в справке я написал, что их из этого района надо убрать, совместно работать они не смогут. Действительно, тогда Бабаева взяли на небольшую работу в центральный аппарат. Через несколько лет, когда он стал уже на большой работе, кажется, начальником охраны Багирова, он напомнил мне и другим с интересом эту историю.

Работая в Центральном Комитете на ответственной работе, я не забывал, что я сын своего пока все еще отсталого народа, что я

⁶⁴ «Мән олюм» (азерб.) – обращение с просьбой выполнить что-либо, подобно русскому «умоляю» (дословный перевод на русский - «я умру»).

обязан использовать свое положение и быть активным проводником программы нашей партии по поводу национальных меньшинств, остальных народностей бывшей царской России. Я должен делать все возможное, чтобы приобщить их к труду - к колхозному, промышленному, просвещать их, бороться с предрассудками, религиозным дурманом, сионизмом и т.д. В Азербайджане в этом вопросе у меня было больше возможностей, чем у других. Я был тогда и, кажется, после единственным из горских евреев на такой ответственной партийной работе в центральном аппарате. Правда, в Москве было несколько товарищей (С. Иосифов, И. Беняминов, Евдаев и др.) на работе в центральных хозяйственных аппаратах. В Дагестане, в Махачкале работал секретарем ДагЦИКа старый коммунист-подпольщик Ехиил Мататов, в Баку работал на ответственной работе в Наркомате РКП Галилов Дарвин, преподавал в АМИ марксизм Герцль Горский, секретарем Карадонлинского райкома партии - Исай (Бирор) Мишиев и т.д. Я же был в центральном партийном аппарате, так сказать, «у руля». И я действовал^{XLV}. Пока, забегая вперед, скажу, что в конце 1930-х годов, когда началось строительство Самур-Дивичинского канала (для подачи воды в Баку), у меня возникла такая дерзкая, но вполне реальная мысль: переселить большинство жителей Красной Слободы из Кубы в зону Хачмас-Дивичи, в зону обширную, зеленую, плодородную, на берег будущего канала, рядом с полотном железной дороги, организовать их в колхозы, добиться для них кредитов для обустройства, разведения скота, построить новые колхозные поселки со школами, медпунктами. А Красную Слободу тем самым разгрузить: снести ветхие лачуги, планировать по-новому и облагораживать. В те времена существовало в стране Общество по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ). Его председателем в Москве был Смидович, в Кубе председателем правления в 1928-1930 годах был я. Несколько семейств были переселены в Хачмасский район и организованы в колхоз Караджаллы. Были переселенцы в Крым (в Джанкой). В стране шло переселение на добровольных началах евреев в Биробиджан. Это было важное мероприятие, ибо евреи, в том числе и горские, до революции в своей основной массе были мелкими торговцами, бакалейщиками, их всех надо было приобщить к полезному труду. Багиров, к которому я обращался с этим предложением,

с воодушевлением встретил его. Он уполномочил меня поехать в Кубу, с помощью местных коммунистов сагитировать население, провести собрания и только на добровольных началах, составляя протоколы, собрав их личные подписи, организовать колхозы. А после утверждения правительством начнем организованно переселять их в зону Самур-Дивичинского канала. Он обещал всевозможные кредиты и на строительство добротных домов, и на приобретение скота, сельхозинвентаря и на всякое другое дело. С энтузиазмом я поехал в Кубу, а вернулся в удрученном состоянии. Моя миссия провалилась. На собрании были такие, которые были согласны со мною. Но большинство отвергло мое предложение: «хачмасско-дивичинская зона малярийная, заболоченная, куда это вы нас везете, там мы все погибнем; дайте нам Крым, если вы действительно заботитесь о нас». И так далее. А уже через несколько лет, после войны, они сами переселились в Хачмас, неорганизованно, построили себе там лачуги, хибарки. Малярии там давно, конечно, нет. Но это уже не то, что я им предлагал. Если бы они согласились со мной, то теперь в этой зоне были бы хорошо спланированные, современные колхозные пасеки, жили бы они зажиточно, а Красная Слобода обновилась бы, освободилась бы от грязи и тесноты. Они и их дети были бы благодарны. Сейчас многие из них мне так и говорят. Они или их дети получили бы большие выгоды, если бы их даже насильно переселили. Но это не допускалось нашим правительством.

Вернемся к 1933 году. К тому времени в ДагССР в Дербенте продолжала издаваться газета «Захметкеш». Правда, она уже несколько потеряла свою прежнюю боевитость, многих своих лучших корреспондентов, но все еще была пока единственной газетой на татском языке и играла некоторую роль в деле просвещения горских евреев. Ехиил Мататов, с которым я по-прежнему переписывался, старался сосредоточить всю издательскую работу на татском языке для всех горских евреев в Дагестане. Для этого он всемерно использовал свое высокое положение. Но беда заключалась в том, что Дагестанская республика тогда не имела необходимой полиграфической базы, да и кадры были скудны. В Москве продолжали издаваться, хотя и в мизерном количестве, учебники для школ и художественная литература для горских евреев всего СССР на татском языке. Но и

здесь беда заключалась в том, что при своей огромной богатой полиграфической базе в Москве не было людей, которые могли бы возглавить это дело. А у руководителей ОГИЗа было много других забот. Единственный энтузиаст этого дела в Москве дербентец Заволун Бахшиев был по своей грамотности не на высоте, допускал много ошибок, даже политического характера. Например, при переводе текста одного из докладов Сталина на наш язык Бахшиев слово «орудие» (в докладе было: «печать является орудием нашей партии») перевел как «пушка». Вместо более верного для этого случая слова «яраг» (оружие, орудие) употребил слово «туп» (пушка), и получилось, что «печать является пушкой» и т.д. Далее он, чтобы угодить и кубинцам и дербентцам, смешивал термины, их произношение, и образовывался сумбур. Очень часто он был и автором, и редактором, и корректором и т.д. Издания выходили с большими ошибками. Повторяю, он немало сделал положительного, но вокруг него не было нужных кадров, не было тогда более или менее разработанной грамматики и терминологии, а он сам знал их плохо. Поэтому ОГИЗ (Москва), учитывая все это, а также и отклики с мест, полагая, что лучшим центром для сосредоточения издания татской литературы является Баку (Азерб. ССР), обратился летом 1933 года в ЦК АКП(б) с предложением передать издательство татской литературы АзГИЗу вместе с необходимой полиграфической базой, бумагой и дотациями.

Конечно, по этому вопросу в ЦК заводделом пропаганды Михаил Гусейнов в первую очередь стал консультироваться со мною. О трудностях ОГИЗа в этом вопросе я знал и раньше. Я же и предлагал сосредоточить всю издательскую работу на татском языке в Баку. Но у меня и у некоторых других было намерение, говоря о литературе на татском языке, учесть всех тех, кто говорит на татском языке: горских евреев и татов-мусульман. Так в широком диапазоне я ставил вопрос. Но такая постановка имела и свои серьезные трудности, и многочисленных противников, так как таты-мусульмане уже давным-давно приобщены к азербайджанскому языку, хотя дома говорят на родном татском языке.

Состоялось решение Секретариата ЦК АКП(б) от 23 декабря 1933 года (протокол № 92), в котором выражалось согласие с предложением ОГИЗа о переводе издательства татской литературы в Баку. И для разработки вопроса о терминологии, грамматики и т.д.

для татов Апшерона, Кубы, Дагестана, Северного Кавказа была создана комиссия в следующем составе: Рухулла Ахундов (он тогда был общепризнанным корифеем науки республики), Мамед Джуварлинский (нарком просвещения), Микаил Гусейнов (завотделом пропаганды ЦК), профессор Вели Хулуфлу (Наркомпрос), Али Саттар Ибрагимов (зав. БОНО), я (оргинструктор ЦК КП(б) Азербайджана) и Ахмед Тринич («Азернешр»). Эта высокоавторитетная комиссия заседала несколько раз у тов. Рухулла Ахундова и ни к чему не пришла. Было заметно, что никто из них не хочет, чтобы речь шла обо всех татах: «о горских евреях – пожалуйста». Мои доводы о том, что сам Али Саттар Ибрагимов не только дома, но и с друзьями-татами на работе говорит на родном татском языке, вызывали добрую улыбку в подтверждение. И все.

В то время горских евреев-татов в СССР (в других странах их, по-видимому, нет) было всего около 60 тысяч человек⁶⁵. Основной массой они проживали в Азербайджанской ССР в городе Кубе (и рядом – в Кусарах и в Хачмассе), в Баку, в Варташене, в Шемахе (и рядом в селении Муджу), в Исмаиллах – Муджу-Афтаран и в нескольких домах в Геокчае. Проживали также в Дагестанской АССР – в Дербенте и в прилегающих селениях, в Махачкале; на Северном Кавказе в Грозном, в Моздоке, в Нальчике и др. Все они иудейского вероисповедания, говорили на татском языке. Разговорная речь кубинских, бакинских, шемахинских и дербентских горских евреев (кубинско-дербентский диалект) почти не отличается друг от друга и могла лечь в основу татского литературного языка. Но кубинско-дербентский диалект уже отличался от диалекта грозненских, а еще более – от диалекта нальчикских горских евреев. Им трудно было понимать друг друга. Я уже не говорю о жаргонах, которые были у каждого. Например, у нас – кубинцев – имрами^{XLVI} и т.д. Таты-магометане, как мне известно, проживали только в Азербайджане, главным образом, в Баку: Балаханы, Сураханы, Даглы, в Хизинском районе, в Шемахинском округе – Лагиче и т.д. У них тоже была разница в диалектах. Но еще были таты-армяне в Дивичинском районе – селе Кильвар.

⁶⁵ Кроме них есть еще бухарские евреи в Средней Азии, которые говорят на таджикском языке – родственном нашему языку. Их мы не имели в виду.

В горячих спорах я доказывал и предлагал издавать газету и литературу для всех говорящих на татском языке, независимо от того, к какой религии они принадлежат. За основу принять кубинско-дербентский диалект, и на этой основе общими усилиями, постепенно, с помощью периодической печати (газеты) будет выработан единый литературный язык для всех татов, населяющих СССР, независимо от их вероисповедания.

Остальные диалекты этого языка постепенно вольются в этот единый литературный язык или исчезнут, а может быть, успеют перемолотся в едином татском языке. Так в свое время было с русским языком, да и с другими языками^{XLVII}. Безусловно, речь не шла о единении народов. Речь шла о выработке единого литературного языка. Мне говорили о том, что сейчас таты-балаханцы (магометане) с трудом понимают нас – горских евреев. Я им в ответ говорил о том, что мы – горские евреи – лучше понимаем балаханских татов-магометан, чем горских евреев из Нальчика или Моздока.

Были и такие веские доводы: татский литературный язык, за который я ратую, создастся не в один год, для этого потребуется несколько лет, а может быть, и десятилетия. Стоит ли татам-мусульманам, уже давно приобщившимся к тюркской (азербайджанской) литературе, отступать, отходить от этого и перейти вновь на родной татский язык? Кроме того, говорили они, всех татов будет 100–150 тыс. человек. Будут ли для них вузы, насколько это целесообразно, или же, окончив среднюю школу на татском языке, потом в вузе вновь переходить к тюркскому языку и т.д. Вопросов было очень много, сложных, нелегких. Кроме того, и среди нас – горско-еврейской интеллигенции – были и скептики, и противники «всеобщего единого» татского языка, единого с татским-мусульманским.

Комиссия ЦК АКП(б) по созданию терминологии и орфографии для всех татов, весьма авторитетная, собралась всего один раз, чтобы больше не возвращаться к данному вопросу. Я знал хорошо по работе всех членов комиссии. Но некоторые из них меня совершенно не знали. Народный комиссар просвещения республики, член комиссии Мамед Джуварлинский меня знал очень хорошо. Он был первым моим руководителем по партработе, когда был заведующим оргинструкторским отделом Кубинского Окружкома партии, а я у него – инструктором. И когда я стал работать ответственным

ЦК АКП(б), он не один раз высказывал мне свою радость и гордость. Профессор Вели Хулуфлу, член комиссии, тоже меня знал, не один раз я с ним встречался еще в 1929-1930 годах на разных республиканских совещаниях по вопросам татского алфавита, языка и культуры. Но совершенно меня не знал Рухулла Ахундов. Он был секретарем ЦК АКП(б) еще при Кирове и все время был на руководящих партийных постах. Так что дистанция между мною и им была большая. Он, кажется, был первым переводчиком произведений Маркса-Ленина на тюркский (азербайджанский) язык, первым редактором русско-азербайджанского словаря, считался высоким авторитетом на фронте просвещения, и последнее слово принадлежало ему. Тем не менее он вел себя очень скромно, умел спокойно слушать, в споре показывал свое превосходство и от своего сказанного не отступал. Не знал меня и Ахмед Тринич. Этот – из сербских тюрков, ряд лет был редактором газеты «Коммунист» на тюркском языке, но, по-моему, плохо знал тюркский язык. Чванливый и высокомерный человек, с длинной шеей, рыжий, похожий на петушка. Тогда он был директором «Азернешра» (позже я был назначен его заместителем) и, по-моему, ничего не понимал в национальных вопросах и их проблемах в Азербайджанской Республике. Заведующий БОНО Али Саттар Ибрагимов, член комиссии, знал меня немного как «борца татского языка». Долго я ждал какого-либо положительного результата. Но его все так и не было, а срок был установлен – 25 декабря 1933 года. Эта же комиссия должна была разработать условия перевода издания татской литературы из Москвы в Баку. И этот процесс также оставался не решенным. А уже наступил 1934 год. Тогда я, воспользовавшись своим служебным положением, в порядке проверки исполнения решения ЦК (а я обязан был заниматься такими вопросами) написал справку в секретариат ЦК АКП(б) о том, что указанное решение до сих пор не выполняется и даже игнорируется. Тогда первым секретарем ЦК АКП(б) был уже Багиров.

Микаил Гусейнов – заведующий Отделом пропаганды ЦК АКП(б) был со мною не в ладах. Человек ниже среднего роста, окончил, кажется, институт Красной профессуры, видимо, не имел еще достаточного опыта практической руководящей работы, но очень силился казаться руководителем, щеголяя своей теоретической под-

готовленностью перед подчиненными, а перед Рухулла Ахундовым и подобными вел себя очень подобострастно. Ко всему прочему я еще «навязал» ему эту щекотливую процедуру – вопрос о едином татском языке. «Что Вы хотите от меня, причем здесь я?» – часто и в неумело сдерживаемой истерике он спрашивал меня. Короче говоря, 20 мая 1934 года бюро ЦК АКП(б) под председательством Багирова, рассмотрев мою справку, обсудило информацию и решило издавать в Баку первую периодическую массовую газету под названием «Коммунист» на горско-еврейском языке. Именно так и было подчеркнуто «на горско-еврейском языке», то есть только для горских евреев, а не для всех татов⁶⁶.

Диктуя первый пункт решения об издании газеты, Багиров спросил, обращаясь к Гусейнову, а кого тот рекомендует редактором газеты. Гусейнов немым поворотом головы обратился ко мне, и Багиров задал мне тот же вопрос. Я молчал. Долго мы ждали такого решения об издании газеты и не думали серьезно над тем, кто же будет издавать газету.

Неловкость мучила меня. И Багиров резюмировал: газета политическая, первая, орган Центрального Комитета партии, и во главе газеты ЦК партии должен иметь человека, которого знает хорошо и доверяет политически, на кого можно будет опереться, а главное, кто знает это дело. И он назвал мою фамилию. Мне трудно было возражать, но я тут же попросил передать в мое распоряжение для работы в редакции товарищей Давыдова Исроила – он тогда работал инструктором-информатором в Орготделе ЦК АКП(б), Аширова Пейсаха – работника кубинской газеты, Шаулова Натана – студента ВКСХШ и Зарбаилова Бориса - работника Кусарского района (о них подробно я буду писать позже). Эта просьба, а также создание необходимых условий для этих работников (лечкомиссия, карточки и др.) были тут же записаны в вышеуказанном решении. Один экземпляр этого решения находится в моем личном архиве. Тогда имелось в виду, что я одновременно остаюсь и работником ЦК, то есть редактором буду по совместительству.

Но вот появилась еще раз просьба ОГИЗа, на этот раз

⁶⁶ В некоторых других источниках отмечается, что было принято решение выпускать газету на «татском языке для горских евреев». — *М.А.*

настойчивая, о переводе издания татской литературы в Баку. 17 июня 1934 года появилось еще одно решение бюро ЦК, которым я был утвержден одновременно первым заместителем директора «Азернешра» (АзГИЗ) и был командирован в Москву - в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) и в ОГИЗ – для практического решения всех вопросов, связанных с изданием татской литературы в Баку^{XLVIII}.

Тогда в Баку действовал клуб им. Ильева для горских евреев на улице Гоголя между улицами Низами и Толстого – одноэтажное помещение с хорошим и удобным залом. Это то самое помещение, где в 1920 году был клуб рабочей молодежи и где проходила моя первая закалка подростка и боевое крещение (об этом я уже писал)⁶⁷. Поскольку этот клуб им. Ильева в какой-то мере был местом сосредоточения горско-еврейской молодежи, да и не только молодежи, я решил искать помещение для редакции газеты поблизости. На улице Гоголя, угол улицы Толстого, рядом с клубом находилась артель трикотажных изделий. Не без труда, по указанию ЦК, их выселили и помещение предоставили нам под редакцию. Мы его хорошо отремонтировали, создали кабинеты и пр., и в этом помещении (улица Гоголя, дом 9) редакция находилась постоянно вплоть до своей ликвидации.

А в «Азернешре» (АзГИЗе) директор «Азернешра» Ахмед Тринич решение ЦК о моем назначении его первым заместителем встретил в штыки. Он яростно возражал и с такой же яростью пошел обжаловать это решение в ЦК, наверное, к Микаилу Гусейнову и, конечно, к Рухуллу Ахундову. Вернулся он от них неудовлетворенным, ему не удалось отменить или изменить это решение. Он уже «мирно» стал объяснять мне, что, будучи первым заместителем директора «Азернешра», я должен буду, конечно, отвечать за всю издательскую работу в республике, за ее хозяйственную и финансовую стороны. И эта громадная работа не оставит у меня времени для того, чтобы конкретно заниматься татской литературой, да еще и из-

⁶⁷ В послевоенное время (1946-1950) в этом хорошо известном в Баку одноэтажном здании по улице Гоголя, 12 размещался клуб с кинозалом, куда водили учащихся младших классов для просмотра детских кинофильмов. Затем это помещение занимал стройтрест Баксовета. Сегодня на этом месте возвышается великолепное высотное здание. — М.А.

данием газеты. Какую бы цель он ни преследовал, но я тоже так же считал. Я должен заниматься исключительно татской литературой и татской газетой, ибо для этого, именно для этого, меня привели из ЦК партии. А это действительно громадная работа – организаторская, хозяйственная, журналистская, издательская – потребует от меня отдачи всего себя. Мы «дружно» договорились, что я, оставаясь замом, буду заниматься вопросами только татской литературы. И, к его удивлению, я сам пошел в ЦК, не изменяя решения, договорились так, как условились.

И редакция газеты «Коммунист» на татском языке, и отдел татской литературы в «Азернешре» создавались на совершенно пустом месте – «ни без кого и без ничего». Требовалось много организаторской работы, чтобы кое-как сколотить коллектив и начать. Татский отдел «Азернешра» во главе с заместителем директора вначале состоял из меня одного. В редакции газеты своим заместителем я оформил Давыдова Исроила Ихииловича – честнейшего, добросовестного, политического грамотного (окончил партийную школу II ступени в Баку), хорошо грамотного как на русском, так и на азербайджанских языках и всей душой преданного этому делу человека. Литературными работниками утвердил Ханухова Исаака (Исог Ханух) – талантливого растущего поэта, Шаулова Натана – политически грамотного (прямо из ВКСХШ) и закаленного в классовой борьбе, Аширова Пейсаха – из редакции Кубинской районной газеты. Далее вовлек в литературную работу в редакции также Хананьева Илью – талантливого парня, но с ленцой, и Шамаева Мардахая, как оказалось впоследствии, совершенно неподходящего для подобной работы. Зарбаилов Борис Моисеевич по уровню своей грамотности не мог быть литработником, но он имел некоторый опыт административной работы, и я его назначил заведующим издательством редакции, то есть тем, кто занимался хозяйственными делами. Среди наборщиков типографии, где печатались республиканские газеты, находился единственный горский еврей – мой родственник Агарунов Зарах с весьма солидным стажем. И он, естественно, стал наборщиком и метранпажем нашей газеты. В типографии «Азернешра», к счастью, тоже нашелся один наборщик горский еврей, правда, еще молодой, но все же подходящий, Аширов Семен, который тоже оказался моим родственником (позже он по

моей рекомендации станет партработником и выдвинется до должности помощника второго секретаря ЦК КП(б) Азербайджана). И он стал наборщиком учебников и литературы, издаваемых татским отделом «Азернешра». Корректорами подобрал нескольких молодых ребят Хаима и др.

Для того чтобы иметь тесную практическую связь с горскими евреями, проживающими в Дагестане, а тем более для того чтобы учесть и сочетать кубинский и дербентский диалекты, я специально пригласил к себе на работу из Дербента талантливого и растущего писателя-драматурга Семенова Юно («Юношка») и определил его в татский отдел «Азернешра»⁶⁸. Из-за отсутствия жилья его с семьей я устроил в двухкомнатном номере в гостинице «Комсомольская» (где я сам до этого проживал) за счет государства и создал для него и другие необходимые условия. Пригласил я также из Дербента другого еще очень молодого, весьма талантливого, инициативного, действительного энтузиаста Дадашева Мануваха – моего любимца, для которого я сделал очень много полезного, но который потом отплатил мне черной неблагодарностью.

Вовлек я в наше дело и многих других в качестве авторов, переводчиков и т.д. То, что я говорю о таланте, называю их писателями, поэтами, литработниками, авторами и переводчиками, – все это, конечно, условно. Тогда еще до нас никто ничего не издавал и не печатал, весь их «талант» и «авторство» находились в рукописях, еще никем не признанных. Но такова была действительность, дру-

⁶⁸ К сожалению, в некоторых источниках литературы, в том числе и в энциклопедиях, встречается сообщение, будто бы вместе с Агаруновым руководство издательством татской литературы осуществлял и Юно Семенов. Такая некомпетентность, видимо, объясняется тем, что кто-то однажды «запустил утку», а остальные, не проверив факты, подхватили эту информацию. Яков Агарунов дает здесь четко понять, что сам он лично был назначен Центральным Комитетом партии. Но, пригласив из Дербента Юно Семенова как прекрасного драматурга и как носителя дербентского диалекта (а это было чрезвычайно важно для выполнения решения Всесоюзной горско-еврейской конференции о создании литературного языка на основе дербентского диалекта), он обязан был обеспечить того жильем и хорошей зарплатой. А это было возможным без особых трудностей осуществить лишь при соответствующей должности. Потому Яков Агарунов назначил Юно Семенова своим заместителем по вопросам издания татской литературы. (Заместителем по вопросам издания татской газеты был им назначен Исроил Давыдов.) — *М.А.*

гих опытных кадров литераторов не было и не могло быть. Задача заключалась в том, чтобы руками этих неопытных людей издавать газету и литературу и их же на ходу готовить, создавать из них опору и через них выдвигать новые, растущие настоящие таланты.

Среди всех этих моих помощников не было ни одного, кто был бы знаком с издательским делом, техникой издания газет и книг. Только я один, всего несколько месяцев проработавший в Дербенте в редакции газеты «Захметкеш», имел некоторое понятие. Мне самому приходилось усваивать на ходу новое дело и обучать своих помощников. Это был адский труд. В то же время – очень полезный труд. Я старался вовлечь в это дело также и внештатных авторов, многих и многих, конечно, классово преданных, политически выдержанных. Дарвин Галилов – руководящий работник Наркомата РКИ, мой учитель в первом классе, член Нацменсектора при АзЦИКе – мог бы, оставаясь на своей работе, помочь нам, быть полезным для этой большой работы. Обещал, но не выполнил своего обещания, ссылаясь на свою занятость. Герцль Горский – талантливый марксист, в то время преподавал в медицинском институте курс марксизма-ленинизма, категорически отказался принимать участие в нашем деле. У него было какое-то чувство неприязни ко всему еврейскому, хотя в первые годы советской власти он был руководителем Евкомола в Баку и агитировал нас всей ячейкой комсомола войти в Евкомол (Еврейский коммунистический союз молодежи). Мы дали отпор его агитаторам и сказали, что не хотим создавать национальные организации. И ЕКП, и Евкомол, вернее, лучшие их части, потом вошли в коммунистическую партию и в комсомол. Кроме этого, у Герцля Горского была своя личная, как он считал, трагедия, и, возможно, это повлияло на его отношение к нашему делу. Эта его личная «трагедия» заключалась в том, что он был сыном главного раввина бакинских горских евреев – раби Ифраима Рабиновича. В то время, когда он, Горский, был настоящим коммунистом и по долгу своей службы (он в первые годы советской власти был ответработником Наркомфина), ведя классовую борьбу против буржуазных купцов и нэпманов, по всей строгости закона облагал их налогами, а среди них было, как известно, немало горских евреев, отец его раби Ифраим был ярким противником советской власти и был духовным отцом всех этих купцов и нэпманов. Последние не-

навидели, осуждали, проклинали Горского, но благословляли его отца. Горский ушел от родного отца, порвал с ним всякую связь, но травма была глубокая. И он, Горский, обходил стороной все, что было связано с еврейством. Другая деталь заключалась в том, что двоюродный брат Герцля Горского Михаил Рабинович (псевдоним «Бен Герарий» – сын гор) был уже тогда вдохновителем и одним из руководителей сионистской организации в Баку. Не хочу сказать, что Горский был в дружбе с Бен Герарием. Нет, этого не было. Он просто не хотел связываться с ним. Горский знал, что сотрудничать в нашей газете ему – образованному марксисту – это значит, помимо всего прочего, опять ввязываться в свои сложные взаимоотношения с ближайшими родственниками, от которых он просто отрекся. Эта была та же борьба, что и со своим отцом, и все это ему надоело. Я очень жалел, что такой способный человек не захотел нам помочь.

Я привлек сотрудничать в нашу газету доктора Гильядова – грозненского горского еврея. Он писал в разделе «Беседа врача». Характерно, что он писал на русском, а потом мы переводили на татский. Привлек молодого студента Ашурова Рахамима – горского еврея из Шемахинского района (село Муджу-Афтаран). Старался привлечь Бенциона Галилова – до революции активного борца за просвещение горских евреев, а в те годы работавшего агрономом в Ленкорани. На мой призыв он приехал в Баку, самым искренним образом выразил свое восхищение нашему начинанию, пожалел, что он уже не молодой, обещал писать, но, если мне не изменяет память, не писал.

Я старался иметь в нашем активе представителей со всех сел и поселков, где проживают горские евреи, чтобы газета могла освещать их жизнь, чтобы наша газета довела до них, на их родном языке творения Октябрьской революции, задачи, вытекающие из программ коммунистической партии.

Газета «Коммунист» на татском языке и Татский отдел АзГИЗа существовали четыре года. Чтобы более или менее подробно писать о той титанической работе, которую проводили эти две организации, надо в архивах пролистать и тщательно прочитать все номера газеты и все произведения, изданные Татским отделом. Может быть, когда-нибудь это потребуется и найдется вдохновитель, который захотел бы заняться этим благородным делом – изучать и написать.

Но я не берусь за это, и не это входит сейчас в мою задачу⁶⁹. Могу лишь сказать, как свидетель, как «чернорабочий» этого дела, как волей партии руководивший этим делом, что это было исторически необходимое, весьма полезное партийное дело, давшее неоценимые положительные результаты во всех отношениях и во всех сферах и областях. Мы через газету внедряли в народ разработанный нами и утвержденный правительством новый татский алфавит на основе латинского. И газета, и вся татская литература печатались исключительно на этом алфавите. И создавали татскую горско-еврейскую литературу. Готовили, пестовали литераторов, поэтов, писателей. Грамотность быстро развивалась. Начальные школы были переведены на родной язык и т.д. Решение одной проблемы вызывало новые проблемы, которые также надо было на ходу решать.

И для издания учебников, и для самой газеты надо было вырабатывать терминологию. Как мучительно было переводить информацию, сообщения и учебники на наш язык. Не находили слов, точно подходящих для перевода, прибегали к русским, азербайджанским терминам. Много трудился над этим непоколебимый Давыдов Исроил. Но у него преобладали азербайджанские термины. Шли споры, дискуссии. Последнее слово принадлежало мне как ответственному редактору. Например, как перевести на наш татский язык слово «закон». По-азербайджански оно звучит как «ганун». Так и писали в газете. Но среди пожилых женщин в их причитаниях нередко можно слышать «бизакунадог», то есть «беззаконие». Иначе говоря, слово «закон» из русского языка вошло в наш лексикон еще до революции. В нашей газете можно найти в переводческих статьях грубые, сухие обороты, режущие слух. Так мы мучились, создавая литературный язык для горских евреев.

Вообще, трудностей было очень много. Все работники редакции одновременно были и активом Татского отдела «Азернешра» — переводчиками, авторами. Кроме них переводчиками учебников или

⁶⁹ Яков Агарунов несколько раз отмечает здесь, что это — его автобиография. Но позже Яков Агарунов все же написал и оставил в архиве рукопись книги о том, как создавалась горско-еврейская литература, которую мне удалось после его кончины обработать и издать под названием «Большая судьба маленького народа» (Москва, «ЧОРО», 1995). — *М.А.*

авторами учебников для начальных школ были педагог с большим стажем Лазарев Лазарь, молодой географ Авадьяев Хануко и другие. Только один Авадьяев Авадья Аширович – работник Азербайджанского филиала Академии наук, по образованию и грамотности не уступавший никому из нас, – не был штатным работником. Он был человеком неорганизованным, неисполнительным и не деловым, хотя был очень подготовленным и начитанным. Нам нужны были практичные люди, умеющие выполнять работу в определенный срок. А он не был из таких, даже редактирование некоторых трудов, которые он брал на себя, затягивал и срывал. И в штат редакции он не был зачислен.

Издание татской газеты и литературы было по существу большим праздником. И сразу же, как грибы после дождя, появились десятки «корреспондентов, журналистов, поэтов, писателей, талантов», то есть людей, которые хотели быть таковыми, но еще не были ими. И было немало случаев, когда действительно раскрывались таланты. Всех их надо было окружить вниманием, изучать, проверять, трудиться над ними, не ломать их, не отпугивать, если даже их желание не является трезвым. Тем более что среди моих сотрудников попадались иногда и завистливые, которые не хотели иметь рядом людей выше или лучше себя. Это была психологическая, партийная работа по выращиванию настоящих талантов. В одних случаях я опубликовывал статью такого товарища, конечно, за его подписью, излагая всю статью заново, своими словами, но сохраняя содержание и смысл статьи. В иных случаях опубликовывал после основательного редактирования, в других случаях, соответственно сокращая, но не отвергая, как бы языком газеты показывая, как следует писать статьи. И таким путем достигали успеха, выращивали актив корреспондентов.

Бывали и такие случаи, когда вежливо отклоняли, разъясняли почему. Так, один из товарищей из Кубы – Шамаия – прислал в редакцию «статью», где сам как автор статьи писал о себе, как и о чем выступал на собрании «товарищ Шамаия». Он писал: «Товарищ Шамаия смело сказал», «Товарищу Шамаия аплодировали» и т.д. Такую статью просто не редактировали, ее оставляли без внимания, а автору указали на то, как не надо писать. Появлялись и квалифицированные статьи, которые требовали меньше труда.

Это все – о редакции. В издательстве же, где печаталось около

500 печатных листов художественной, политической и др. литературы, а еще больше – учебники, которыми пользовались школьники как учебными пособиями, от сотрудников требовалось еще большая квалификация, а отсюда – еще больше хлопот.

Вспоминаю, ко мне в «Азернешр» зашел плохо, но аккуратно одетый некто Черкасов. Он поздоровался со мной, назвал меня по имени-отчеству (тогда это было не в моде) и хорошим грамотным русским языком, медленно и со вкусом, с манерой старого дореволюционного интеллигента стал излагать цель своего посещения. Вначале он дал мне понять, что хорошо знал моего отца и родственников в Дербенте, например, Рафаила Агарунова. И так короткими фразами, удачно подобранными словами метко охарактеризовал их, в особенности моего отца, что я был изумлен: настолько это было правдоподобно. Оказалось, что этот товарищ Черкасов из дербентских горских евреев, в двадцатые годы работал в Баку с большим успехом заместителем Наркома юстиции Азербайджанской ССР, но потом пошел по наклонной, выпивал сильно, до изнеможения и так вышел из строя. Сейчас он принес мне свое творение под названием «Исфаганский ковер» («Холинчэй Исфалон») с просьбой издать его. Оно, это его сочинение, было написано в нескольких ученических тетрадах старым древнееврейским алфавитом изумительно красивым почерком. Я бегло прочитал несколько строк, заинтересовался и с разрешения автора оставил у себя для подробного ознакомления. Должен сказать, что в течение нескольких часов читал это произведение с наслаждением. Речь шла о бесценном исфаганском коврантике, и вокруг него разворачивались изумительные действия, велся ажиотаж, в котором участвовали десятки людей из горских евреев, разных характеров, людей разных слоев, в том числе квалифицированные картежники. Все они, эти образы, были охарактеризованы сочным языком, со знанием дела и глубоко осмысленно. Это было хорошо написанное художественное произведение. Особенно изумительно сочно и достоверно была написана картина в картежном доме, эпизоды и детали картежной игры, и с таким знанием, что не было сомнения в том, что сам автор является высококвалифицированным картежником (так и оказалось). Ни у кого из нас, в том числе ни у меня, ни у Исаака Ханухова, ни у Юно Семенова, ничего подобного по своей художественной выразительности не было. Я

согласился взять на себя редактирование этого произведения, несмотря на всю свою занятость. Отметил некоторые слабые стороны, в особенности политического характера, а таких было много, и все это открыто изложил Черкасову. Он во всем со мною согласился, и я заключил с ним договор и выдал ему аванс, кажется, 500 рублей. После этого он долго не появлялся, а когда он пришел, я по его виду понял, что он, наверное, все эти дни пьянствовал и где-то пропадал. Не обижая его своими подозрениями, я стал более подробно показывать ему те места из его произведения, где мне, как редактору, придется видоизменять, и хотел с ним посоветоваться. Здесь, к моему удивлению, я заметил, что он не умеет читать древнееврейскую письменность, и только когда я читаю одну фразу, он наизусть продолжает остальной текст. Что это такое? Может быть, это свое произведение он диктовал, и кто-нибудь из раввинов с хорошим почерком написал под его диктовку? Или, может быть, он – Черкасов – авантюрист, занимается плагиатом, присвоил чужой труд? Он был умным и хитрым человеком, видимо, прочел мои мысли. Когда он записывал мои замечания, причем на русском языке, я заметил, что рука его сильно дрожит и он сам мучается от неловкости. Мы условились встретиться через несколько дней. Сомнения и жалость к этому человеку мучили меня. Через несколько дней он явился и попросил у меня разрешения взять свой труд к себе домой, чтобы самому внести необходимые поправки, исходя из моих замечаний. Я поверил ему, вернул ему его произведение и больше его не видел. После войны я узнал, что он безмерно пьянствовал и так и скончался. Где это изумительное произведение «Исфаганский ковер», у кого находится – не знаю. Больше всего меня мучает неизвестность – кто же был его истинным автором.

Появился у меня со своим творением и мой родственник из Дербента Агарунов Семен Израилевич. У него с собой была очень объемистая папка, рукопись была написана новым татским алфавитом. Это было, как он сам сказал, романом с продолжением. А мы тогда стремились побольше издавать рассказов, повестей, пусть и романов, но коротких. Возможности все же были небольшие, да и читатели еще не привыкли к чтению больших произведений, да еще и с продолжением. Во избежание всяких кривотолков я предложил Ханухову ознакомиться с произведением Семена Агарунова и дать

свое заключение. Всегда во всем, что касается меня и моих родственников, я был щепетильным и осторожным^{XLIX}. Тем более в данном случае, когда партия возложила на меня руководство и газетой, и издательством, я должен был быть особенно осторожным. За всю бытность моего пребывания на посту руководителя издательства я не издавал, не печатал ни одного своего произведения, ни одной строки из моих многочисленных стихотворений и пьес, которые уже ставились в театрах Баку, Кубы, Дербента. Я знал, что вокруг меня, в том числе и среди моих сотрудников, имеются завистники, а порою и интриганы, готовые в любую минуту воспользоваться даже мнимой моей оплошностью во вред нашему общему делу (так потом и получилось)^L. И тогда Ханухов, в обычной своей манере, легкомысленно вовсе отверг произведение Семена Агарунова, вместо того чтобы подсказать, объяснить и, если возможно, подправить. Мой Семен пришел в ярость, начались обычные в таких условиях раздражительные разговоры (он потом в своих заявлениях будет обвинять меня во всех грехах). И мне пришлось для объективности самому читать его произведение — а у меня времени было в обрез, — и я установил, что действительно это — рыхлое, скороспелое творение. И ему следовало бы над нам работать и по возможности сокращать. Семен, видимо, не понимал, что я должен быть требователен ко всем, тем более к нему как к моему родственнику. Нельзя было всех желающих и претендующих на что-то считать талантливыми. Есть критерии и рамки, а два-три года — не вечность.

С апломбом даровитого приходил и Бираров Яков Юшваевич (отец моего товарища юности Зоволуна Бирарова) и требовал, чтобы его обязательно печатали. А он, помимо того, что был и политически неустойчивым с националистическим душком, обладал весьма сомнительным талантом, «автором» десятков пьес почему-то испанского происхождения.

Также и среди платных сотрудников редакции, которые в основном оправдали себя, попадались и довольно неумелые, к которым относился Шамаев Мардахай. Ему поручали переводы небольших заметок, небольших детских книг, но все в конце концов приходилось делать за него. На обложке книжек значилась его фамилия как переводчика, а на самом же деле все приходилось делать его редактору, то есть главным образом мне. Обидно то, что он в от-

личные от других ничему не мог и не хотел научиться.

Колоритной фигурой был Михаил Рабинович - Бен-Герарий («сын гор»). Это - один из вдохновителей сионизма на Кавказе, идеологический руководитель неустойчивой молодежи⁷⁰.

Редакцию газеты «Коммунист» на татском языке я умышленно расположил рядом с клубом горских евреев им. Ильева с тем, чтобы превратить этот клуб, если так можно выразиться, в производственную базу нашей редакции¹¹. С тех пор этот клуб расцвел во всех отношениях. Всемирно известные ныне танцоры Израйловы, как было отмечено, являются питомцами этого клуба. Некоторые любители из драмкружка при том клубе являются сейчас артистами государственных театров. С большим успехом тогда проходила постановка пьесы Юно Семенова «Махсум» и др.

Я уже говорил, что не собираюсь здесь писать о многосторонней и весьма плодотворной работе газеты «Коммунист» на татском языке или о трудной и благородной работе татского отдела «Азербешра». Об этом, может быть, напишет будущий исследователь. Я же пишу свою биографию – воспоминания о некоторых событиях и фактах, сведения о которых, конечно, нельзя найти на страницах газеты, которую я издавал, или в произведениях Татского отдела, которые я выпускал.

Работа в этих двух организациях, на совершенно новом для всех нас поприще, с разношерстными людьми, людьми разных характеров, разной подготовки (а многие из них – вообще без какой-либо подготовки) была изнурительной и поглощала все мои силы и энергию. Я не только не имел выходных дней – дней отдыха, но и работал круглые сутки, питался торопливо, впопыхах. И спал очень мало и нерегулярно. Мне не только надо было организовать каждый день номер газеты, но и подобрать и редактировать материалы, и все это в спорах с сотрудниками, как следует расположить материал, то есть исполнять роль выпускающего. И прежде чем подписывать газету к выпуску, я вынужден был читать с начала и до конца по буквам уже набранную газету, хотя ее корректировал корректор и до меня читал мой заместитель благородный и исполнительный Давы-

⁷⁰ Подробно о встречах с Бен-Герарием изложено в книге Я.Агарунова «Большая судьба маленького народа» на с. 77-80 (М.: ЧОРО, Москва, 1995). — М.А.

дов. Только таким образом я мог избежать появления ошибок в газете. А эту работу приходилось делать обычно ночью в самой типографии, и только под утро, спокойно подписав газету, я уходил домой. А какой сон может быть утром, когда через два-три часа опять надо было быть на беспокойной работе. А в Татском отделе каждый переводчик или автор обязательно должен был согласовать со мной каждый новый термин, иногда они сами шли на это из-за перестраховки. И я не имел права ссылаться ни на какую головную боль. Бывало так, что переводчик и автор даже после набора и после корректора сами проверяли свои произведения, а редакторы проверяли последнюю корректуру и подписали к набору, но и в таких случаях я считал своим долгом самому проверять и каждый раз находил ошибки. Я не в состоянии был прогнать с работы таких нерадивых, ибо других тогда не было, да и на подготовку требовалось много времени. А времени не было.

Бремя большой и серьезной ответственности перед Центральным комитетом партии, который доверил мне сразу эти два одинаково ответственных участка, а также перед моим народом, ради которого я впрягся в эту тяжелую повозку, давило на меня. Я был тогда молод (27-28 лет), энергии хоть отбавляй, и внешне я выглядел бодрым. Но я чувствовал большую усталость физически. Сознание того, что со своими помощниками мы делаем весьма полезное и исторически важное дело, ибо все это было впервые в жизни горско-еврейского народа за все время его существования, придавало мне силы, поддерживало во мне энтузиазм^{LI}.

Не раз я ставил вопрос перед ЦК о моем освобождении от работы замдиректора «Азернешра». Все не удавалось. После я все-таки добился этого, подготовив и назначив на должность заведующего Татским отделом «Азернешра» Семенова Юно (но не в ранге замдиректора «Азернешра»). Последний раз я был в отпуске в 1933 году. Своих же сотрудников я каждый год аккуратно отпускал в отпуск, а сам я не мог уходить: «некем было заменить». И лишь в ноябре 1936 года ЦК партии учел мое состояние, дал мне путевку в Крым, в Ливадию. В это время жена моя была в положении, мы ожидали третьего ребенка и, откровенно говоря, мечтали иметь сына. Ведь моя мама родила 12 детей и только одного мальчика. Да и мать моей жены родила 10 детей и тоже одного мальчика. А как будет с нами?

С этими думами я уехал, выполняя решение ЦК, в отпуск в Ливадию.

5 декабря 1936 года вечером мы все отдыхающие сидели в зале на первом этаже Ливадийского дворца и по радио (тогда еще телевизоров не было) слушали доклад тов. Сталина И.В. на VII Чрезвычайном съезде Советов о новой конституции СССР. В разгар, когда по радио передавались громовые аплодисменты, меня окликнули: «Товарищ Агарунов, вам телеграмма!» Я неохотно встал, вышел и получил радостную телеграмму от моего друга Давыдова о том, что у меня родился сын. Так доклад тов. Сталина о новой конституции Советского народа и сообщение о рождении сына были для меня единым, резонансным, великолепным одновременным удовольствием, а гром аплодисментов я воспринимал как салют своему новорожденному сыну.

Наступил роковой 1937 год. В стране начались репрессии. Многие руководящие работники, значительная часть из которых с оружием в руках завоевывали и защищали Советскую власть, были арестованы как враги народа. Еще задолго до этого в стране были разгромлены и осуждены на открытых процессах троцкисты, вредители из «Промпартии» и других контрреволюционных организаций. После убийства Кирова в Ленинграде состоялись открытые судебные процессы, где были разоблачены и осуждены зиновьевцы, бухаринцы, остатки троцкистов. На этих процессах присутствовали иностранные деятели и корреспонденты, в том числе известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, которые в своих заключениях подтверждали, что эти судебные процессы проходили в полном соответствии с юриспруденцией, что обвиняемые полностью признали свою вину против советского народа. Но аресты и осуждения, продолжавшиеся в 1937 году, происходили главным образом при закрытых дверях, без суда, чрезвычайными комиссиями. Были осуждены такие полководцы, как Тухачевский, Блюхер, Якир и другие, также руководители страны, как Постышев, Косиор, Рудзутак и многие другие – как враги народа, причем несколькими волнами вплоть до 1938 года.

Я знал многих руководящих работников Азербайджанской республики, и только по работе. Ни с кем из них я не был связан семейными узами, не бывал на вечерах, компаниях, семейных торжествах,

даже с товарищами моего ранга. Али Гейдар Караев, Рухулла Ахундов, Юсиф Керимов, Зейналовы Али и Гусейн, благородный Мамед Джуварлинский, Гапалов Гасан – уроженец Борчалинского района Грузии – секретарь Кубинского райкома партии, Таутиев, Джабиев, Оскар Эфендиев – очень грамотный и угрюмый человек, старые руководящие комсомольские работники Рахмановы Гасан и Гусейн, Джангир Ахундзаде – к тому периоду первый секретарь Ленинского райкома партии, Сафар Усейнов, милый Мирза Шихсеидов, с которым я работал в комсомоле в Кубе, и многие и многие другие, с кем я рядом работал⁷¹. Особенно мне запомнились Мирза Шихсеидов и Султан Меджид Эфендиев. Последний был членом большевистской партии с 1904 года, по профессии врач, после установления Советской власти работал Наркомом РКИ, а последнее время председателем Президиума АзЦИКа (по нынешнему АзЦИК – это Верховный Совет Азербайджана) – скромнейший человек, несмотря на свой возраст, свои заслуги и свой пост, в разговоре или в беседах, например, даже со мною (а он стал большевиком еще до моего рождения) вел себя так скромно, что даже краснел, разъясняя и объясняя тихо, размеренно, короткими фразами выражал свое мнение по тому или иному вопросу. Как он мог стать врагом народа – не знаю. Верно то, что тогда среди руководящих кадров республики было много из националистических буржуазных слоев, сыновья купцов, помещиков, фабрикантов, которые еще до революции и в первые годы революции боролись за Советскую власть. Они все были грамотными людьми для того времени и сыграли важную роль. Были, конечно, и из рабочего класса, действительно преданные Советской власти, но большинство из них были даже азбучно неграмотными – Мир Башир Касумов, Мамедханов, Усейнов, Буниятзаде Дадаш и другие.

Летом 1937 года меня призвали на двухмесячные военные сборы в пулеметный полк, расположенный на Биби-Эйбате, в поселке Шихово. Я тогда имел звание батальонного комиссара и должен был носить две шпалы (тогда погон не было). Но меня

⁷¹ Яков Михайлович неоднократно заявлял, что ему повезло в том, что тогда работал в редакции. «Если бы, - говорил он, - был арестован хоть один работник печати, конечно, взяли бы и меня. Все ночи напролет мы с женой бодрствовали, слышали приезды машин, шаги в сапогах на лестнице, да и поклажа моя всегда была готова, но беда обошла стороной». — *М.А.*

назначили заменяющим старшего батальонного комиссара и дали носить три шпалы. В «Азернешре» уже заведующим Татским отделом был назначен по моей рекомендации Семенов Юно (но не заместителем директора «Азернешра»), а в редакции во время военных сборов меня стал замещать, конечно, мой заместитель Давыдов. Через несколько дней, когда я был в штабе обороны Баку (он помещался рядом с гостиницей «Интурист»), я в военном костюме зашел в редакцию узнать, что у них нового. И что я увидел? Все ахнули, причем с облегчением, и мне казалось, что они были изумлены моим видом в военном костюме, да еще с тремя шпалами. Может, это было и так, но главное заключалось в том, что меня очень ждали, даже искали, такое у них было тревожное, даже трагическое состояние, как в трауре.

В чем же дело? Давыдов совсем сник, пал духом и жалостно протягивает мне свой партбилет, заявляя, что он заслуживает быть исключенным из партии, он допустил грубую политическую ошибку и подает мне номер газеты. Действительно, ошибка политически очень грубая в то тревожное подозрительное время 1937 года, могла иметь серьезные последствия, вплоть до ареста. Вот почему они обрадовались моему внезапному появлению, встретили как «спасителя» от неминуемой беды. Я проверил оттиски. Ошибка не была допущена Давыдовым, она была допущена кем-то из сотрудников, а он ее пропустил, подписывая газету, не заметил. Четыре года я работал ответредактором этой газеты, столько номеров подписывал к выпуску и никогда такой политической ошибки, даже менее подобной, не пропускал. Но сколько энергии, нервов мне это стоило. А вот Давыдов – самый грамотный и исполнительный, самый аккуратный и бдительный из всех сотрудников редакции – и то пропустил ошибку. Он впал в меланхолию и считал это дурным знаком его «роковой судьбы». Все смотрели на меня с надеждой. Они так растерялись, что еще не успели сообщить в ЦК партии, но большую часть тиража успели задержать. Я должен был выручить их, вернее его – Давыдова. Но как? Время было, повторяю, тревожное. Я быстро побежал домой, сменил военный костюм на гражданский и с этим номером газеты пошел в ЦК, сначала, конечно, к Микаилу Гусейнову. Я писал о встречах с ним в периоды 1933-1934 годов, еще до становления газеты. А за эти три года у меня с ним

было немало стычек: теперь ведь как редактор газеты я подчиняюсь ему, вернее, бюро ЦК, но через него. Стычки были образца булавочных уколов, о них нет необходимости писать. Выслушав мое сообщение, он криво улыбнулся, и я заметил у него в глазах страшную радость, которая как бы говорила: «Ах, попался, теперь-то я с тобой рассчитаюсь!» А вслух он сказал: «Как же так, товарищ Агарунов, это похоже на вражескую работу с Вашей стороны». Он еще не знал, что я здесь ни при чем. Забыл, что я нахожусь на военных сборах. Я стал как можно осторожней обрисовывать действительное положение, старался доказать, что это вовсе не умышленно допущенная ошибка, здесь виновато сходство букв и произошло все это в мое отсутствие. Давыдов искренне переживает, и что, а это самое главное, бóльшая часть тиража газеты задержана и будет сегодня же в исправленном виде мною выпущена, хотя сам я нахожусь на военных сборах. Это немного обезоружило его, и тут же мы оба доложили секретариату ЦК. Давыдову был объявлен строгий выговор. Этим, к счастью, все и ограничилось. Надо было видеть, как радостно и с благодарностью встретили меня с этой вестью сотрудники газеты, в особенности мой незаменимый друг Давыдов. Но это не прошло даром: Давыдов уехал в Москву на учебу в институт журналистики, а я лишился способного и первого помощника в работе, искреннего и честного друга. Моя мечта добиться его назначения ответредактором, а самому заниматься литературой, как поэту и драматургу, привести в должный порядок свои стихи и пьесы и издать их - лопнула^{LIII}.

Не успел я спасти своих сотрудников от беды, как затем и сам попал в беду. Почти перед концом военных сборов как-то раз мы, военные, были на собрании командования в Шаумяновском районе. Закончилось оно поздно, и я решил переночевать у себя дома. Семья находилась на даче. Было очень жарко, я открыл окна, разделся и лег спать при открытых окнах. Когда утром проснулся, я не нашел своего военного костюма. А в кармане костюма находились не только деньги и документы, но и партийный билет. С большой тревогой в душе я стал обыскивать всюду, но ничего не нашел. Видимо, кто-то влез в открытое окно, а мы жили на первом этаже, и украл мои вещи. Как же быть? Тогда были многочисленные факты, когда агенты фашизма охотились за партийными билетами и, воспользо-

вавшись ими, проникали в нашу партию и совершали свои гнусные дела. Поэтому по всей стране был приостановлен прием в партию новых членов и кандидатов и проводилась тщательная проверка и обмен партдокументов. На этой почве во время проверки исключались сотни и тысячи из партии. Как кошмар встало передо мною мое скверное положение и то, что меня ожидает. Вскоре я нашел свой костюм под окном моей квартиры, но карманы были пустыми. Меня могут наказать и за то, что я ночевал у себя дома, а не в полку. Примирившись со своей судьбой, я быстро оделся и поехал в свой пулеметный полк и доложил секретарю парткомиссии о случившемся. Тут же молниеносно на полянке провели заседание и начали громить меня, уличать во всех грехах. Очень рьяно выступали против меня командир полка и начальник штаба, которые называли меня и притаившимся агентом троцкистов, и случайным человеком в партии. Что я мог ответить им? Я был отчислен от военных сборов, сдал свои дела и тут же пошел в Бакинский штаб обороны к дивизионному комиссару Беляеву. Он знал меня, тем не менее, «проявляя бдительность», задал мне несколько подозрительных вопросов и сказал, что плохи мои дела.

Я хмуро вернулся в свою редакцию. Скрывать все было невозможно: я их выручал, но они не смогут, и приступил к работе.

На следующий день мне сообщили, что около фабрики им. Володарского найден мой партбилет и передан в Октябрьский райком партии, где я состою на партийном учете. Это уже было легче. Значит я – не «агент Троцкого», и мой партбилет не попал в руки врага (1937 год был богат такими ярлыками, и ими щедро награждались и виновные, и невинные). Теперь я работаю более спокойно и жду объяснения уже на бюро Райкома партии.

Полоса арестов продолжалась. В Кубе на Красной Слободе были репрессированы бывшие купцы, крупные спекулянты, ростовщики и равнины – духовные служители религиозных культов, которые «тайком вели подрывную работу против Советской власти». Среди них оказался один – раби Миши - который, на мой взгляд, вообще не подходил для того, чтобы быть осужденным. Он был солдатом в Первой мировой войне, значит, стрелял, видел кровь, ел что попало, без соблюдения еврейских традиций, и некогда было ему заниматься молитвами. Какой же он раввин? После возвращения с

войны он обучал у себя дома детей по библии и этим зарабатывал себе средства на пропитание. Я высказал это свое мнение руководству Кубинского района, но ничего из этого не вышло. Видимо, у них были другие мерки. В Баку было репрессировано несколько активистов сионистского движения и, видимо, не без основания.

Я заметил такое явление. Были арестованы Рухулла Ахундов и другие. На следующий день в газете появляется статья профессора Вели Хулуфлу с разоблачением Ахундова как «махрового буржуазного националиста» и самобичеванием, что он, Хулуфлу, вовремя не сумел вскрыть его лицо. Через несколько дней, следующей волной и он сам был изъят. В нашем трехэтажном доме партработников на ул. Свердлова, дом 9, где я жил, многих мужчин уже не было на воле. Остальные же не знали, что с ними может быть завтра. К концу года в этом доме остались всего трое мужчин неарестованных, в том числе и я.

В это страшное, суматошное время на меня поступило в центральные органы несколько заявлений.

Конечно, газета «колола» глаза многим. Издание нашей периодической газеты на горско-еврейском языке было крупным политическим событием, а для самого этого маленького народа — историческим. Никогда горские евреи за все время существования не имели на своем родном языке свою такую массовую газету, никогда на их языке не издавалась литература. Поэтому интерес самой массы горских евреев к своей газете был очень большой. Никто из них, как мне кажется, не оставался равнодушным. Читали газету коллективно, также коллективно обсуждали, высказывали свое мнение, спорили, аргументировали. Таким образом, газета будила мысль, влияла на сознание масс, приобщала их к высказываниям основоположников марксизма-ленинизма, разъясняла на их родном языке политику большевистской партии и мобилизовала их на выполнение предстоящих практических задач. Своими статьями, публикациями газета будила классовое самосознание трудящихся, призывала их к продолжению сознательной классовой борьбы, воспитывала их в интернациональном духе. Газета не только призывала, но и практически помогала в деле укрепления колхозного строительства, разоблачала купцов, спекулянтов, ростовщиков, которые все еще вели паразитический образ жизни. Все эти разоблаче-

ния имели свой резонанс в массе, классовая борьба была заострена, люди стали понимать, где друг, а где враг. Но враг и его агентура тоже действовал и не могли не действовать, по-своему, и очень часто через агентуру, используя для этого и недовольных. Все их различные махинации были направлены против штаба – редакции газеты.

Первое заявление поступило на меня лично. Будто бы я происхожу из семьи помещиков и якобы мой отец был кулаком, был лишен избирательных прав, имел батраков, махорочную фабрику в Кубе, выступал против колхозного строя и т.д. Мне не стоило большого труда доказать ложность этих заявлений⁷². Но тут же появлялись другие заявления, и уже не только на меня лично, но и на других, почти всех сотрудников редакции газеты, на все то дело, которому я отдал столько энергии, времени и жизни. Авторы этих заявлений обвиняли, например, Рахамима Рувинова⁷³ в том, что он был раввином, Шаулова – в том, что он сын кулака, Ханухова и Хананьева – в том, что они якобы чуждые элементы и допускают в своих стихах политические ошибки, Зарбаилова – в том, что он друг сиониста Бен-Герария. Даже на Исроила Давыдова, который в это время учился в Москве, писали, что он сын кулака и т.д. Всех нас авторы заявлений называли «монополистами» в татской литературе, «семейкой». Они обвиняли нас в том, что мы якобы сорвали план издания учебников, допускали в газете политические ошибки и т.д. Это уже были иные обвинения, и их необходимо было как следует проверять. ЦК АКП(б) 7 января 1938 года создал комиссию для проверки этих заявлений в составе ответственных редакторов газет «Бакинский рабочий» и «Коммунист» (на армянском языке) тт. Синицына и Баблумяна, и инструктора ЦК Мушаилова. Повторяю,

⁷² Отец рассказывал, что некоторые обвинения вызывали смех. Некоторые обвинения рассматривались в присутствии М.Д. Багирова, и Яков Агарунов призывал его в свидетели. Он сказал: «Вы, товарищ Багиров, сами родом из Кубы и хорошо знаете Красную Слободу. Скажите, Вы когда-нибудь слышали, что в Красной Слободе имеется махорочная фабрика?» На что тот ответил: «Нет, никогда». — М.А.

⁷³ Раби Рахамим на самом деле до революции был раввином и преподавал детям библию. Но после установления советской власти он по призыву правительства перешел служить в светскую школу и за свои заслуги перед родиной был награжден в числе еще других двух раввинов (Зарбаил Шальмиев и Семен Будагов) орденом Ленина. — М.А.

время было серьезное, и недоброжелательные люди рассчитывали ловить рыбу в мутной воде. Мне нужно было не только защищать себя, но и защищать своих сотрудников, которых пытались оклеветать. Но, главное, защищать то дело, которое с таким трудом осуществлялось и которое теперь хотят обесчестить. Признаюсь, мне было очень и очень трудно, все невзгоды этого дела легли на мои плечи.

Мне посчастливилось в том, что в доме моего отца были найдены купчие еще с царских времен, составленные нотариусом после раздела имущества моего деда со своим братьями и раздела имущества моим дедом между его сыновьями, то есть моим отцом и его братьями. Все эти дореволюционные документы, а также документы советского периода мой благородный отец сохранил, может быть, специально для меня, чувствуя, что когда-нибудь на меня нападут и мне придется защищаться. Я легко мог опровергнуть все обвинения о моем якобы «кулацком» происхождении. Мог. Но требовалось много времени, много нервов и больших невзгод, пока доказал давно доказанное. Мешал этому один из членов комиссии Мушаилов Михаил и некоторые другие «мелкие сошки», которые считали, что мне уже пришел конец. Как член комиссии Мушаилов выехал в Кубу, и вместо того, чтобы проверять поступившие заявления, он организовал на меня поток новых заявлений, распространяя всякие сплетни о моем неминуемом аресте. В Кубе он остановился у уголовного элемента, собрал у него недовольных мною людей, состряпал разные «дополнения». А когда на партийном собрании коммунисты выступили в мою защиту, Мушаилов провокационно заявил: «Все равно ничего не выйдет, вопрос о его исключении на 95% решен...»

Об этом я написал Багирову и просил послать в Кубу всех членов комиссии – Синицына и Баблумына. Я должен был защищаться, яростно защищаться, защищаться документально, ибо в это смутное время клеветники могли взять верх. Я был вынужден с фактами обращаться и в ЦК, и в НКВД, и в другие организации и доказать не только свою невиновность, но и виновность этих клеветников.

В Москве уже состоялся январский Пленум ЦК ВКП(б) 1938 года, решением которого осуждались провокационные, антипартийные методы против членов партии, и это решение стало моим оружием против Мушаилова и других, которые пытались создать вокруг меня обстановку политического недоверия.

Я должен был по поводу каждого заявления давать письменные объяснения. Я делал это с добытыми мною убедительными фактами, доказывая нелепость этих заявлений, их клеветнический характер, защищал партийную линию нашей славной газеты. Я писал в ЦК, между прочим, что я «горжусь тем, что классовые враги меня не хвалят, а ругают и преследуют, в противном случае я был бы недостоин звания большевика». Издание партийной газеты на татском языке было смертельным ударом для всех антисоветских элементов из горских евреев, которые до этого еще так крепко не чувствовали на себе ударов большевистской печати. И эти враги хотят мстить.

Поэтому моя защита была активной, наступательной, с многочисленными фактами в руках. Я разоблачал своих противников, их махинации и провокации. Они же использовали против меня всякие нелепые методы. Схватка была яростной, за жизнь, в прямом смысле этого слова. И я выиграл в конце концов эту схватку потому, что я ничем себя не запятнал, не имел никаких личных интересов, все делал в рамках партийного устава на благо Советской Родины.

Наступил период, когда все «за» и «против» были выяснены, и надо было подытожить проверку. В редакции собралось много народа, с которыми члены комиссии хотели обсудить «итоги проверки». Присутствовали не только сотрудники редакции, но и активисты и другие «заинтересованные», в том числе и Мушаилов Петя – бывший красногвардеец, участник гражданской войны. На этом сходе, где «по косточкам» разбирали мою «родословную» и мою деятельность, большинство говорили за меня. Но Мушаилов Михаил все время задавал провокационные вопросы, направленные явно против меня. Тогда уже, не выдержав, встал его брат Мушаилов Петя и с криком: «На кого ты нападаешь? На нашего Яшу, который всю свою молодую жизнь отдает для дела нашей партии ради нас – нацменьшинств!?» — и публично дал ему увесистую пощечину. И вот реакция – люди захлопали, Миша ушел опозоренным пощечиной своего брата. А Петя произнес яркую речь в мою защиту.

По поводу того, чем кончилась проверка этих заявлений, лучше я приведу здесь дословно без сокращений заключение комиссии ЦК партии.

**Секретарю ЦК КП(б) Азербайджана
тов. БАГИРОВУ**

Докладная записка

В результате проверки поступивших в ЦК заявлений на работников редакции газеты «Коммунист» (на татском языке) — Агарунова Якова М., Зарбаилова Бориса М. и других — выставленные в этих заявлениях обвинения не подтвердились.

Отец тов. Агарунова Я.М. (ответ. редактора газеты) – Михаил Яхку вместе с тремя братьями получил в наследство от отца 2½ га земли в селе Мирза-Мамедкенд. Таким образом, имущественное положение его выражалось в 0,7 га сада, огорода и 1 комнаты. Основное его занятие до революции и после революции было садоводство-огородничество. Никто из родителей Агарунова Якова после советизации не был лишен избирательных прав, наоборот, отец его Михаил как трудящийся-общественник выбирался в местные общественные органы. Все трудоспособные члены семьи отца и дяди Агарунова являются колхозниками.

Сам Агарунов Яков с июня 1920 года состоял членом комсомола и с 1928 года состоит членом КП(б) Аз и все время (с перерывом во время учебы) находился на комсомольской и партийной работе. Никаким партвзысканиям не подвергался (см. справки).

Издание татской литературы в Баку началось в 1934 году и с каждым годом получало широкий размах. В 1934 году было выпущено 30,5 п.л.⁷⁴, а в 1935 году – 118,2 п.л., в 1936 г. – 140,7 п.л., в 1937 г. – 203,35 п.л., то есть в 7 раз больше, чем в 1934 году. План издания учебников каждый год выполнялся, а в 1937 г. выполнен даже на 125%. Затраты на татскую литературу были: в 1934 году – 19 тысяч рублей, в 1935 году – 107 тыс. рублей, в 1936 году – 98 тыс. рублей, в 1937 г. – 143 тыс. рублей.

⁷⁴ п.л. (сокр.) – печатный лист

Таким образом, в противовес утверждению авторов заявления, налицо ежегодный громадный рост татской литературы.

За время работы Агарунова Я. в «Азернешре» вышли из печати 475 п.л. татской литературы, никакого брака по его вине не было, следовательно, никаких убытков по его вине «Азернешр» не понес.

Заявления Бирарова Я. и Агарунова С. о якобы срыве плана татской литературы и т.д. вызваны тем, что их произведения, антихудожественные и националистические, не были допущены Агаруновым к изданию.

Не подтвердилось также и то, что якобы тов. Зарбаилов Борис (ныне зам. редактора газеты «Коммунист» (татский)) защищал сиониста Бен-Герария. Наоборот, тов. Зарбаилов вместе с коллективом редакции был разоблачителем контрреволюционных действий Бен-Герария, о чем имеется решение Октябрьского райкома партии.

Никаких крупных политических ошибок в стихотворениях, приведенных в этих заявлениях, нет, хотя эти стихи с художественной и литературной точки зрения слабы. Что касается социального положения авторов этих стихов – литработников редакции тов. Ханукова⁷⁵ И. и Хананяева И. установлено следующее:

Отец Ханукова, дед его и братья все были жестянщиками. Тов. Хануков был осужден за растрату в 1931 году и вскоре был амнистирован, чего он не скрывал во время поступления на работу. После этого работал три года педагогом, все время был на советской работе. Молодой растущий поэт, член союза советских писателей.

Тов. Хануков на страницах печати был разоблачителем националистических действий Бирарова – автора заявлений.

Хананяев И. – сын красного партизана, убитого в 1918 году шихлярскими беками. Молодой растущий поэт. Вырос на практической работе в редакции.

Таким образом, заявления Бирарова Я.Ю. и Агарунова С. на работников редакции газеты «Коммунист» (татский) Агарунова Я.М. и Зарбаилова Б.М. и других по существу являются клеветническими. Автор одного из заявлений – Бираров Я.Ю. является бывшим

⁷⁵ В данном документе фамилия Исаака Ханухова представлена как «Хануков», да и в дальнейшем - в период работы этого талантливого литератора в газете «Бакинский рабочий» – он публиковался под этой фамилией «Хануков». — М.А.

купцом – владельцем торгового магазина, членом сионистской партии, активным деятелем сионистско-мусаватской газеты, разоблаченным на страницах газеты «Коммунист» (татский). Отец его Ю. Бираров, бывший крупный купец-эксплуататор, член контрреволюционного национального комитета в Кубе в 1917–1918 годах.

В результате проверки выяснилось, что сионистские и другие обиженные газетой элементы, провокационно собирая доносы, пытаются оклеветать коллектив редакции, тем самым отвести от себя удар и притупить бдительность газеты.

Газета «Коммунист» (на татарском языке) за эти три года провела большую работу по разоблачению контрреволюционных элементов: сионистов, раввинов, купцов и т.д. Газета также немало влияла на развитие татарской литературы и выращивание литработников.

Вместе с тем в работе редакции имеется также много недостатков. Все еще недостаточна связь с рабселькоровской массой, слабо поставлена массовая работа, нет достаточной борьбы за действенность рабселькоровских материалов. Язык газеты еще не удовлетворяет полностью читателей.

Члены комиссии: Подписи»

Из этой докладной в ЦК видно, какие обвинения в основном и главным образом выдвигались против нас и как они лопнули как клеветнические. Все это стоило много времени, бессонных ночей.

Мушаилов Миша, бывший слесарь, был выдвинут мною на должность платного секретаря партячейки в Красной Слободе, когда мне удалось учредить эту должность. Я имел ввиду, что он — рабочий парень из Баку, по национальности горский еврей, сумеет в Красной Слободе во главе местных коммунистов вести классовую борьбу и укрепить парторганизацию. Так он вначале и вел себя. У него не хватало образования, и мы послали его на учебу в партийную школу. После окончания партшколы в Баку я его рекомендовал инструктором ЦК АКП(б). Вот он и решил отплатить мне подлостью. Но это не все. В 1952 году, когда меня обвиняли в «сокрытии своей национальности», то есть в том, что я, будучи горским евреем, называл себя татом (об этом нелепом обвинении я подробно рассказывал в части I на с. 51), из архива была вытащена папка с этими заявлениями 1937 года и с этими обвинениями. И, к

моему изумлению, в этой папке не оказалось заключения комиссии ЦК о том, что все эти обвинения оказались в результате проверки клеветническими. Оказалось, что этот самый Мушаилов все, что было против меня, собрал в одну папку, а заключение комиссии уничтожил и тем самым пытался поставить меня под новый удар. Меня спасла моя предусмотрительность. Один экземпляр этого заключения комиссии ЦК с 1938 года хранился в моем домашнем архиве. Я еще не раз встречу с подлостями тех, которых я считал близкими и выдвигал их.

Все эти козни, хотя и отнимали у нас много времени и энергии и частично не могли не отразиться на нашей работе, все они в конце концов отпали, и мы решили одну проблему за другой. Перед нами, исходя из практики, встала и такая основополагающая проблема. За эти четыре года мы издали все нужные учебники на татском языке для начальной школы, и дети учатся в начальных школах на родном языке. Но при переходе в пятый класс русской школы, естественно, они проявляют некоторую отсталость по сравнению с теми, кто учился в начальной школе на русском языке. Начали роптать и родители этих детей. Как быть? Прибавить в начальной школе для детей горских евреев еще один год, но уже на русском языке, и тем самым готовить их для русских школ? Или, может быть, продолжать учебу до конца, то есть до вуза, на родном татском языке и выпускать учебники для всех этих классов? В силах ли мы перевести все учебники средней школы на татский язык, как быть с терминологией для всех этих предметов?

Допустим, преодолели мы и эту трудную преграду. А сумеют ли дети горских евреев после окончания такой средней школы и, поступая в вуз, быть на одном уровне с теми детьми, которые окончили среднюю школу на русском языке? Не появится ли опять та самая проблема – отсталость? Или, может быть, и ВУЗы создавать на родном татском языке? А сколько наберется студентов для такого ВУЗа из среды такого малочисленного народа?

Все эти вопросы дискуссировались, имели своих сторонников и противников. Я буду писать о своем мнении.

В нашей стране свыше ста национальностей и народностей, более половины – русские, семнадцать национальностей насчитывают от одного до восьми миллионов человек, остальные малочис-

ленны: от нескольких тысяч человек до сотен тысяч. Нас горских евреев – точного учета нет – в СССР будет 50-60 тыс. человек, и разбросаны мы по территории трех республик – Дагестана, Азербайджана и Северного Кавказа. Такой маленький народ не осилит задачу перевода всей начальной и средней школы на родной язык, не в состоянии будет обеспечить издание учебной и научной литературы на родном языке, не сможет иметь все эти техникумы и ВУЗы и, самое главное, не сможет укомплектовать кадрами все эти учебные заведения и содержать их: настолько они будут нерентабельными. Русский язык, и объективно, и субъективно, как средство общения, научного и культурного обмена, приобщения к богатствам русской и мировой цивилизации, стал межнациональным, вторым родным языком для каждого советского гражданина. А для нас – еще больше: реальным путем просвещения, способом обогатить в дальнейшем свою национальную культуру. Я предлагал ограничить выпуск учебников для начальной школы, усилить преподавание русского языка, а потом вообще перевести школы на русский язык с первого же класса, а родной язык преподавать как отдельный предмет. При этом для населения предлагались издания периодической газеты, художественной, детской и популярной литературы, например, по медицине, агрономии и т.п. Не скрою, и мое мнение вызвало возражения и споры: как же, мол, отказаться от того, что начато? Нет, говорил, не отказаться, а видоизменить так, как нам показывают опыт и практика, и мы должны не калечить, а готовить полноценные квалифицированные кадры.

Все это были пока споры, мнения, но не решения. Сегодня уже можно убедиться и без спора, что я был прав. А тогда все это выглядело иначе. Нам, то есть всем тем, кто стоял тогда у истоков всего этого, безразлично было, куда и как пойдут пути развития национального языка.

В марте 1938 года меня вызвал в ЦК АКП(б) второй секретарь Чеплаков П.Ф. и предложил, по предложению Багирова, выехать в Москву в редакцию газеты «Правда», и дал мне пакет, в котором, наверное, лежали необходимые документы на меня. В Москве на вокзале меня встретил мой друг Давыдов, которому я предварительно подал телеграмму, и вместе на такси едем в новое здание газеты «Правда». Дело было вечером. Секретарь редакции О.

Ровинский встретил меня очень доброжелательно, сказал мне, что Багиров рекомендует меня спецкором газеты «Правда» по Азербайджанской республике. Он устроил меня в гостиницу, а утром я должен был явиться для оформления. Я долго думал над этим предложением. Во-первых, надо признаться, я не так хорошо владел русским языком, чтобы быть журналистом русской газеты, да еще самого высокого органа в нашей стране – газеты «Правда». Во-вторых, я обязан писать не только положительное, но и отрицательное. А при моем критическом характере отрицательного будет больше, чем положительного. А это – вечное пребывание в конфликте с руководством республики.

И на следующий день т. Ровинский встретил мой отказ с сильным огорчением и просил поговорить с Багировым. Его в Москве уже не было, и я вернулся в Баку. По приезде я ему позвонил в ЦК, и он тут же принял меня. (Хотя тогда секретарей было меньше, все же к ним попасть было гораздо проще, чем сейчас, а тем более – я вернулся только что из Москвы.)

ЦК тогда находился все еще в старом здании против филармонии. «Ну, что, не понравились им?» - этими словами встретил меня Багиров. Я ответил, что они очень хотели бы иметь меня своим спецкором, но я отказался, потому что, хоть я и работаю редактором газеты, но по призванию, по опыту больше являюсь оргпартработником, чем пропагандистом или работником печати. И рассказал, как я работал в Райкомах и в ЦК. Багиров задумался. Может быть, всего этого он не знал или не помнил. Задумался он надолго, я чувствовал, что он в голове рассматривает какие-то варианты, и наконец, сказал: «Хорошо, идите, подумаем, поговорим еще».

В стране проводилась подготовка к первым выборам в Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик. Я был утвержден председателем одной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Азербайджанской ССР по Октябрьскому району и был занят этой работой. В Баку происходили также районные партконференции. Как-то я на своем столе в кабинете редакции увидел приглашение на районную партконференцию Городского района и, к сожалению, не придавал этому значения. Куда только не приглашали нас – редакторов газет и по положению, и из вежливости. Через несколько дней днем я находился в зале Баксовета на совещании пред-

седателей избирательных комиссий, и вдруг ко мне подходит инструктор БК партии и на ухо говорит, что меня вызывает срочно Багиров. Спрашиваю: «Куда?» Отвечает: «Во дворец 26-ти комиссаров». — «Зачем?» — «Не знаю». Я, конечно, иду туда, а там проходит районная партийная конференция Городского района. Я через охрану сообщаю Багирову, который сидел в Президиуме, что я прибыл. От него мне передают, чтобы я вошел в зал. Когда я вошел в зал, а вход был рядом с последними рядами, очень многие из передних рядов повернулись в мою сторону и заинтересованно посмотрели. Я понял, что здесь будет решаться моя дальнейшая судьба, и делегаты конференции об этом успели узнать раньше, чем я.

На следующий день шло выдвижение кандидатур, и секретарь БК партии (Багиров был первым секретарем, таков был порядок тогда: первый секретарь ЦК – он же был и первым секретарем БК) тов. Абрамов Сетрак Карапетович от имени ЦК и БК выдвинул мою кандидатуру в состав райкома, сказав, что тов. Агарунов рекомендуется одним из секретарей райкома. Каким? Я опять не знаю. Я вышел на трибуну, рассказал делегатам свою биографию, во время голосования прошел в состав райкома единогласно. А на следующий день на пленуме был избран первым секретарем (тогда в райкомах было уже три секретаря) Городского районного комитета партии города Баку.

Оказалось, что накануне состоялось решение ЦК и БК о выдвижении меня первым секретарем Городского райкома партии, и об этом решении меня должен был поставить в известность второй секретарь БК партии Катков. Но вечером его самого арестовали, и он не успел мне передать. Такова была тогда обстановка. И по этой причине я ничего не знал, вовремя не явился на конференцию и до пленума РК терялся в догадках, был в недоумении.

Так я расстался со своим детищем – редакцией газеты «Коммунист» на татском языке и издательством татской литературы, с тревогой за их судьбу в будущем. А беспокойство мое было, как потом оказалось, не напрасным. Через четыре-пять месяцев после моего ухода они закрылись^{LIV}.

На мое место ответредактора я не совсем охотно рекомендовал Зарбаилова Бориса, и он был утвержден. Других подходящих кандидатур, к сожалению, в то время не было. А Давыдов учился в

Москве. Семенов Юно, заменявший меня в «Азернешре», был талантливый, способный, исполнительный, но, как говорят, беззубый, не умел отстаивать свое мнение. Зарбаилов же умел спорить и отстаивать, но у него не хватало аргументов, ибо не очень хорошо он знал это дело. Если бы я знал, что из-за нерадивости этих товарищей пропадет такое важное, с трудом организованное дело, я бы не согласился уходить на другую работу. Но было ли дело только в нерадивости этих товарищей? Я сам уже не мог уделять внимание газете и издательству, но Семенов и Зарбаилов посещали меня в РК и советовались со мною. Во время очередного посещения они меня ошарашили известием о том, что и редакция, и издательство закрыты. С возмущением я пошел в ЦК, высказал немало неприятных слов, но, оказалось, что я опоздал: уже было решение вышестоящих организаций о ликвидации не только татского, но и курдского, талышского, лезгинского и других издательств, существовавших на языках нацменьшинств.

Но одно дело – татское издательство и татская газета, другое дело – курдские и другие, потому что и курды, и талыши, и лезгины еще до революции приобщились к азербайджанскому языку и литературе и имели вместе с ним одну письменность. А горские евреи были бесписьменным народом, не имели своих школ и, вообще, даже грамматики своего языка. И впервые, благодаря Советской власти, они приобрели письменность, газету и издательство. И все это одним махом ликвидируется и тем самым возвращается к дореволюционному времени? Можно было ограничить издание учебников или вообще приостановить. Но газету на татском языке, но художественные, детские, санитарные и др. произведения надо было бы продолжать издавать. Эти мои веские доводы теперь уже никому не нужны были. Так завершилась начатая мною славная эпопея тем, чтобы больше никогда не возобновляться. Как жаль!

Мне оставалось достойно трудоустроить моих бывших сотрудников. Семенова Юно устроил в отдел пропаганды ЦК партии. Потом через некоторое время по настоянию жены он уехал в Дербент, не нашел применения своим способностям и, кажется, вскоре скончался.

Зарбаилова Бориса устроил инструктором в Орготдел ЦК партии, откуда и открылся ему путь к большой партийной работе. Ханухова и Хананьева устроил литературными работниками в газету

«Бакинский Рабочий». Ханухов до конца пятидесятых годов работал спецкором, а Хананьев, к сожалению, спился и стал бродяжничать. Шаулов уехал в Кубу, а Рувинов стал преподавателем в школах Баку. Внештатные сотрудники продолжали работать на прежних местах. Куда делись имущество и архив – я не знаю⁷⁶.

Долго я печалился, но уже абсолютно ни к чему. Все это произошло в августе-сентябре 1938 года.

20 мая 1938 года я, как сказано выше, был избран первым секретарем Городского райкома партии. К этой работе я был уже подготовлен: имел десятилетний стаж партработы, два года работал в аппарате ЦК, присматривался к работе секретарей райкомов, изучал их опыт, а также ошибки и недостатки, иногда исправлял их, был участником президиумов, пленумов и других заседаний ЦК партии. Одним словом, приобрел необходимые навыки. Но одно дело – наблюдать, другое – самому руководить райкомом, да еще и самым большим по количеству коммунистов в городе Баку. Время к тому же продолжало оставаться все еще напряженным. Вдобавок после окончания проверки партийных документов, в результате которой были исключены из партии многие, сейчас начался второй и последний этап – обмен партдокументов. Это отнимало очень много времени. Хорошо, что тогда работали днем и ночью, и для меня не существовали выходные дни. В районе было около двухсот партийных ячеек. Если бы я посещал в неделю одну партячейку, и то надо было бы несколько лет. В Городском районе (райком партии помещался в здании дворца 26 комиссаров по улице Хагани) были сосредоточены АМИ, АПИ и другие важные учебные заведения, театры: русская опера, азербайджанская опера, русский и армянский драматические театры, Союз писателей и другие творческие организации, некоторые наркоматы, в том числе Наркомат внутренних дел, многие учреждения, а также небольшие фабрики и заводы и т.д. Очень много времени у меня отнимало разбирательство различных интриг среди актеров. Нет надобности писать о работе Райкома, да

⁷⁶ В личном архиве Якова Агарунов сохранены все номера газеты «Коммунист» на языке горских евреев, но только до середины мая 1938 года, то есть до того дня пока он оставался ответственным редактором этой газеты. С остальными номерами (последний номер этой газеты вышел в сентябре 1938 года) я ознакомился в газетном архиве Российской государственной библиотеки в Москве. – *М.А.*

это и невозможно. Я пишу только о том, что память сберегла из всего поучительного.

В стране проходили первые выборы в Верховный совет СССР и в Верховный Совет республики по новой конституции. Советский народ превратил эти выборы в настоящий большой праздник всего народа. И подготовка к выборам, и сами выборы были торжественно отмечены как великая победа. На всех избирательных участках выдвижения кандидатов шли на высоком политическом уровне при огромном посещении избирателей. Кандидатам дарили цветы и, главное, свое одобрение и восхищение. В такой же обстановке и я был избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР первого созыва.

В том году, после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и доклада тов. Сталина, волна арестов уже спала, даже некоторые были освобождены как неправильно репрессированные. Но все же имелись отдельные случаи арестов. Народным комиссаром внутренних дел работал тогда Михайлов-Раевский, коммунист с дореволюционным стажем, прибывший в Баку, кажется, с Украины. Он был очень скромным, несмотря на свой пост и партстаж. Он был членом нашего райкома. Помню, на первом пленуме РК, где я был избран первым секретарем, он пришел раньше всех, сидел до конца, без кичливости и без выделения своей особы. Так и на все другие пленумы и совещания, созываемые мною, он всегда являлся вовремя, не ссылаясь на свою занятость. И вдруг летом 1938 года он был арестован как враг народа. Секретарем парткома НКВД тогда работал Петин, он был членом бюро нашего райкома и старого состава. Через несколько дней после ареста Михайлова-Раевского этот Петин принес мне в РК характеристику на него, утвержденную парткомом НКВД, с тем чтобы на бюро нашего райкома партии мы рассмотрели ее и утвердили. Конечно, она была составлена только из одних отрицательных слов. Михайлов-Раевский, которого вчера хвалили при выборе в Верховный Совет, бичевался как враг народа и т.д. Я потребовал документы, на основании которых составлена данная характеристика. Петин недовольным тоном спрашивает: «Вы органам не верите?» Под термином «орган» мы все понимали другое – Высший орган нашей партии – съезд, Верховный орган СССР. А здесь Петин под органом понимал карательные органы, НКВД и другие.

После я от многих слышал этот термин в применении к НКВД, что является, на мой взгляд, неправильным.

Я ему стал объяснять, что дело не в этом, а в том, что я и бюро РК должны знать, в чем обвиняется и на основании каких документов тот или иной товарищ, прежде чем давать характеристику. «Это секрет». Тогда я говорю, что я могу как первый секретарь РК заверить Вашу подпись как секретаря парткома, а утверждать на бюро РК слепо, не видя первичные документы, не могу. Слово за слово, спор принял серьезный характер. Видимо, я стал показывать характер, а он пытался сломить меня. Я с удивлением спрашиваю, почему в РК не нахожу протоколов Вашей партийной организации (поскольку невозможно было посещать все партячейки, я старался, читая протоколы, узнать, чем они дышат, а инструкторы обязаны были всё и аккуратно читать). «А мы же Вам их не посылаем и никогда не посылали», - отвечает Петин. Я говорю: «Не мне, а райкому. Первичные парторганизации работают под руководством райкома, и протоколы обязательно должны быть присланы в РК». — «Мы решаем секретные, оперативные вопросы, и мы не вправе выносить их из здания». — «Не всегда вы решаете оперативные вопросы, а в таких случаях вы могли бы записать «см. особую папку». Или же можно сделать так: если вы сомневаетесь в ком-либо, приносите сами протоколы собрания, мы, секретари, прочтем, и вы возьмете их обратно». — «Никогда этого не делали и делать не будем». Спор принял резкий характер. Тогда я спрашиваю: «Когда у вас будет собрание, я хочу присутствовать». Петин — в ответ: «А зачем Вам это надо? Незачем. Не могут же наши коммунисты в присутствии посторонних говорить о своих оперативных делах». Я резко сказал, что я не посторонний, а первый секретарь РК, которому подчиняется и ваша парторганизация. Были и другие резкие слова, сейчас их не помню. Петин, сильно обидевшись, резко встал и ушел.

Я тут же хотел по правительственному телефону доложить Багирову или пойти к нему. Но воздержался. Я понял, что Петин немедленно доложит о нашем споре руководству НКВД, а те сейчас же побегут к Багирову и обжалуют мои слова так, как это им выгодно. А как будет реагировать Багиров? Может быть, я все-таки неправ? Может быть, все эти так называемые органы вне контроля партийных организаций? Тревожное сомнение охватило меня, и

весь день я ожидал чего-то. Второй день тоже прошел в ожидании чего-то неприятного. И опять нет ничего. А неизвестность мучает. На третий день заходит ко мне сам Петин с холодной улыбкой и говорит: «Ну, как, тов. Агарунов, не будете утверждать на бюро эту злополучную характеристику?». — «Я же Вам объяснил!» — ответил я. «Ну, ладно, давайте заверяйте мою подпись», — сказал он. Я понял, что я победил. Я взял характеристику, заверил его подпись и сказал: «Это другое дело». И Петин ушел. У меня не было сомнения в том, что весь этот спор, и, может быть, даже в неприглядном для меня свете, передан Багирову, да и по виду Петина можно было полагать, что я был в споре прав. Но так ли это, в какой мере – все это можно было узнать через ЦК. Я уже более не тревожился, не волновался, а ждал.

Через несколько дней мне звонит из ЦК Чеплаков и говорит: – сегодня вечером быть мне на партийном собрании НКВД, там будет Багиров. Это уже многое значит. В указанное время я пошел туда, впервые – в здание НКВД. Я показал билет ЦК, меня пропустили, со мной кто-то шел, и я вошел в хорошо освещенный зал. Коммунистов здесь было очень много – около 70-80, все стояли в ожидании. И когда через несколько минут Багиров вошел, все стали по стойке смирно, и после жеста Багирова все сели. Был доклад о чем-то, не помню. Потом выступления. Я сидел в президиуме рядом с Багировым. И мы не обмолвились все это время ни словом. Дали слово Багирову. Он выступил, говорил о многом. В конце рассказал уже своими словами о моем споре с Петиным, что он сегодня специально пришел на это собрание, чтобы подтвердить, что в этом споре прав Агарунов, а не Петин, и привел свои доводы с хорошей, четкой аргументацией. «Сегодня вы не будете подчиняться Райкому, а завтра, может быть, и ЦК и так выйдете из-под партийного контроля. Для вашей организации нет исключения в Уставе партии. А что касается ваших чисто оперативных дел, мы не хотим о них знать. Но как ведут себя коммунисты в этих делах, мы должны знать и иметь свое суждение о них». За точность слов не ручаюсь, дело было 30 лет назад, но смысл был таков. Вышли из здания мы вместе, опять никакого разговора между нами не было, и только, когда он сел в машину, попрощался и победным тоном сказал: «Вот так!» Потом мне говорили, что он об этом поучительном примере говорил и на узких совещаниях у себя в кабинете.

Помню дело о приеме в партию тогда уже известного, прославленного, талантливого поэта Самеда Вургун (Векилова). Помещение Союза писателей находилось рядом с помещением райкома партии, и секретарь партийной ячейки Али Велиев (тоже писатель) часто захаживал ко мне с информацией и за советом. В очередной раз он мне говорит, что Самед Вургун подал заявление о приеме в партию, но он сильно пьет, и выразил сомнение, принять ли его. Я ему ответил, что я очень уважаю поэта Самеда, его талант, с удовольствием читаю его, но если он пьянствует, то лучше не торопиться с приемом в партию, а предупредить его. Так и случилось. На следующий день мне звонит секретарь ЦК партии по пропаганде Гасан Гасанов: «Агарунов, что ты делаешь? Говорят, ты отказал в приеме в партию прославленному азербайджанскому поэту Самеду». Пришлось объяснить ему (да и разъяснить), что не я отказал, а коммунисты объясняют свое воздержание тем, что он пьянствует, и, по-моему, они поступили правильно, и товарищеское предупреждение поможет ему. Гасанов, конечно, передал все это Багирову с выражением своего недовольства мною, ибо на очередном заседании бюро ЦК Багиров, поворотом головы обращаясь ко мне, сказал: «Гасанов жалуется на Вас, что Вы отказали в приеме в партию Самеду Вургуну. В чем дело?» Я в том же духе, как говорил выше, сказал свое мнение, что поэтический талант не является единственным критерием для приема в партию, и партия большевиков – не Союз писателей. Лично я его очень уважаю, с удовольствием читаю его на азербайджанском языке, но пьянство может наносить в первую очередь вред его поэтическому таланту, и товарищи правильно сделали, что пока воздержались.

Тогда Багиров со снисходительной улыбкой, обращаясь к Гасанову, сказал: «Он прав, лучше будет, если ты вызовешь его и предупредишь, пусть бросит выпивку». Через небольшой отрезок времени он, конечно, был принят своей ячейкой в партию, и когда мы на бюро в присутствии самого Самеда рассмотрели и утвердили его прием в партию, я объяснил все и еще раз предупредил его, чтобы он бросил ради его же высокого таланта, которым мы все восхищаемся. Он признательно сказал, что это обязательно учтет. Как жаль, что этот высокоодаренный поэт не учел замечаний райкома и своих близких друзей и так рано трагически в расцвете сил скончался. Весь азербайджанский

народ и все поклонники его таланта оплакивали его смерть^{LV}.

На меня произвел большое впечатление высокообразованный человек большой души, крупный композитор и в то же время скромный Узеир Гаджибеков. После успешно прошедшей в Москве декады Азербайджанского искусства и первой постановки оперы «Кер оглы» Гаджибекову Узеиру было присвоено звание народного артиста СССР, и он был принят ЦК ВКП(б) членом партии, минуя кандидатский стаж и обычную процедуру. Такое исключение допускалось очень и очень редко. Этим актом были подчеркнуты уже в самой высшей инстанции исключительные заслуги Гаджибекова перед страной. Но партбилет ему должен был выдавать я, как секретарь райкома партии, на территории которого он работает (оперный театр). И вот наступил день, когда я мог пригласить его в Райком для вручения ему партбилета. Вот он сидит в моем кабинете, как бы стесняясь своего высокого положения, я подписал партийный билет, приложил печать и встал, как положено, для вручения билета. Он также тут же встал, как по команде «смирно»: руки по швам. Я, передавая ему билет, пожелал ему здоровья и еще больших успехов. Он, получая билет, старомодно два раза поклонился и чуть взволновано сказал: «Я приложу усилия, чтобы оправдать это очень для меня высокое доверие». Он сдержал свое слово^{LVI}.

Вспоминаю и такое дело. Летом 1938 года Чеплаков Петр Федорович вызвал к себе в ЦК меня, первого секретаря Ленинского райкома партии Али Гейдара Гаджиева, первого секретаря Ворошиловского райкома партии Акопова Ашота и первого секретаря Октябрьского райкома Кафарзаде Султана (потом он стал секретарем ЦК КП Азербайджана) и предложил нам по одной квартире с обстановкой, в которых ранее жили ныне осужденные враги народа. Мне была предложена квартира в центре города на проспекте Кирова, угол Щорса, рядом с маленьким садом в старом архитектурно красивом двухэтажном доме (там потом сделали надстройку, и дом стал четырехэтажным). Квартира состояла из трех очень просторных, светлых комнат с высоким, по-старому, потолком. Но самым изумительным была обстановка этой квартиры: мебель из красного дерева с бархатом жгуче-красного цвета, добротное зеркало, часы и др. Ничего подобного я до этого и, скажу прямо, после этого не видел. В то время я жил в двухкомнатной квартире на первом этаже с

весьма скудной обстановкой. От отца мне ничего буквально не осталось, вернее, ничего я у него не просил и не взял, кроме одной-единственной серебряной столовой ложки. Не взял даже все то, что принадлежало моей маме и после ее кончины, конечно, должно было перейти ко мне как к ее единственному сыну, — все это я оставил в доме отца. Более того, все, что я приобрел (мебель), находясь на работе в Кубе, при выезде в Баку оставил отцу. А в Баку я почти два года жил в гостинице и обходился инвентарем гостиницы. Только работая в редакции и зарабатывая на редактировании небольшую сумму, сумел приобрести крайне необходимую мебель. И вдруг на мою долю выпадает такая непредвиденная роскошь.

Естественно, все, что я увидел в этой большой комнате, — это роскошное убранство, может вызвать сильное желание обладать им. Все это было заманчивым. Соблазн был велик. Но миг у меня появилась противоположная мысль: нет. Кто знает, сколько чужого горя испытала эта роскошь, сколько слез несчастных испытывали на себе эти кровати. И я почувствовал, что я не смогу спокойно жить в этой квартире. Я не был суеверным, но знал, что кошмар будет преследовать меня, и моя семья во главе со мною будет чувствовать себя в этой чужой роскоши очень неудобно.

И я отказался от этой квартиры (в отличие от других). После Чеплаков рассказал мне, что, когда он доложил Багирову о моем отказе от этой квартиры, Багиров сказал: «Они все такие». Видимо, он имел в виду мой маленький народ.

Через год я получил четырехкомнатную квартиру в новом доме ЦК на втором этаже и перевез туда свою скудную мебель, именно свою, заработанную своим трудом. На третий этаж этого дома переселился секретарь ЦК Каркарян Гайк, а на четвертый этаж — первый секретарь Нагорно-Карабахского Обкома партии Михаил Манукянц (улица Нижне-бульварная⁷⁷, 648-й квартал).

Из всех первых секретарей райкомов партии города Баку лишь я один был избран членом Бюро Бакинского горкома партии наравне с секретарями этого Горкома. Возможно, что все эти стороны моей деятельности явились основанием для такого выделения.

В 1939 году я был избран делегатом с решающим голосом на

⁷⁷ Сегодня — это улица Бакиханова.

XVIII Съезд нашей партии в Москву. Съезд должен был происходить в марте месяце – в холодное время года. И только за несколько дней до выезда в Москву я спохватился: у меня нет зимнего пальто и нового или приличного зимнего костюма. Тридцатые годы нашей страны еще не были годами обилия, страна вкладывала средства все еще гораздо больше в раздел «А» (производство средств производства), чем в раздел «Б» (производство предметов потребления), ресурсы потребления были очень скудны. Моя семья жила сравнительно неплохо. При карточной системе имелись категории, и я как руководящий партработник имел некоторые преимущества в снабжении. И все же при наличии пяти душ – жена и трое детей – работал я один. А тогда существовал так называемый партмаксимум, то есть заработная плата для нас была ограничена и ее еле хватало на семью, а о сбережениях нечего было и говорить. Поэтому мое поколение, на какой бы большой работе оно ни было, жило весьма скромно. Но, чтобы заказать себе для этого случая зимнее пальто, я мог и пошел в артель «Азиншвей», которая находилась по ул. 28 Апреля (и сейчас там находится), то есть на территории «моего района». Директор «Азиншвея» Гулиев выразил готовность в течение двух суток, которые остались до выезда в Москву, сшить мне добротное пальто («мастер будет работать и ночью»), но тут же ему пришло в голову другое решение: в артели много готового пальто и костюмов. Я мог бы примерить на себя, надеть подходящее, а по возвращении – вернуть. Я так и сделал, хотя было неудобно. Так я поехал на XVIII съезд партии в Москву в чужом пальто и в чужом костюме.

В Москве нас – делегатов – поместили в новую гостиницу «Москва», и тогда же нам в холле этажа впервые показали «первый образец» телевизора советского производства с передачей из Большого театра. Это был прямоугольный ящик высотой выше моего роста (170-200 см). Мы с интересом смотрели на эту диковинку того времени. Если я не ошибаюсь, настоящие телевизоры появились у советских людей только через 10-15 лет. У меня, например, он появился лишь в 1957 году. Нет надобности описывать, какое впечатление произвел на меня кремлевский дворец – Георгиевский зал, Грановитая палата и др. Каждый, кто впервые побывал в этих залах, чувствовал то же, что и я. Большой зал дворца заполнен делегатами

– разношерстными, разных рас, и костюмы – разные. Какие только народы не населяют нашу Великую Родину! В трепетном ожидании мы все смотрим вдаль, в то место, где будет сидеть президиум, куда первым появится Сталин.

Но первым появился Молотов, за ним только Сталин и другие. Гром аплодисментов. Откровенно говоря, слово «гром» для данного случая не совсем подходит. Может, лучше сказать «вихрь» или «ураган», «буря». С большим трудом удается Молотову открыть первое заседание XVIII съезда большевиков. Избирается Президиум съезда, секретариат, мандатная комиссия, принимается повестка дня, регламент. И вот для отчетного доклада ЦК ВКП(б) слово предоставляется Сталину И.В. Он быстрыми шагами подходит к трибуне. Вновь гром или буря аплодисментов всех присутствующих в этом большом зале, в том числе и членов президиума съезда, которые молниеносно и все вместе встали и в общем ликовании, выкрикивая лозунги в честь Сталина, в честь партии и правительства Советского народа, оглушили зал. Сколько раз Сталин жестом и скупой улыбкой, иногда показывая на часы, просил делегатов занять свои места, и каждый раз после такой просьбы жестом еще больше, еще торжественнее и с еще большим энтузиазмом растут ликование и аплодисменты.

Я – свидетель, рядом со мной стояла Лидия Маниава – первый секретарь Кагановичского райкома партии Баку, – и она плакала и смеялась. Это были слезы радости, восхищения и благодарности. Плакали многие, во всяком случае, слезы радости были у всех на лице, даже на лицах мужчин, не исключая и меня. Так продолжалось не менее 15–20 минут. Сталин строго посмотрел на членов президиума, они сели, а зал все еще торжествует. Наконец, все утихло, и Сталину удалось начать свой доклад. Он говорил тихо, медленно, с грузинским акцентом, иногда строго, иногда с сарказмом, иногда с восточной хитростью, приводил в некоторых случаях, и очень удачно, народные пословицы, которые вызывали гром аплодисментов. У меня имеется стенографический отчет этого съезда – первый выпуск. Но никакая стенограмма, даже очень точная, никакой рассказ очевидца не может передать ту атмосферу, которая господствовала на этом съезде. Я видел очень близко всех руководителей нашей партии того периода и фотографировался с ними вместе со всей де-

легацией от Азербайджанской партийной организации.

Всего этого забывать невозможно^{LVII}.

Рукопись второй части «Автобиографии» была завершена в 1978 году.

К О Н Е Ц

Комментарии Михаила Агарунова

^I Существовал тогда такой принцип: при отсутствии официальных документов о дате рождения определялся так называемый биологический возраст, который, конечно, мог отличаться от календарного возраста (хронологического). Это было важно прежде всего с юридической точки зрения, например, для вступления в брак в соответствии с законами страны о возрастном цензе для таких сделок.

В свое время в Азербайджане было принято правительственное решение проводить медицинское освидетельствование жителей Красной Слободы, дабы предотвратить ранние браки. Особенно строго стали придерживаться этого правила медицинского освидетельствования после критической публикации статьи Ю. Ларина «О кубинских невестах» в газете «Правда» (№ 114 от 20 мая 1926 года).

Сам Яков Агарунов рассказывал о себе, что он был очень хилым и болезненным мальчиком и что именно это и сказалось при определении его возраста при медицинском освидетельствовании. Но хорошо известно, что еврейский обряд Бар-Мицвы, то есть официальный религиозный обряд вступления мальчика во взрослую мужскую жизнь при достижении им 13 лет, сопровождаемый возложением Тфилина, он прошел весной 1920 года. Это подтверждается также и тем, что он к тому времени уже имел право участвовать во всех религиозных церемониях наравне со всеми взрослыми мужчинами. Такое сообщение найдено мной в объявлениях газеты «Хед-Харим» («Эхо гор», Баку) за апрель 1920 года.

^{II} Когда я спрашивал у отца, что если бы не советская власть, то он стал бы, наверное, раввином, он ответил на это буквально следующее. «Нам не положено быть раввинами, мы выше них. Мы обязаны восходить на амвон и благословлять людей». Уже после я узнал, что наш род Агаруновых относится к прямым потомкам первосвященника Аарона, т.е. к так называемым коэнам — еврейским жрецам.

^{III} Здесь следует отметить, что очень редки были случаи, когда горско-еврейские мальчики заканчивали полный шестилетний курс религиозной учебы. Обычно такое обучение завершалось за два, иногда за три года лишь получением навыков грамотного с точки

зрения еврейской традиции забоя скота и резания птицы (правила так называемой «шхиты»), и окончившие такой курс слабо знали еврейские науки. В книге Ильи Анисимова «Кавказские еврейгорцы» (1888) подробно описаны оба подобных курса. Лишь по окончании полного шестилетнего курса выдавался «достур» (диплом раввина), конечно, при условии успешного завершения учебы, и Яков Агарунов имел этот «достур». Он хорошо знал иврит и свободно мог писать на этом религиозном языке своего народа. Всю свою жизнь он свято хранил свою религиозную учебную литературу. Его учебник на иврите «Эсрим ве арба» («Невиим», «Пророки») 1903 года издания в прекрасном состоянии хранится у меня дома так же, как и его Тфилин, возложенный на него в 1920 году в день его тринадцатилетия.

^{IV} В горско-еврейской традиции личность человека определялась только названием своего имени и затем и имени отца. Так, мой дед был Мухоил Яхку, то есть Мухоил сын Яхку. Для более полного определения иногда добавлялось и имя деда. В этом случае говорили Мухоил Яхку Агарун (Мухоил сын Яхку Агаруна). Иначе говоря, назывались подряд: свое имя, имя отца, имя деда. При советской власти имя деда стали использовать в качестве фамилии человека. А затем уже фамилия для последующих поколений сохранялась без изменения. Были казусные случаи, когда в одной семье у детей были разные фамилии, например, старший сын имел фамилию по имени деда, а остальные дети, его родные братья и сестры, продолжили фамилию отца (см. также концевую сноску XXXVIII).

^V Яков Михайлович Агарунов указывает здесь место происхождения своих преподавателей в связи с тем, что говоры кубинских и махачкалинских горских евреев значительно отличались по своему диалекту.

^{VI} Примерно такая же история произошла и со мной через 35 лет. Вообще, я заметил, как много сходных событий происходит в жизни разных поколений одного рода. В 1954 году после окончания десятилетки в Баку несколько моих сверстников вместе со мной решили поступать в высшие учебные заведения Москвы. В те времена со-

юзным республикам отводились внеконкурсные места в ведущих ВУЗах страны для особо отличившихся абитуриентов. Конкурс для них проводился внутри республики силами своих преподавателей. Я подал документы для приема в Московский Государственный Университет (документы принимались в здании Совета Министров Азербайджана). Документы были приняты, но через несколько дней они были мне возвращены как представителю «некоренной национальности». Я выехал в Москву и там довольно легко выдержал весьма солидный конкурс. А в Баку моим друзьям, даже медалистам, которые вообще принимались в ВУЗы вне конкурса и обязаны были лишь проходить так называемое собеседование, пришлось выдержать весьма некрасивую конкуренцию с «привилегированными» по своему социальному происхождению абитуриентами. Да и мне, как потом я узнал, было отказано только потому, что выделенного количества мест для поступления в Московский Государственный Университет даже не хватало для тех самых «привилегированных». А принадлежность к некоренной национальности была лишь некрасивой отговоркой. Тем более что еще в 1948 году горские евреи официально постановлением Совета Министров Азербайджана были отнесены к коренному населению республики со всеми вытекающими из этого положения правами.

^{VII} Сейчас может показаться странным тот факт, что трудовой стаж начинался в те первые послереволюционные годы иногда аж с тринадцати лет. На этой почве произошел даже весьма неприятный для меня курьезный случай. После кончины Якова Михайловича Агарунова мне пришлось заниматься оформлением всех необходимых при таких обстоятельствах документов: закрыть пенсионную книжку (Я. Агарунов был пенсионером союзного значения), чтобы сделали перерасчет и прекратили бы выдачу пенсии, и пр. В министерстве социального обеспечения даже не пришлось делать перерасчет, так как он скончался вечером 31 мая, то есть в самом конце месяца. Пожилая женщина – работник министерства – то ли была недовольна тем, что не пришлось даже поработать над документами, то ли вообще была не в настроении, вдруг грубо хмыкнула, увидав, что трудовой стаж Якова Агарунова начинался с тринадцати лет. Я высказал свое возмущение: нельзя же так себя вести в адрес

только что умершего человека, тем более, как оказалось позже, эта работница была из старейших коммунистов и продолжала работать в министерстве лишь в знак уважения к ее возрасту и прошлым заслугам. Я потребовал объяснений. Она выразила сомнение в такой трудовой книжке, и даже не сомнение, а лишь недовольно воскликнула: «Что, выходит, он с тринадцати лет уже работал?» Мне пришлось зайти к министру Лидии Худатовне Расуловой, чтобы высказать ей свое возмущение бестактным поведением ее работников. Министр Расулова хорошо знала отца, по-моему, даже когда-то они работали вместе. Я долго прождал в приемной: видимо, она, зная уже, конечно, о кончине такого известного в республике человека, хотела до приема выяснить, в чем было дело. Она приняла меня, я не успел даже высказать причину моего обращения к ней, как она, выразив соболезнование, вызвала свою другую работницу, поручила ей оформить все документы и принесла извинения, но довольно в тактичной форме, за неуклюжий поступок своей подопечной.

Вообще о странных обстоятельствах, связанных с датой кончины отца, мне хотелось бы сказать особо.

Я уже отмечал где-то, что отец скончался поздно вечером в воскресенье в последний день мая 1992 года. Удивительно, что это (в конце дня) был и последний день Ияра – 29 Ияра (месяц еврейского календаря). Это был также и конец недели.

Яков Агарунов, хотя и родился в 1907 году, но по еврейской традиции мужчиной он считался лишь после возложения на него тфилина, то есть в 13 лет он считается мужчиной, вступившим во взрослую сознательную жизнь. И уже после этого обряда он имеет право участвовать в молитвах, то есть он уже участвует в миньяне.

Итак, Яков Агарунов по еврейской традиции вступает в сознательную жизнь в апреле 1920 года (ему исполнилось в апреле 1920 года ровно 13 лет, и на него в середине апреля возложили тфилин), то есть именно тогда он стал взрослым сознательным человеком. В апреле (28 апреля) 1920 года в Азербайджане была установлена Советская власть.

15 мая 1992 года в Азербайджане происходит государственный переворот, перестала существовать советская власть. Скончался Яков Агарунов 31 мая 1992 года.

То есть он родился и умер с советской властью.

Ему после кончины хотели сделать перерасчет пенсии – оказалось, не надо: он прожил до конца месяца мая. Множество совпадений...

Но вот еще одна примечательная деталь. У евреев надо отмечать седьмой дней после кончины. Но седьмой день попал на Шавуот – святой еврейский праздник дарования Торы. А так как в диаспоре Шавуот отмечают два дня, то седьмой день пришлось отметить на девятый день. Во-первых, у некоторых народов и религий положено отмечать траур на девятый день. Но все время меня мучила мысль: а почему же так случилось, что седьмой день после кончины отца попал на праздник дарования Торы, на праздник Шавуот? Ведь должно же быть этому какое-либо объяснение, обоснование. И вот только теперь понял: да, на самом деле он был святым человеком. Именно в этот день читают в синагогах поминальную молитву Изкор. Эту молитву читают лишь четыре раза в году. Это святая молитва для евреев в память о своих покойниках. И вот в седьмой день кончины отца во всех синагогах читалась молитва Изкор.

Я отношу себя к светским людям, не верю ни в какие приметы. Но всегда ощущал некую святость отца, некоторую силу, которая защищает его. Так, ему удалось выйти живым из всех страшных событий репрессивных 1937-1938 годов и страшного антисемитского 1952 года. Думаю, что действительно коэновская родословная как-то здесь сказывается. Ведь он свято соблюдал основные еврейские обряды, именно те обряды, которые он считал обязательными. Всю жизнь, где бы он ни находился - в Баку ли, в Кубе, в Куйбышеве - всегда при нем были его спутники – тфилин, что ему возложили в первый раз в 1920-м году, и его первый религиозный учебник на иврите 1903 года издания «Эсрим ве арба» («Невиим»).

Эта ценная для нас книга, несмотря на ее почти столетний возраст, прекрасно сохранилась, легко просматривается самый мелкий в ней шрифт (см. фотовкладку). И каждый раз, когда я беру в руки эту семейную нашу реликвию, всегда с сожалением думаю о том, что остальные семейные древние религиозные реликвии, в том числе и свитки священной Торы, так и не удалось сохранить в те тяжелые военные годы, когда нас не было в Азербайджане.

Мне хотелось бы здесь рассказать читателям об одном эпизоде, связанном с этой книгой, о котором мне сообщила моя младшая се-

стра Эльмира Яковлевна (все последние годы жизни отца она провела рядом с ним).

Во время одной из уборок книжного шкафа она обнаружила книгу на иврите «Эсрим ве арба». Шкаф наш был очень высокий, практически до самого потолка. А квартира отца была довольно высокой – 3 метра 40 см. Потому верхние полки она редко убирала: надо был забираться на самую верхнюю ступеньку стремянки, стоявшей всегда у шкафа. И вот на самой верхней полке она обнаружила книгу. Она спросила у отца: «Папа, а что это за книга?» Отец с ласковой улыбкой посмотрел на нее и на книгу и сказал: «О, ты нашла эту мою книгу! Она очень для меня ценная. Ее надо всем вам научиться читать. Я всегда говорил и говорю: Не верьте раввинам, а верьте только такой книге!»

После таких слов отца сестра хотела переложить книгу пониже для удобства дальнейшего пользования. Но отец запротестовал. «Нет, нет, - сказал он. – Тора в синагогах всегда находится на высоте. И это священное писание должно размещаться выше всех остальных книг. Пусть находится на том самом месте наверху!»

Уже будучи взрослым, я убедился в том, что вероятнее всего в Баку не было людей даже среди раввинов более грамотных в религиозных вопросах, чем Яков Агарунов. Шестилетний курс религиозной учебы в раннем детстве при его усердии, конечно, сказался. Но ведь он же всю жизнь работал над разнообразной научной, в том числе и религиозной, литературой. Потому он с некоторым раздражением относился к малограмотным раввинам, что проскальзывало иногда и в его воспоминаниях.

Сам же Яков Михайлович твердо соблюдал обязательные еврейские традиции, даже несмотря на угрозу потери партбилета. Провел обряд обрезания сыну, причем в самые опасные времена (конец 1936 года). В канун, когда надо было совершить обряд возложения на сына Тфилин, собрав всю семью, подробно объяснил эту важную для евреев традицию вступления в совершеннолетие мальчика, подарил мне велосипед – заветную мечту любого подростка и юноши тех времен. Всегда по всем канонам соблюдал еврейский Песах. Причем, будучи человеком абсолютно непьющим, он обязательно выпивал, когда было необходимо, положенные во время пасхального Седера четыре бокала вина (предварительно попросив меня, своего

единственного сына, наполнять ему бокалы – как это и было принято для главы семьи). Рассказывал подробно в каждый пасхальный Седер (я всегда удивлялся, почему он все это вновь рассказывает: ведь в прошлом году он уже об этом нам сообщал) о том, как евреи освобождались из египетского рабства.

Как и было принято в роду коэнов, в его отцовском доме в Еврейской Слободе имелись полные записи нашей родословной, чем Яков Агарунов очень гордился. Я хорошо помню, как он тяжело переживал, обнаружив после приезда из Куйбышева пропажу этих записей и исчезновение двух свитков Торы и других семейных религиозных атрибутов. Голодавшие в годы войны кубинские родственники вынуждены были, по-видимому, продать эти реликвии. Как я уже отметил, хорошо еще, что отец, покидая родительский дом, забрал с собой свои религиозные реликвии – учебник на иврите «Невиим» («Пророки») и свои филактерии («Тфилин»). Потому они и сохранились.

Меня часто спрашивали, как мог сочетать Яков Агарунов эти свои две ипостаси – быть ответственным партийным работником и одновременно глубоко знать и почитать еврейские традиции. Безусловно, эти вопросы обычно задаются либо ради принятого журналистского приема в интервью, либо людьми двух крайних позиций – или крайне религиозными, или крайне атеистически настроенными. Хорошо на этот вопрос ответил поддержавший меня профессор Еврейского университета в Иерусалиме известный исследователь истории горских евреев Мордехай Альтшулер, кстати, сам будучи откровенным противником коммунистической идеологии. Он сказал: «Можно быть евреем и любить свой народ и быть коммунистом. Можно быть коммунистом и преданным своей идее и быть евреем».

Безусловно, Яков Агарунов был до мозга костей коммунистом. Точно так же можно утверждать, что он был до мозга костей евреем.

Я хорошо помню, как свято относился отец к соблюдению правил Дня 9 Ава по еврейскому календарю. Пост 9 Ава у евреев – один из самых серьезных после Йом Кипур. В этот день в VI веке до н.э. в Иерусалиме был разрушен солдатами Навуходоносора Главный храм евреев и началось более чем двухтысячелетнее изгнание еврейского народа. Страшная магия этой даты продолжала и дальше вли-

ять на еврейскую историю. В этот день в 70 г. нашей эры римляне разрушили Второй Иерусалимский храм. 9 Ава 1432 года произошло массовое жестокое изгнание евреев из Испании. 9 Ава было разгромлено восстание в Варшавском гетто и т.д.

Этот скорбный день поста, который у горских евреев называется "Суруни", является у них днем плача по предкам с обязательным посещением могил своих близких. Даже если они находятся вдали от дома, в эти скорбные дни принято возвращаться к местам захоронения умерших родных, чтобы прочесть у могил поминальные молитвы. Моя младшая сестра рассказывала мне, как отец строго наказывал ей перед ее поездкой в Москву в служебную командировку успеть вернуться домой ко дню 9 Ава, чтобы присутствовать на кладбище со всем своим народом и посетить могилу нашей матери. А в один из последующих годов он срочно вызвал ее из отпуска именно с этой целью, и ей пришлось лететь по настоянию отца с двумя пересадками в самолете для исполнения этой обязательной траурной церемонии.

Приведу еще примеры о строгом соблюдении им традиций, принятых в нашем народе.

Известно, что для чтения важных еврейских молитв необходимо присутствие как минимум десяти мужчин (на джуури «dәh mәrd»), или как принято говорить: «необходимо собрать миньян». Однако, миньян необходим не только для чтения важных молитв, но именно миньянами принимались важные решения в общинах, в городах, в которых находится данный миньян. А у горских евреев это вообще соблюдалось очень строго.

Так вот, мой отец дважды собирал миньян у себя в доме.

Первый раз, когда надо было ему решить вопрос его племянника Алика Ягудаева. Алика отец Михаил Ягудаев погиб в последние дни Великой Отечественной войны. И сестра отца, моя тетя Тамара оставалась жить в доме своего отца, а Алика забрала к себе в Дербент его бабушка по отцу (очень властная была женщина). Алика практически вырастила и воспитала его бабушка. Тамара в свое время вышла замуж за инженера еврея-ашкенази и переехала к мужу в Ленинград. И вот, когда Алик стал уже школьником, учился, по-моему, в 6 классе, моя тетя Тамара приехала из Ленинграда навестить сына. Не выдержав тяжести расставания с сыном, она просто выкрала

сына из дома его бабушки, своей свекрови, чтобы отвезти его в Ленинград. Но не поехала в Ленинград, а спряталась у своего брата в Баку, то есть в квартире моего отца. За ней устроили погоню. Группа дербентцев приехала в наш дом с требованием вернуть Алика туда, где он рос, воспитывался и содержался все последние годы. Мог разразиться скандал. Отец не мог самостоятельно решить этот вопрос. Вернее, он решил оформить все по традициям нашего народа. Он собрал Миньян из авторитетных горско-еврейских мужчин, из старейшин Кубы и Дербента в своем доме. Я хорошо помню этот мужской сбор у нас в квартире. После длительного обсуждения ребенок остался у бабушки в Дербенте, чему сам Алик был очень рад. Не могу сказать, что это было правильное решение. Но все были довольны, лишь мать недолго страдала, так как родила в скором времени от нового мужа дочь, и часто навещала Дербент. После переезда Алика в Израиль Тамара довольно часто навещала вместе с дочерью его семью в Хайфе. Да и сам он бывал у нее в Ленинграде. Алик очень внимательно следил за состоянием здоровья матери до самой ее кончины.

Второй подобный случай произошел уже тогда, когда меня не было в Баку, в период моего обучения в Московском Государственном университете.

Я часто писал в своих воспоминаниях, как мне пришлось по поручению отца вести поиски сведений о без вести пропавших на фронтах Второй мировой войны трех двоюродных братьев отца. Они были ему как родные, так как рано потеряв своих родителей, они воспитывались у моего дедушки дома. Все трое ушли на фронт, и на всех трех пришло лишь одно одинаковое сообщение – «пропал без вести». Двое старших были к тому времени уже женаты. Младший ушел на фронт почти мальчишкой, не успев даже занять невесту. А старшие даже не успели обзавестись детьми, когда их застала война. Много лет мы искали какие-либо сведения о них, в том числе и я посетил с этой целью архив Министерства Обороны России, находящийся в Подольске. Вдова одного из братьев впоследствии так и не вышла замуж (Пурим Рабинович). Да и вдовой назвать-то было ее нельзя: официального сообщения о кончине нет. А вторую невестку, по имени Зоов, сосватал молодой человек из наших же, из горских евреев Кубы. Конечно же, дело было непро-

стое. Таких случаев в стране было множество, когда нередко через много лет после войны возвращались все же домой уцелевшие наши воины. Об одном таком случае рассказал мой отец в своей пьесе «Слезы радости» (правда, речь там шла о вдовах времен Первой мировой войны). Судьбу этой несчастной молодой женщины Зоов должен был решать мой отец как глава этой огромной семьи своего отца, моего деда. Ни ЗАГС, ни Министерство обороны так и не предоставили никаких документов. И отец решил, что надо вновь обратиться к общине так, как это было принято нашими общинными обычаями и нашей религией. Он вновь в своем доме собрал приглашенных из Баку и Кубы авторитетных представителей, в том числе и активистов синагог. Миньян разрешил женщине выйти замуж. Зоов прожила с мужем много лет, заимела детей, переехала в свое время в Израиль, где и скончалась в преклонном возрасте, прожив около 96 лет. А Пурим, как уже было отмечено, осталась в мужнином доме. Когда этот дом был продан, то сумму от продажи разделили между детьми Мухоиля и Авраама (то есть: отец, его сводные братья Юмтув и Имонил, и Пурим – вдова сына Авраама).

Таких свидетельств приверженности Якова Агарунова еврейским обычаям и религиозным традициям можно приводить множество. Здесь же я добавлю лишь то, что незадолго до своей кончины отец несколько раз обращался к нам, своим детям, с напоминанием, что ему осталось мало времени. И чтобы ни в коем случае его не хоронили в костюме. Он просил обязательно консультироваться во всем при похоронных обрядах со служителями синагоги, или, в крайнем случае, с его сводным братом Юмтувом. Это был наказ еврея! Уж он-то прекрасно знал все эти обязательные обряды и традиции (см. также концевую сноску XXX).

^{VIII} Эти свои автобиографические воспоминания (I часть) Яков Агарунов написал к своему шестидесятилетию.

^{XI} Яков Агарунов в своей книге «Большая судьба маленького народа» приводит некоторые примеры дикостей тех времен. «Из времен дореволюционной жизни, - пишет он, - нам были известны такие факты, когда главный раввин Слободы вместе с приставом составлял список «харамзаде» (нечестивый, нечестивец, грешный, по-

рочный) - ненадежных граждан, допустивших отступление или нарушение закона божьего. А пристав, в свою очередь, в качестве наказания посылал их на «бигор» (барщина, принудительный труд) или отдавал в солдаты. А грех одного из этих несчастных заключался лишь в том, что он - бедняк - позволил себе в субботний день собирать хворост в своем собственном дворе.

^X В детстве я часто слышал в исполнении моей мамы и ее сестры тети Барьё различные арии из этого великолепного произведения Узеира Гаджибекова на нашем языке. И они всегда при этом не забывали упоминать, что перевод пьесы на наш язык был сделан моим отцом. Мой друг Петр (Хаим) Агарунов долгие годы был директором горско-еврейского театра в Дербенте, на сцене которого в те годы часто ставилась эта музыкальная комедия Узеира Гаджибекова. И Петр Рафаилович практически знал наизусть весь текст перевода на наш язык. Как жаль, что я в свое время не задумывался над тем, чтобы записать с их слов эту творческую работу моего отца. Может быть где-то этот текст и сохранен, но мне, думаю, его уже не найти.

^{XI} Во многих источниках информации, посвящённых жизни и деятельности Якова Михайловича Агарунова, отмечено немалое количество значительных мероприятий в Красной Слободе, осуществленных по его инициативе. О некоторых вспоминает и он сам в этой «Краткой автобиографии». Мне бы хотелось добавить также и сведения о создании по его инициативе в Слободе детского дома для беспризорных. Вот что он пишет об этом в книге своих воспоминаний «Большая судьба маленького народа».

«Беспризорность была тогда в стране страшным бичом. Для борьбы с беспризорностью была создана Всесоюзная комиссия во главе с Феликсом Дзержинским. Я видел ужасные сцены в 1924-1926 гг. в Баку. Баку — южный солнечный город — был полон беспризорными. Их вылавливали и увозили в детские колонии, но каким-то образом их опять становилось очень много на улицах. Они спали в подъездах домов, в котлах и под котлами (там было теплее), играли в карты, в трамваях пели блатные песни, отбивая такт деревянными ложками, и, вызывая жалость, получали копейки.

В Красной Слободе беспризорных тоже было немало, но здесь это были, в основном, дети, родители которых погибли в первой мировой войне, на гражданской войне. А родственники, если и имелись, были не в состоянии прокормить их.

Детский дом в Слободе был создан в июле 1927 года первоначально на 60 детей. Это была интернациональная семья. Кроме уроженцев Слободы — детей горских евреев, здесь воспитывались и дети других национальностей. Среди детдомовцев были и такие, которые в возрасте 9 — 10 и более лет еще не были отданы в школу, так как они были круглыми сиротами, и некому было о них заботиться. Воспитатели детдома и учителя сумели за короткий срок подготовить их так, что за один учебный год они прошли программу двух классов.

Комсомольская ячейка Слободы и пионерский отряд шефствовали над детдомом, помогали в воспитательной работе, организовывали для детдомовцев кружки самодеятельности, выпускали стенную газету.

Помню, в мае 1928 года, после моего возвращения из Москвы, я сидел в клубе в боковой, темноватой комнате на втором этаже с другими товарищами и о чем-то беседовал. В это время ко мне обратился директор детдома Самсон Якубов, вошедший в комнату с 2 - 3 детдомовцами. Они просили меня написать для них песню “не легкую, а солидную”, и тут же Самсон подсказал музыкальный мотив, для которого надо было написать стихи. Самсон, как известно, был певцом, и он, конечно, знал толк в музыке. Я обещал им, нельзя было отказать этим славным людям. И через день песня под названием “Jэтим эз һол хушдэ” (“Сирота о себе”) была готова. Самсон Якубов в той же комнате, пока без аккомпанемента, с удовольствием спел эту песню, ему она очень понравилась. По содержанию песня эта была, как и просили, не “легкой, а солидной”. Ее пели не только детдомовцы, с большим задором ее пел наш Заволун Рабинович с клубной сцены. Эта песня вошла и на татском языке, и в переводе на русский язык в книгу “Таты, их расселение и говоры” Б.Вс.Миллера, который в те годы дважды приезжал к нам в Кубу для изучения татского языка.

За короткий срок в детдоме была создана замечательная комсомольская группа. Комсомольцы-детдомовцы активно участвовали

в общественной жизни Красной Слободы, они принимали участие в выпуске еженедельной стенной газеты. Художником этой газеты позже стал детдомовец Григорий Кучин.

Осенью 1927 года детдом посетил председатель АзЦИКа Самед Ага Агамали-оглы. Он приезжал оказать помощь после постигшего Слободу бедствия — селя. Он помог увеличить бюджет детдома и улучшить его снабжение. Вначале детдом помещался в непригодном арендованном частном доме. А в 1929 году на окраине Слободы на большом пустыре напротив мебельной фабрики было построено новое добротное здание для 150 детей.

За время существования детского дома не было ни одного случая побега детей, а это было в те времена нередким для детских домов явлением. Опыт Краснослободского детдома изучался ЦК ЛКСМ Азербайджана, Наркомпросом и передавался другим детдомам.

В 1930 году детдомовцы Анатолий Абрамов, Асаф Исаков, Алексей Рахимов и Яков Аширов были направлены на учебу в различные учебные заведения Москвы. Анатолий Абрамов успешно окончил пединститут, затем учился в высшей школе комсомольского движения, потом работал в Ташкенте секретарем горкома комсомола. Яков Аширов в 1938 году окончил военное училище им. ВЦИКа, Асаф Исаков окончил Московское артиллерийское училище и т.д.»

^{xii} В архиве Якова Агарунова сохранилось значительные количества пьес и стихотворений, написанных в разные годы. Некоторые из них публиковались на страницах газет и журналов в Баку и в Израиле.

^{xiii} В некоторых научных и публицистических изданиях приводятся не совсем достоверные сведения относительно выпуска в свет первых букварей для горско-еврейских школ и дат проведения конференций и съездов по вопросам развития языка и письменности горских евреев. В одном из своих писем Яков Агарунов восклицал:

“Ну, сколько же можно повторять:

***Впервые** стихотворение на татском языке было опубликовано древнееврейским алфавитом в первой стенной газете в Кубе летом 1920 г. Называлось это стихотворение “Голубь”. Оно было написано мною.*

Самый первый учебник на татском языке древнееврейским алфавитом вышел в свет в Баку в 1922 году. Учебник назывался “Таза школа” (“Новая школа”), и составили его Н. Магарик и И. Хаимович.

Самая первая периодическая газета на татском языке стала издаваться в Дербенте древнееврейским алфавитом с мая 1928 г. Первым редактором этой первой газеты был Асоил Бинаев.

Самый первый съезд культурработников татов был проведен в Москве в сентябре 1927 г.; второй съезд проходил в Баку в апреле 1929 г.; конференция состоялась в Дербенте в августе 1929 г.

Частично татская литература стала выходить на новом алфавите в Москве с 1931 г. Полностью всю татскую литературу: политическую, художественную, детскую, и учебники, и газеты с использованием нового алфавита на основе латиницы начали издавать в Баку с 1934 года...”

^{xiv} В нашем семейном архиве сохранилась полная подшивка газеты «Коммунист» на языке горских евреев за период руководства ею Яковом Агаруновым. Должен сказать, что более нигде я не нашел такого полного собрания этой газеты. Имеется практически полный комплект в Государственной Российской библиотеке в Москве (бывшая библиотека им. Ленина). Но и там не хватает множества номеров. Но именно там мне удалось ознакомиться с тем небольшим количеством номеров, которые были выпущены уже после перехода Якова Михайловича с поста ответственного редактора этой газеты на руководящую партийную работу в Баку. Мнение однозначное: газета стала менее профессиональной, сразу потеряла свою остроту, и, безусловно, интерес к этой газете значительно сократился.

^{xv} Яков Михайлович не указывает в своей автобиографии, с чем были связаны такие крутые перестановки кадров в руководящих органах Бакинской партийной организации. Но он присутствовал на историческом Всесоюзном совещании нефтяников, проведенном Л.М.Кагановичем в Баку 19 февраля 1938 года. Подробно об этих коллизиях вспоминает Н.К.Байбаков в своих книгах «От Сталина до Ельцина» (М., 1998) и «40 лет в правительстве» (М., 1993). По окончании второй пятилетки в 1937 году страна рапортовала о досрочном выполнении плановых заданий. Но в нефтяной

промышленности – полный провал. Вместо 44 миллионов тонн нефти добыча по итогам года составила всего лишь 28,5 миллиона тонн. Баку выполнил план всего лишь на 74,5 процента. Нужны были кардинальные меры, и чтобы разобраться на месте, по совету Сталина в Баку выезжает нарком тяжелой промышленности СССР Лазарь Моисеевич Каганович – «железный нарком». Из всей его многочасовой речи на этом Всесоюзном совещании в Баку явно вытекало: инженерные, профессиональные кадры в Баку есть, необходимы талантливые организаторы. А Яков Михайлович Агарунов обладал незаурядными организаторскими качествами и огромнейшей трудоспособностью. Его выдвигают на пост первого секретаря райкома самого крупного по своим масштабам района города Баку – Городского района, членом бюро которого он состоял как редактор газеты. А затем, когда он был замечен своими качествами руководителя, твердой принципиальностью и смелостью в принимаемых решениях, иногда идущих в разрез с общепринятыми позициями, на него была возложена ответственность за поднятие на новый уровень руководства крупнейшего нефтяного района Баку - Орджоникидзевского, находившегося до него в глубочайшем прорыве.

^{xvi} Сабит Атаевич Оруджев в период написания Я. Агаруновым свих воспоминаний (1967-1968) был первым заместителем министра нефтедобывающей промышленности СССР. Впоследствии создал Министерство газовой промышленности СССР и до конца своей жизни руководил этой перспективной отраслью страны.

Мне неоднократно приходилось встречаться с ним и в быту, и в его министерстве. Их загородная дача в Баку находилась по соседству с нашей, и мы семьями часто общались. Сабит Атаевич никогда не забывал того, как многому он научился работать от Якова Агарунова. В конце 1955 года, когда мой отец приехал в командировку в Москву, а я был студентом МГУ, мы посетили С.А.Оруджева в его кабинете. Отец поздравил его с назначением на такую высокую должность заместителя министра. Он же скромно ответил: «Так это ж Вы дали мне первую путевку в большую жизнь». Тогда же он посоветовал на то, что не может по-настоящему развернуться, так как он не является первым лицом, а только лишь заместителем (министром был Евсеенко М.А.). Кстати, такое же «недовольство» своим поло-

жением он высказывал и позже, будучи уже заместителем у министра Шашина В.Д. Оруджев по комплекции был крупным мужчиной, крепкого телосложения, с неумемной энергией, и эта энергия искала выхода. Он должен был быть первым лицом, и, в конце концов, стал им: в 1972 году ему все же удалось создать для себя «собственное» министерство. Он сумел разделить руководство газовой промышленности от объединенного прежде с нефтяной. Он как бы предчувствовал огромные перспективы этой отрасли – газовой промышленности.

Примерно в 1973 или 1974 году, когда Яков Агарунов оформлял в Москве свои пенсионные вопросы на уровне персонального пенсионера союзного значения, мы вновь посетили Оруджева в его рабочем кабинете. Министерство газовой промышленности размещалось тогда в здании неподалеку от станции метро «Университет». И когда секретарша Оруджева при открытых дверях кабинета доложила ему, что его дожидается Агарунов Яков Михайлович, Оруджев стремительно выбежал из своего кабинета в приемную и во весь свой огромный рост с радостью схватил в охапку Якова Агарунова, даже чуть приподнял его, расцеловал и, обращаясь к секретарше, радостно воскликнул: «Ты знаешь, кто это ко мне пришел? Это мой первый начальник, первый учитель в нефтяном деле». Я был сильно смущен, наблюдая эту сцену: отец был уже пожилым человеком, и ему, конечно, было не до таких «поднятий».

И когда Яков Агарунов уже у него в кабинете сказал ему: «Ну вот, ты наконец стал самостоятельным хозяином», он в ответ опять выразил некое недовольство своим положением. «Ведь кто я теперь? Обыкновенный газовый диспетчер. Вы помните деятельность Бакгаза в Баку? Звонят руководителю Бакгаза: “Слушайте, в Кировском районе Баку очень слабая подача газа! В чем дело?” И вот дается установка диспетчерам: “Ослабьте подачу газа в Ленинский район, а Кировскому добавьте”. Так вот я теперь являюсь Бакгазом страны. Мне звонят: “Опять там-то нет газа!” И я даю команду: “Оттуда уменьшить, а туда добавить!”»

Конечно же, он слегка лукавил. Это был крупный и талантливый руководитель, который и положил начало такому «большому кораблю», каким сегодня является газовый концерн России.

^{xvii} В различных публикациях отмечалось, что именно при работе Якова Агаарунова на посту секретаря Бакинского горкома партии по нефти была достигнута (причем в первом году тяжелой войны с фашистами) рекордная цифра добычи нефти (23,5 млн т) за всю советскую историю нефтяной промышленности Баку. И именно, как будет видно далее, в период его работы на посту секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) по нефтяной промышленности впервые в СССР в июне 1944 года была открыта нефть из девона, что положило начало промышленной разработке невиданных по тому времени запасов нефти во Втором Баку. Куйбышевское нефтяное объединение – единственное в стране, которое в условиях Великой Отечественной войны не снизило добычи нефти, а увеличило ее в пять раз по сравнению с довоенным 1940 годом. А в 1947 году – в девять раз больше. Умение организовать управление, внимание к людям, ощущение времени – все это дало основание его современникам считать Якова Агаарунова незаурядной личностью.

^{xviii} В подтверждение этих слов автора привожу здесь выдержку из приказа Сталина от 15 октября 1941 года

«Сов. секретно
Особой важности

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану.)
2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).
3. Немедля эвакуироваться органам наркомата обороны и наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.
4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берии и т. Щербакову произвести взрыв предприятий,

складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного
Комитета Обороны
И. Сталин».

^{xix} Вот как пишет о мировом значении открытия нефти из Девона в своем предисловии к книге Якова Агарунова «Нефть и Победа» Председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков:

«В книге заслуженно уделено внимание людям и событиям, связанным с открытием впервые в июне 1944 года в Яблоновом овраге Куйбышевской области скважиной № 41 нефтяных девонских отложений. Это историческое для нефтяной промышленности СССР событие подтвердило настойчивые прогнозы академика И.М. Губкина, что дало возможность нашей стране уже через четыре года после разрушительной войны восстановить довоенный уровень добычи нефти. При этом следует сказать, что сам автор книги со свойственным ему энтузиазмом был непосредственным организатором работ на этой скважине - первооткрывателем нефти из девона. Не скрою, что мне было приятно видеть в этих описаниях автора и себя как участника освоения девонской нефти, и могу поручиться, что диалог со мной, бывшим тогда первым заместителем наркома нефтяной промышленности, приведен точно».

^{xx} Здесь мне хотелось бы сообщить о весьма интересном факте. Как-то намного позже, уже после окончания войны, я спросил у отца, а каков размер был этих денежных премий Государственного Комитета Обороны. Он пожал плечами и сказал, что он даже и не знает. Было принято, что лауреаты этих премий писали заявление, что всю денежную сумму этих премий они передают в фонд обороны. Не знаю, так поступал только лишь мой отец, или же это было незаконной общепринятой практикой.

^{xxi} 7 апреля 1942 И.В. Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны №1563 о строительстве газопровода «Бугуруслан — Куйбышев», и 15 сентября 1943 года первый в

СССР магистральный газопровод, протяженностью 160 км и мощностью 220 млн куб. м газа в год был сдан в эксплуатацию. Это знаменательное событие стало первым этапом создания грандиозной единой системы газоснабжения нашей страны.

Осенью 1993 года по просьбе Н.К. Байбакова я присутствовал на торжествах в Самаре (бывший город Куйбышев) по поводу 50-летнего юбилея строительства в СССР первого дальнего газопровода. Торжества проходили в любимом мной великолепном здании Самарского драматического театра. Там же во время моего приветствия со сцены театра я подарил руководству газового объединения книгу воспоминаний Якова Агарунова «Нефть и Победа», где подробнейшим образом описываются все драматические события в истории нефтяной и газовой промышленности Второго Баку военных лет. Там же приведены имена героев куйбышевской нефти, как бакинцев, так и коренных жителей Самары. Особенно подробно приведены события, связанные с открытием впервые в стране девонской нефти в июне 1944 года. Я с волнением вспоминаю это торжественное мероприятие, как под аплодисменты зала вручал эту книгу отцу и руководству области, и редакции газеты «Волжская Коммуна», с которой тесно сотрудничал Яков Агарунов. Как-нибудь впоследствии опишу, какие замечательные отзывы об отце я получал тогда от ветеранов Куйбышева, сколько потомков тех самых нефтяников военных лет, в том числе и из горских евреев, подходило ко мне, чтобы познакомиться с сыном Якова Михайловича Агарунова.

xxii В 2009 году в Самаре была опубликована монография Ольги Викторовны Рассохиной «Топливо Поволжья. 1941-1945. Экономическое развитие региона в экстремальных условиях». Мне было очень приятно узнать, что и через почти 70 лет там помнят Якова Михайловича Агарунова. В книге размещена и фотография Якова Агарунова, и подробная информация о его деятельности. Я разыскал автора и направил ей книгу отца «Нефть и Победа». В своем ответе Ольга Викторовна написала: «Здесь хорошо помнят Я. Агарунова. Огромное спасибо за книгу Вашего отца, жаль, что я ее не прочла раньше, это просто кладезь информации, именно той, которая мне интересна - о людях. Я, женщина далекая от техники, поэтому старалась не писать о том, чего не знаю. А мне интересен был именно

этот аспект. Буду благодарна за любые дополнительные материалы о том периоде и надеюсь получить от Вас Вашу новую книгу об отце».

^{XXIII} Когда я занимался поиском архивных материалов для подготовки этих воспоминаний отца к публикации, обратил внимание на подтверждение и другими людьми, знавшими хорошо Фрола Романовича Козлова, этой его характеристики со стороны Я.М. Агарунова.

^{XXIV} Безусловно, были и другие веские причины, которые побуждали Якова Агарунова выехать из Куйбышева и вновь вернуться в Баку. И эти причины были связаны с неблагоприятными действиями некоторых ближайших родственников в эти военные годы. К нам очень часто и очень много приезжали близкие и дальние родственники из Азербайджана. А путь из Баку до Куйбышева был нелегким: трое суток морским пароходом по Каспию от Баку до Астрахани и затем еще трое суток после пересадки на речной транспорт по Волге до Куйбышева. Мы всегда были очень рады встречам с нашими земляками. Даже находясь в Куйбышеве, вдали от родных мест, Яков Михайлович всегда считал своей обязанностью помогать им и старался, используя свое положение, содействовать удовлетворению их просьб.

Но, видимо, кому-то из них было не по душе такое высокое восхождение отца.

Яков Агарунов сам писал, что он легко бы справился с проблемами, связанными с неблагоприятными действиями работников министерства в области заниженного планирования. Ведь он пользовался непререкаемым авторитетом как среди партийного аппарата, так и среди нефтяников Куйбышевской области. Свидетельством этому - огромное количество писем от его сотрудников, коллег по работе, простых нефтяников. Да и я сам, уже после кончины отца, собирая материалы о его жизни, получал удивительные по своей благожелательности и восторженности отзывы о нем как о необыкновенной и незаурядной личности.

Я вспоминаю один эпизод. Бывший первый секретарь Куйбышевского обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, когда я поздравлял его в 1981 году с высокой правительственной наградой, узнав, кто с ним говорит, высказался так: «У нас в партийном обкоме Куйбышева был молодой, слаженный коллектив. Замечательно и ин-

тересно шла работа. И самым молодым был Ваш отец, всеобщий любимец, прекрасный человек. Когда я вспоминаю те годы, думаю, с какими интересными людьми пришлось мне работать. И особое место среди них занимает Яков Михайлович Агарунов».

Приведу ниже некоторые записи отца из его архива.

«Первая причина отъезда не могла быть непреодолимой, в Куйбышеве были неплохие врачи, и они могли вылечить любого члена семьи не хуже, чем в Баку. Непреодолимой не являлась и вторая причина (заниженные планы). Наоборот, я знаю свой характер, я очень хотел бы оставаться в Куйбышеве и делом доказать свою правоту. Значит, была другая причина непреодолимости, не зависящая от меня. В Куйбышеве я был тогда в ореоле своей славы, успех и популярность сопровождали меня на каждом шагу. Без ложной скромности скажу: среди всех партработников отрасли, работавших в области нефти, я был тогда самым популярным. В Государственный Комитет Обороны по вопросам нефти меня приглашали наравне с первыми секретарями обкомов. Мне в ЦК предлагали должность Первого секретаря Красноводского обкома – я отказался, намекали на должность Второго секретаря Дагестанского обкома, секретаря Грозненского обкома – я не давал согласия. Я хотел оставаться в Куйбышеве – на нефтяной целине и довести дело до конца. Ведь за разведку Девона, за разведки на территории Татарской Республики я получал денежные премии ГКО.

Когда я был награжден орденом Ленина, я получал десятки телеграмм и поздравительных писем, в том числе много от фронтовиков – горских евреев, которых я вовсе не знал, только по фамилиям мог судить, кто они такие. Видимо, им импонировали мои успехи. Я радовался этому больше, чем своим успехам, ибо, как писал один из них, я возвысил собой отсталый в прошлом мой народ. Действительно, я своим трудом, выходец из среды отсталого, маленького народа, достиг такой небывалой высоты. Я единственный из среды этого народа, кто сумел подняться на такую высокую партийную лестницу только благодаря своим качествам, а не благодаря знатным родителям. А на вечере, устроенном нефтяникам (присутствовал второй секретарь Обкома Кислин) в связи с награждением, первый тост был поднят за Сталина, а второй тост – за Якова Михайловича. Мне было очень неловко, и чтобы затушевать свою неловкость, я

сказал: “Выпьем еще раз за Сталина”. Тогда все поднялись и хором скандировали: “За Сталина и за Якова Михайловича”. Вот так чтили меня нефтяники. А моя зажигательная речь на совещании нефтяников в присутствии Ф.Р.Козлова! Даже он не удержался и стал восхвалять меня. Разве захотелось бы мне уезжать из Куйбышева?»

Яков Михайлович Агарунов написал и издал в конце 1991 года удивительную по своей эмоциональности и документальности книгу свои воспоминаний о героических свершениях азербайджанских нефтяников в годы Великой Отечественной войны под названием «Нефть и Победа». Он успел увидеть ее выход в свет (Я. Агарунов скончался в мае 1992 года). И когда я уже после его кончины вручал эту книгу в 1993 году руководству Газового объединения в Куйбышеве во время торжеств по поводу 50-летия строительства первого в СССР газового трубопровода, я получил множество восторженных отзывов-воспоминаний от ветеранов о моем отце. Я передал эту книгу также в дар самарской газете «Волжская коммуна», которая в военные годы довольно часто публиковала отцовскую информацию о нефтяных планах и об их исполнении. И эта газета, поблагодарив меня со своих страниц за подарок, дала затем подробную информацию о деятельности Якова Агарунова на посту секретаря Куйбышевского обкома партии в военные годы. Тогда же мне удалось проработать несколько дней в Куйбышевском областном архиве, а также передать Самарскому музею копии некоторых важных для них документов. Привожу здесь копию сохранившегося у меня письма в адрес архива и музея, из которого также можно почерпнуть сведения о деятельности Якова Агарунова в период его руководящей работы в Куйбышевской области.

«Уважаемая Людмила Валентиновна!

Выполняю свое обещание и направляю Вам в дар книгу моего отца Якова Михайловича Агарунова с воспоминаниями о славных победах бакинских нефтяников в Куйбышевской области. Думается, что эта книга окажется нужной Вашему музею, так как из нее можно почерпнуть довольно солидный фактический материал, основанный на документах тех лет, который, возможно, пока и неизвестен работникам музея.

То внимание, которое проявили ко мне люди, с кем я общался в Куйбышеве (в том числе и Вы, за что я Вам очень благодарен), обязывает меня оказать посильную помощь имеющимися у нас архивными материалами.

В соответствии с постановлением ГКО от 22 сентября 1942 года “О мероприятиях по всемерному форсированию увеличения добычи нефти на Востоке страны” более 10 тыс. высококвалифицированных бакинских нефтяников (со своими семьями!) выехали для работы в нефтяные районы Волги, Урала и Средней Азии. Среди них были и опытные организаторы партийно-политической работы. Более 5 тыс. бакинских нефтяников были направлены в Куйбышевскую область. Они же вывезли с собой и все необходимое нефтяное оборудование. Яков Михайлович Агарунов, работавший тогда секретарем Бакинского горкома партии по нефти, был утвержден секретарем Куйбышевского Обкома ВКП(б) по нефтяной промышленности.

Я прилагаю к этому письму подробную (написанную, правда, очень давно) автобиографию отца. Ирина Николаевна Лазарева просила меня оказать помощь документами тех лет. Думаю, эта автобиография (и книга) будет отправной точкой, после чего прояснится, что именно понадобится музею, если будет организован соответствующий стенд.

Может быть, это просто совпадение, но именно при работе Якова Агарунова на посту секретаря Бакинского горкома партии по нефти была достигнута (причем в первом году тяжелейшей войны с фашистами) рекордная цифра добычи нефти (23,5 млн т) за всю историю нефтяной промышленности Баку (с. 31 книги). И именно в период его работы на посту секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) по нефтяной промышленности впервые в СССР в июне 1944 года была открыта нефть из девона, что положило начало промышленной разработке невиданных по тому времени запасов нефти во Втором Баку. Куйбышевское нефтяное объединение – единственное в стране, которое в условиях Великой Отечественной войны не снизило добычи нефти, а увеличило ее в пять раз по сравнению с довоенным 1940 годом. А в 1947 году – в 9 раз больше. Умение организовать управление, внимание к людям, ощущение времени – все это дало основание его современникам считать Якова Агарунова незаурядной личностью.

Меня неприятно поразил тот факт, что в юбилейных сборниках Объединения “Куйбышевнефть” (“Вышки в Жигулях”, Очерки о куйбышевских нефтяниках, М., “Недра”, 1966г; “Производственное объединение “Куйбышевнефть”. К 50-летию начала промышленной добычи нефти в Куйбышевской области”. Куйбышевкнигиздат, 1986) в разделах, посвященных партийному руководству нефтяной промышленностью области, вообще не упоминается имя Якова Агарунова. Я грешным делом подумал, не связано ли это с чем-либо другим. Но, проработав несколько дней в областном партийном архиве, нашел только положительное и даже сведения о премиях ГКО и о наградах, в том числе и орденом Ленина, за успехи в нефтедобыче в Куйбышевской области (в Госархиве: дело № 109; к.хр. 22, фонд 656, опись 91).

Я хорошо помню о существовании огромнейшего количества фото и кинодокументов, но, к сожалению, у нас имеются только две фотографии, связанные с нефтедобычей в Куйбышеве в годы войны. В настоящее время я работаю в фотокиноархиве Москвы с целью нахождения необходимого материала. Надо, по-видимому, покопаться и в архивах газеты “Волжская коммуна”.

В Москве я встречался с бывшими бакинцами, работавшими в годы войны в нефтяной промышленности Куйбышева: Томашпольским Леонидом Марковичем (один из руководителей “Куйбышевнефти”, затем – декан нефтяного факультета Куйбышевского индустриального института, ныне – доктор экономических наук, профессор Московского нефтяного института им. Губкина); Хаимовым Габриэлем Ягудаевичем (директор Куйбышевского нефтеперерабатывающего завода); Байбаковым Николаем Константиновичем (начальник объединения “Востокнефтедобыча”, затем – министр нефтяной промышленности, а впоследствии – Председатель Госплана СССР); вдовой Федора Николаевича Муратова (бывшего второго секретаря Куйбышевского обкома). Всеми ими было сказано много теплых слов в адрес Якова Агарунова, приведены интересные для меня факты в подтверждение сказанного. Не думаю, что это говорилось для того, чтобы сделать приятное сыну. Они отметили его внимание к людям, чисто душевное сопереживание во всех жизненных коллизиях с подчиненными и близкими людьми, умение организоваться и создать условия для выхода из, казалось бы,

безвыходных ситуаций. В то же время отмечалась его принципиальность в вопросах этики, морали, чести коммуниста.

Бывший первый секретарь Куйбышевского обкома партии Василий Гаврилович Жаворонков, когда я поздравлял его в 1981 году с высокой правительственной наградой, узнав, кто с ним говорит, высказался так: “У нас в партийном обкоме Куйбышева был молодой, слаженный коллектив. Замечательно и интересно шла работа. И самым молодым был Ваш отец, всеобщий любимец, прекрасный человек. Когда я вспоминаю те годы, думаю, с какими интересными людьми пришлось мне работать. И особое место среди них занимает Яков Михайлович Агарунов”.

Все вышесказанное говорит о том, что это время нельзя забывать и что наша задача – сохранить память о прошлом.

С уважением

Михаил Агарунов».

^{xxv} Мне, конечно, хорошо было известно о высоком авторитете отца среди партийного и государственного руководства и среди деятелей в области нефтяной промышленности, так как моя сознательная жизнь началась, когда Яков Михайлович уже был у руководства нефтяной промышленностью страны. Встреча с Мир Джафаром Багировым на правительственной трибуне в Баку, перелет на отдельном самолете, выделенном специально для нашей семьи, из Куйбышева в Азербайджан, почтение в его адрес, высказанные лично мне со стороны Самеда Вургуня, Юсифа Гейдаровича Мамедалиева, Кямрана Асадовича Гусейнова, Фиридуна Мусаевича Ахундова, Имама Дашдамировича Мустафаева, Рустама Гаджиевича Исмаилова, Рафаэля Аллахвердиева, Василия Жаворонкова, Сабита Оруджева, Евгения Питовранова и многих других, – все это подтверждает вышесказанное. А вот о том, что он пользовался известностью, а также уважением и авторитетом и среди деятелей еврейского движения, среди ученого мира в области иудаики, мне было известно лишь по рассказам и по отцовским документам из семейного архива. Но я хорошо помню, как нас встречали в Кубе наши сородичи — горские евреи, как многие и многие из них приходили к нам домой советоваться с отцом, а иногда обращались за содействием — вот это все я относил к его известности как государственного деятеля.

Поэтому меня сперва довольно приятно поразила просьба со стороны руководства «Сохнута» организовать встречу отца с известным израильским ученым Ицхаком Давидом. Это было осенью 1991 года, власти знали, что Яков Михайлович к тому времени тяжело болел, потому и обратились сперва ко мне. Эта встреча состоялась, я на ней присутствовал и впервые тогда почувствовал свою полную некомпетентность в области истории еврейского народа.

Мне было безумно стыдно, что я вообще не понимал, о чем идет речь. Я чувствовал себя совершеннейшим профаном, когда слышал: «Это было до Первого храма», «Нет, после Первого, но до Второго», и все в таком духе!

Какой храм? О чем речь?

Была и еще одна встреча, указавшая мне на высокий авторитет отца среди деятелей науки в области иудаики. Это была встреча с известным профессором Иерусалимского университета Мордехаем Альтшулером. Она состоялась в Баку в феврале 1992 года на Международной конференции «Горские евреи: история и современность». Все почему-то забывают об этой конференции, а она была одной из первых конференций современного периода, на которой обсуждались вопросы нашей истории и культуры. Я, как уже говорилось ранее, был очень далек от этих проблем, а конференцию посетил по просьбе отца, для его спокойствия. Он уже был очень болен, сам поехать не мог, поэтому поехать пришлось мне.

Я присутствовал на этой конференции, именно «присутствовал» – сидел где-то сзади и слушал, как теперь уже понимаю, очень интересные доклады Михаила Членова, Мордехая Альтшулера, Амнона Нецера, Хена Брама, Галины Мусахановой. Во время одного из докладов профессор из Израиля Мордехай Альтшулер посетовал, что в коммунистическом Азербайджане он не может найти газету «Коммунист», которая выходила в 30-х годах под редакцией моего отца. Я потихонечку вышел в коридор, позвонил отцу и спросил: «Тут один ученый ищет газету “Коммунист”. Я могу ему сказать, что у нас дома сохранились все подшивки?» Отец дал мне разрешение. В перерыве я подошел к Альтшулеру, представился и сказал, что у моего отца дома есть вся подшивка интересующей его газеты.

Профессор был поражен: «Яков Агарунов жив?» Он не мог поверить, неужели ему довелось разговаривать с сыном «того самого»

Агарунова, который... И он начал перечислять мне факты из биографии отца, говорил о его стихах и работах, написанных им. Я с удивлением осознал, что мне – сыну – эти факты из жизни отца в таких подробностях неизвестны.

Профессор моментально забыл про конференцию и заставил меня немедленно взять такси и везти его к отцу. Беседа у них состоялась интереснейшая. Я слушал их и понимал, как я много упускаю в своей научной жизни, что они разговаривают на темы, касающиеся меня непосредственно, но совершенно для меня отдаленные.

Когда мы возвращались обратно на конференцию, профессор сказал: «Я повстречался с легендой». Думаю, что одним из первых толчков к тому, что я посвятил практически всю свою дальнейшую жизнь изучению истории, культуры и языка горских евреев, которыми, как оказалось, долгие годы занимался мой отец, послужила именно эта встреча. А через несколько месяцев после нее моего отца не стало.

И вот тогда я по-настоящему понял и почувствовал, насколько высок был авторитет Якова Агарунова как профессионала в области истории еврейского народа вообще и в области горских евреев в частности, раз к нему приезжают за консультацией такие крупные ученые в этой сфере знаний.

^{xxvi} С 4 марта 1946 года по 28 декабря 1948 года Министерство нефтяной промышленности СССР было разделено на Министерство Южных и Западных районов СССР (руководило деятельностью Министерства нефтяной промышленности Азербайджанской ССР) и Министерство Восточных районов СССР (руководило нефтяной промышленностью Куйбышевской области).

Изучая деятельность Якова Михайловича Агарунова в области руководства нефтяной промышленностью страны, я нередко встречал в различных источниках информации сведения о том, что вообще такова была политика руководства СССР: выжимать все возможное из экономик союзных республик и более бережно относиться к ресурсам РСФСР.

^{xxvii} Близкому окружению М.Д. Багирова было известно, что он страдал какой-то аллергической экземой кожи рук и ладоней, обост-

рявшейся при нервных расстройствах. Знали также его привычку держать между ладонями сразу несколько карандашей с граненой поверхностью, прокручиванием которых он успокаивал кожный зуд.

^{xxviii} Будущим биографам Якова Агарунова может показаться непонятным факт, который вначале также удивил и меня, когда я начал знакомиться с его личными документами из спецхрана ЦК КПСС.

В августе 1942 года Яков Агарунов был избран на должность секретаря по нефтяной промышленности Куйбышевского областного комитета ВКП(б). Это очень высокая должность: секретарь областного комитета партии одной из крупнейших областей в стране. Причем город Куйбышев неофициально в то военное время считался второй столицей СССР.

А после окончания войны, после возвращения в Баку, он сперва стал работать в Бакинском горкоме партии, но вскоре был утвержден (выписка из Протокола № 676 заседания Бюро ЦК П(б) Азербайджана от 17 августа 1948 года) заместителем секретаря Центрального Комитета КП(б) Азербайджана и одновременно заведомом нефтяной промышленности ЦК. Это уже должность республиканского значения, а не областного.

Но при этом он увольнялся из Куйбышева с должности заместителя секретаря обкома.

Меня удивило то, что в трудовой книжке отца отмечено вначале, что он работал секретарем Куйбышевского обкома партии, а после - в конце 1943 года – заместителем секретаря. И вот - то, что я выяснил после проработки партийных постановлений в СССР.

Оказывается, Политбюро ЦК ВКП(б) упразднило в августе 1943 года должности отраслевых секретарей ЦК Компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и пр.

ЦК ВКП(б) рассмотрел этот вопрос в январе 1944 года и не утвердил. Но через несколько месяцев все же утвердил. И со второй половины 1944 года эти выборные должности были устранены. Они стали назначаемыми заведующими отделами обкомов. Остались лишь должности первого и второго секретарей и одного заместителя секретаря.

Я.М. Агарунов — единственный из всех отраслевых секретарей (а их было, по-моему, четыре) — стал заместителем секретаря об-

кома в Куйбышеве и одновременно заводделом нефтяной промышленности, а с конца 1944 года еще и заводделом энергетической промышленности.

Таким образом, всех отраслевых секретарей перевели на должности заведующих отделами. Но Яков Агарунов стал заместителем секретаря, то есть остался на выборной должности. Одновременно он стал заведующим двух отраслевых отделов – нефтяного и энергетического. Такое было отношение не просто к значимости той отрасли, которую он курировал, а именно к самому Якову Михайловичу Агарунову.

^{xxix} Мне хотелось бы здесь высказать свои мысли, почему именно Зулейха Сеидмамедова стала автором клеветнической записки. Я помню, что в период сдачи выпускных экзаменов в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б) в газете «Известия» появилась весьма неприятная для Азербайджана статья о том, что представители партийного руководства Азербайджана показали весьма плачевные результаты на этих экзаменах. Были приведены фамилии слабо обучавшихся великовозрастных коммунистов. Среди этих фамилий была и З. Сеидмамедова и другие довольно высокопоставленные люди. Естественно, там фамилии отца не было, так как, судя по его диплому, он учился довольно успешно, что вообще было свойственно Якову Михайловичу (см. также концевую сноску XXXIV).

^{xxx} Когда я редактировал тексты рукописи автобиографии Якова Агарунова при подготовке их к печати, то еще раз обратил внимание на то, о чем я уже писал выше в комментарии VII. А именно о том, что происхождение от коэнов сказывалось для моего отца некоей защитой свыше от несправедливых, а зачастую и подлых нападок. Повторяю, я – человек светский, не могу считать себя религиозным и как человек науки никогда не верил в какие-либо приметы. Но ведь наше происхождение от коэнов подтверждается древними записями в нашей семейной родословной книге. Отец, будучи коммунистом, все же и в своих записях сохранил все признаки нашего коэнства. И это наше коэнство доказывается на практике, что подтверждается и в данных ситуациях: навредил коэну – сам пострадал. Это касается

и Шавкала Сумбатова, да и некоторых других, что будет видно далее по тексту, клеветавших на Якова Агарунова либо из зависти, либо из иных подлых побуждений.

Здесь мне хочется рассказать об одном эпизоде. Как-то, проходя по улице Торговой в Баку, я встретил отца в сопровождении пожилого, сильно сгорбленного человека с военным орденом на груди. Отец представил нас друг другу. Как оказалось, этот сопровождающий отца был Нахамия Елизаров - габай нашей горско-еврейской синагоги, инвалид Отечественной войны (у него на фронте был поврежден позвоночник), довольно известный в нашей общине человек. Он еще до войны руководил нашей религиозной общиной в Баку. Узнав, что я – сын Якова Агарунова, он внимательно и строго посмотрел на меня, и, когда отец отошел в сторону, собираясь идти дальше, Елизаров взял меня одной рукой за лацкан пиджака и тихо, наставительно помахав указательным пальцем другой руки, сказал, кивнув в сторону отца: «Знай! Этот человек – от Бога!» Я на всю жизнь запомнил эту фразу и его строгий, пронзительный снизу-вверх взгляд мне в лицо. Видимо, этому религиозному человеку было известно и понятно гораздо больше, чем мне тогда в мои молодые годы.

^{xxxI} Я хорошо помню, как мы в эти тяжелые и страшные для нашей семьи дни, осторожно поглядывая в окно, проверяли, сидит ли еще на скамейке во дворе наблюдающий за нами человек. Мы знали, что, как только мама выходила из дому, в основном чтобы пойти за продуктами на рынок, он тут же, даже не скрываясь, вставал с места и шел за ней. Старшая моя сестра в то время была студенткой университета. Она рассказывала, что ей даже так удобно, когда всю дорогу до университета и обратно ее сопровождал наблюдатель. «Мне так даже хорошо, меня охраняют», - с нервным смешком говорила она.

^{xxxII} Мне тогда было уже 16 лет, и я был в курсе практически всех описываемых отцом в своих воспоминаниях этих страшных для семьи событий. Более того, отец иногда, конечно, по секрету делился со мной своими проблемами, и я помогал отцу в составлении документов, отрицающих выдвинутые против него обвинения. Но

должен отметить, что если хотели бы расправиться с отцом более жестко, то в те времена разнузданного антисемитизма ничто им бы не помешало. Думаю, да и не только думаю, но и знаю, что отца спасло лишь уважительное отношение к отцу со стороны М.Д. Багирова, который, видимо, и дал установку ограничиться лишь этим выговором. В подтверждение этому есть еще один интересный факт. Как отмечал отец, М.А. Искендеров (кстати, весьма отталкивающая личность даже для тех, кто хорошо и близко знал его) несколько месяцев не принимал его на работу. Отец часами стоял у здания «Азнефти» в ожидании, когда М. Искендеров соизволит его принять. В один из таких дней мимо проехала машина с Багировым (здание «Азнефти» находится рядом с ЦК), и Агарунов поздоровался, кивнув головой, с сидящим в машине Багировым. Ответил ли Багиров ему на это приветствие – неизвестно. Но буквально через 15-20 минут отца вызывают к Искендерову и оформляют прием на работу. Видимо, Багиров понял, что отца тот не принял до сих пор, и устроил ему нагоняй.

Может быть, также отца спасала его дерзость, вернее - его смелость в ответах на искусственно выдвигаемые обвинения. Может быть, это и импонировало Багирову. Я помню, как отец по ночам, приходя домой с очередного такого допроса, выкладывал на стол несколько коробок папирос «Казбек» и просил меня сесть за стол в нашем кабинете с бумагой и авторучкой, и я под его диктовку записывал ответы на обвинения. Отец вообще никогда не пил спиртного и не курил. Никогда в течение всей своей жизни. Лишь вот в эти трагические для семьи дни, когда он сам просто не мог писать, но не потому, что дрожали руки, а от того, что, нервничая, очень спешил и не поспевал за мыслью, допустил такое. Ему тогда было удобней диктовать и по ходу диктовки править текст. Он ходил вокруг нашего огромного стола, за которым я сидел, беспрестанно курил «Казбек», сильно этим смущая меня, диктовал свои мысли, заглядывая в мой текст.

Я до сих пор помню отдельные места из этих записей. Так, например, я помню, что в ответ на обвинения в том, что он поменял национальность, он говорил в адрес Багирова, что это по его, Багирова, вине стали называть нас татами. «Ведь Вы же сами своим приказом назначили меня главным редактором газеты на татском языке,

ведь Вы же сами своим приказом создали в Госиздате “Татский отдел” и назначили меня руководителем этого татского отдела». Он рассказывал, что, когда он обвинял Багирова в том, что нас теперь из-за него называют татами, тот возмущенно вскидывал голову. Но когда отец показывал ему и всей комиссии копии приказов ЦК о газете и о «Татском отделе», то затем вновь молча опускал голову.

По многу раз мне приходилось переписывать в разных вариантах доводы отца. И я тогда с ужасом думал, как ему тяжело, трудно и как это страшно — проходить через такие испытания.

XXXIII В своих автобиографических записях Яков Агарунов нередко упоминает, что в его адрес высказывалось такое замечание, как дерзость. Но видимо это ему иногда помогало. Ведь дерзостью иногда называют горячее и энергичное сопротивление несправедливости. В моих предыдущих комментариях (№ XXXI) были приведены факты, когда шла битва не на жизнь, а на смерть в период разгула антисемитизма в связи с так называемым делом врачей, дерзких, почти разоблачительных ответов Якова Михайловича на вопросы своих обвинителей, и как Первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М.Д. Багиров просто опускал голову, не находя возражений. Но это – в борьбе за жизнь, где малодушие недопустимо. Но в борьбе за справедливость ему приходилось и в «мирное» время горячо и почти дерзко отстаивать свое мнение. Помню, как уже в преклонном возрасте отец пришел домой, сильно взволнованный и возмущенный после какого-то правительственного собрания. Там выступал председатель Совета Министров Азербайджана Гасан Сеидов. И он в своем выступлении резко критиковал руководство одного из крупнейших предприятий страны – Бакинского машиностроительного завода имени лейтенанта П.П. Шмидта – за отставание. В ответ на это Яков Агарунов, хотя он никакого отношения к этому заводу не имел, встал и обвинил самого Сеидова в этом вопросе. Он сказал: «Ведь Вы сами долгое время были руководителем этого завода. Этот завод – Ваше детище. Теперь Вы – Председатель Совета министров. У вас сегодня гораздо больше возможностей оказать содействие нуждам такого крупного машиностроительного предприятия республики. И Вы никаких мер не предпринимаете, кроме как критиковать здесь руководство завода? А Вы не считаете,

что в этом прежде всего Ваша вина?» Я не знаю, как отреагировал Сеидов, но отец долго переживал, что не сдержался и так резко выступил. Таков уж был у него характер – возмущаться несправедливостью и горячо бороться с ее проявлениями.

^{xxxiv} Насколько я помню, у Зулейхи Сеидмамедовой и Якова Агарунова всегда были хорошие служебные взаимоотношения, потому что всегда слышал от своих родителей, как они с теплотой говорили, что эта их знакомая является гордостью азербайджанского народа, будучи первой летчицей-азербайджанкой, да к тому же еще и боевой летчицей.

Я и по сей день продолжаю считать, что акция против Якова Агарунова была связана с указанием свыше о чистке высших партийных органов от евреев. Акция была вынужденной, спланированной. Видимо, заранее поручили искать компрометирующие его факты, а заявление на него было поручено писать Сеидмамедовой как работавшей рядом с ним в ЦК партии и обучавшейся одновременно с ним в ВПШ.

^{xxxv} В отдельных своих записях Яков Агарунов более подробно описывает эти мрачные и опасные для своей жизни дни в своей биографии. Он пишет:

«Но я был полностью реабилитирован лишь юридически. А фактически?»

Вопрос о работе был решен только через год, и то после возмущения по телефону тов. Шубина из ЦК ВКП(б), да и то с большой неохотой. В этих проволочках неприглядную роль сыграл второй секретарь ЦК Самедов Виталий. И вот почему.

После моего возвращения из Куйбышева я его застал в аппарате ЦК заведующим отделом пропаганды. Один раз он зашел ко мне с просьбой помочь ему: он хочет учиться в аспирантуре по философии у академика Гейдара Гусейнова. Но второй секретарь БК Малютин А.М. ему мешает, не отпускает. Он буквально плакал и просил моего содействия. Я тогда умел положительно решать вопросы и через Багирова добился удовлетворения его просьбы. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации Самедов стал бороться против своего руководителя и покровителя ака-

демика Гусейнова, не без направления со стороны Багирова, вел против него борьбу по поводу его книги о Шамиле и мюридизме. Они вместе провели это дело, а Гусейнов, не выдержав травли, покончил с собой. После этого Самедов стал зав. отделом пропаганды ЦК КП Азербайджана, иначе говоря, на костях Гусейнова построил себе карьеру. В это время на него поступило порочащее его заявление о том, что его отец – бывший крупный ленкоранский купец, до революции имел мануфактурный магазин и т.д. Багиров поручил мне проверить это заявление. Я выехал в Ленкорань, спрашивал, беседовал с людьми, проверял досконально, и обо всем этом, конечно, люди и родные информировали Самедова. Все подтвердилось проверкой. Действительно, его отец, бывший крупный купец, в первые годы советской власти лишился избирательных прав. Однако я всегда был объективным партийным человеком, и в данном случае я в записке Багирова, подтверждая все это, считал, что Самедов отношения ко всему этому не имеет, ибо он родился от почти случайной связи его отца с его матерью в Царицыне после того, как он сбежал из Петербурга в 1917 году в Ленкорань и по пути некоторое время пробыл в Царицыне. Виталий Самедов после рождения больше всего воспитывался у матери, а не у отца. Это мое объективное заключение помогло ему потом стать вторым секретарем ЦК. Но он все время и полагал, что я подкапывался под него, допрашивал людей против него и т.д. Кроме того, он ведь был вторым секретарем при Багирове. Все эти решения против меня готовились ими вместе. Вот почему все это дело затягивалось именно Самедовым, так как в расправе надо мной он был виновен не меньше, чем Багиров и Емельянов. Вообще, в это время двурушников появилось очень много».

^{xxxvi} Я хорошо помню, с каким уважением и почтением относились к Якову Михайловичу работники этого торгового предприятия. Но совсем не потому, что он был их директором, а из уважения к его личности, к тому, как он с ними считался, как он навел порядок в климате взаимоотношений в этом громадном коллективе. Я вспоминаю, как по ночам, когда вдруг выпадал снег или шел проливной дождь, он тут же ночью по телефону поднимал на ноги директоров хлебозаводов, чтобы немедленно увеличили выпечку хлеба, потому что именно с ухудшением погоды люди запасаются хлебом загодя, и потому воз-

можно появления перебоев с поставкой. В течение часов глубокой ночью шел нервный разговор со всеми, кто связан с хлебом и одновременно не желал особо беспокоить себя. За эту правильную организацию работ, за установление четкого графика в поставках и исключение сумбура в ценах на хлеб, за недопущения издевательств над низовыми работниками, а также и за многие другие незнакомые ранее этими людьми новшества были многие ему благодарны. Низовые работники торгового просто почувствовали уважение к самим себе. В то же время бывали случаи, в первую очередь со стороны отдельных завмагов, которые были практически лишены возможностей продолжения совершения жульнических махинаций, нападения на него в его кабинете. Бывали и угрозы в адрес его сына. Всеми этому я был свидетелем. Но он и здесь оставался коммунистом, преданным своему делу.

На всю жизнь я запомнил случай, который произошел через несколько лет после ухода Якова Агарунова с этой неприятной для него работы.

Так уж совпало, что именно в этот период начались в стране хрущевские перебои с обеспечением хлебом граждан страны. Люди вставали в шесть утра, чтобы суметь заготовить хлеб для своих детей. Это был, кажется, 1964 год. В Баку выпал глубокий снег. Автобусов не было. Мне с работы пришлось пробираться домой пешком по колее, пробитой в сугробах военными грузовиками. Других возможностей просто не было. Пройдя километра полтора до дома, я вдруг увидел толпу людей у нашего хлебного магазина. Значит, подвезли хлеб. Я не знал, был ли в это время хлеб дома, решил все же попытаться счастья и принести домой хотя бы буханку этого в то время недопеченного черного хлеба. На кузове грузовой машины стояла наша пожилая продавщица и прямо из машины спешно раздавала хлеб тем, кто уже успел заплатить. Ни о какой очереди и речи быть не могло: кто прорвался, тот и получал свой хлеб. Я и не пытался пройти через это орущую по имени продавщицу толпу людей. И вдруг она, стоя на машине, сверху увидела меня, воскликнув по-азербайджански: «Atanın qədrini bil!» — ловко кинула мне поверх всей толпы одну буханку. На азербайджанском языке это ее восклицание означает: «Знай ценность своего отца!» (Или «Познай цену своему отцу!»). Этим она хотела сказать: «Гордись своим отцом.

При нем никогда таких вещей не было. Он никогда такого не допустил бы».

Мне хочется здесь привести некоторые подробности из отдельных записей Якова Агарунова о сложностях его работы в Бакхлебторге:

«Ни систематические проверки, ни ревизии, ни судебные приговоры не давали должного эффекта, ибо в конце концов страдали главным образом продавцы, а не завмаги, которые толкали их на обвес и обсчет.

Как быть? Штучный килограммовый хлеб тогда стоил 2р. 90коп. — I сорт, а II сорт — 1р. 90 коп. Почти везде нечистоплотные продавцы не возвращали покупателям сдачу в 10 копеек и таким образом обогащались. А при продаже весового хлеба допускали обвес и т.д. Чтобы закрыть эту лазейку, я летом 1957 года обратился в ЦК КП Азербайджана с запиской об округлении цен на хлеб с увеличением веса хлеба — 3 рубля и 2 рубля и уменьшении производства весового хлеба. Сопротивление было большое. Лишь в 1958 году при поддержке БК КП Азербайджана постановлением Совмина Азербайджана это предлагаемое мною округление на многие сорта хлеба было утверждено, и нечистоплотные работники торговли лишились возможности легко присваивать трудовые копейки покупателей. Эти и другие мои действия (например, установление хлебных автоматов) вызвали вой и противодействие со стороны нечистоплотных элементов, на нас стали поступать десятками анонимные заявления. А для их проверки создавались многочисленные комиссии. Это была адская работа, бесконечная и бессмысленная трепка нервов. Сколько времени уходило, чтобы доказать свою правоту, чтобы отвергать поток чудовищной клеветы и провокационных измышлений. Лидером всех этих жульнических элементов, под диктовку которого писались эти анонимки, как это ни странно, оказался секретарь первичной парторганизации Таиров Ашраф. Как потом выяснилось, он в течение более 10 лет терроризировал руководящих работников республики, обливая их грязью, и таким образом получал одну квартиру за другой и оставался безнаказанным, даже когда ОБХСС неоднократно изобличал его.

И вот нам удалось его разоблачить. Мы установили, что Таиров выдает себя за награжденного орденами и носил даже награжденные

колодки от орденов, в то время как канцелярия Президиума Верховного Совета СССР и Главное управление кадров министерства обороны СССР категорически опровергли это. На основании архивных материалов и длительной проверки мы установили следующее.

В своих документах Таиров пишет, что он в марте 1941 года был призван в Советскую Армию и до конца Отечественной войны участвовал на разных фронтах. На самом деле он 8 января 1940 года был осужден Нарсудом Микояновского района г. Астрахани за спекуляцию сельхозпродуктами к пяти годам лишения свободы и только в марте 1944 года после отбытия наказания Агрызским военкоматом Татарской АССР был мобилизован в Советскую армию и в марте 1945 года был ранен. Он далее писал в своих документах, что в период 1933-1936 годов работал маркировщиком в Бакинском порту. На самом деле Таиров 25 декабря 1933 года Коллегией АзГПУ и Особым совещанием Зак.ГПУ 29 января 1934 года был осужден на три года за спекуляцию валютой для отправки в Иран и 6 июня 1936 года, после отбытия наказания, из Дмитриевской тюрьмы Московской области был возвращен в г. Хачмас АзССР. Это еще не все. Оказалось, что его действительная фамилия Агаев Ашраф Яхья оглы, но в Хачмасае, чтобы скрыть свое прошлое, сменил свою фамилию на Таиров. И вот перед этим подлецом павсавали все руководящие работники республики, с кем он имел дело, миндальничали с ним, шли ему на уступки, лишь бы он оставил их в покое.

На основании вышеуказанных материалов он наконец был исключен из партии, а судом был осужден по ст. 143.18 и 139.3 часть 1.

Несмотря ни на что, конечно, я продолжал свою партийную принципиальную линию и на этой своей работе».

^{xxxvii} Эта часть автобиографии Я. Агаруновым в духе требований советского неписаного кодекса для партийных работников завершалась так:

«В других партиях не состоял, из рядов КПСС не выбывал и не исключался, колебаний в проведении генеральной линии партии у меня не было, в оппозициях и антипартийных группировках никогда и нигде не участвовал, под судом и следствием не был, партийных взысканий не имел.

Проверку кандидатов в члены ВКП(б) в 1927 году прошел в г. Кубе, чистку 1929 года прошел в г. Дербенте, проверку подлинности партийных документов 1935-1936 годов прошел в Октябрьском райкоме партии города Баку.

Мои родители и родители моей жены не были лишены избирательных прав.

Семья состоит в настоящее время из двух душ: я и жена».

^{xxxviii} Здесь я должен привести свои записи с устных слов отца, находившегося уже в преклонном возрасте. Он попросил меня начать запись с его слов о нашей родословной. У него было уже несколько своих записей, сделанных ранее, в том числе и родовое древо. А сейчас он не мог долго диктовать, напрягать память. Он быстро уставал, резко бледнел.

Ниже приводятся данные нашей родословной, восстановленные, с комментариями и без и т.д.

Начало рода - Сагай Ирони (Səqəj Ironi), человек еврейского вероисповедания. По семейной легенде он был придворным иранского шаха, в конце XVIII века бежал от его гнева (либо от его немилости) в Баку. В Баку он женился на горской еврейке. У них был единственный сын Агарун (Əhərü).

Такова наша семейная легенда, переходящая из поколения в поколение. Я, сопоставляя факты и события, изучив историю еврейской жизни в Иране в те годы, пришел к следующему. Конец XVIII века и начало XIX были насыщены серьезными антисемитскими событиями в Иране. Сагай Ирони, будучи коэном и имея довольно влиятельное положение, видимо, предвосхитив эти события, вовремя покинул родные места и перебрался в Баку. В 1813 году после подписания между Россией и Ираном Гюлистанского мирного договора Бакинское и Кубинское ханства отошли к России. Возможно, именно тогда и произошло бегство Сагая Ирони. Но, возможно, и чуть ранее, так как в начале XIX века в результате крупномасштабной атаки царской России на Южный Кавказ северо-азербайджанские ханства пали один за другим. В результате оккупации Бакинское ханство 6 октября 1806-го года, Баку перешел в подчинение Российской империи.

Итак, наш род Агаруновых по мужской линии происходит от

иранских евреев. И начало его связано с переездом в Еврейскую Слободу города Кубы коэна Сагая Ирони в самом начале XIX века.

А антисемитизм к этому времени достиг в Иране своего апогея. В 1839 году в Мешхеде (северо-восточный Иран) происходят жестокие события по отношению к евреям. Уже около года евреев пытались насильственно обратить в ислам. В 1839 году было убито 32 еврея в Мешхеде, остальных будто бы обратили в ислам. Пишу «будто бы», так как евреи все равно втайне соблюдали свою религию. Жестокость по отношению к ним продолжалась и после. Так, например, в Герате через несколько лет был совершен еще один жестокий погром.

По моему мнению, по моим подсчетам, Сагай Ирони именно в это время и бежал в Баку. К тому времени Северный Азербайджан, как было отмечено, уже принадлежал России. Потому там и могли евреи Ирана спастись от насильственной исламизации со стороны иранских властей, духовенства и ортодоксально настроенного мусульманского населения.

Женился Сагай Ирони в Баку на горской еврейке (язык горских евреев относится к юго-западной группе иранских языков). Здесь примерно в 20-х годах (речь идет о XIX веке) у него от этого брака родился сын Агарун (Әһәрү - Аарон). Вероятнее всего, Сагай Ирони был уже в возрасте - все-таки служил при шахском дворе, - и потому у них был всего один сын. Возможно также, что его первая семья осталась в Иране.

Сагай Ирони был из коэнов, потому и назвал сына Аароном по имени первосвященника Аарона (возможно также, что одного из предков Сагая звали Аароном, что будет видно далее). У горских евреев Кубы принято было носить фамилию по имени деда, и потомки Сагая Ирони все носили фамилию «Агаруновы» (или, как было принято говорить в Кубе, все они были из рода Агаруновых – «әз хунәдуни, әз әрхәј Агаруновһо»).

Есть еще один факт, который подтверждает верность подобных рассуждений, хотя переданное на словах мне отцом основано на родословной записи в семейной книге, хранившейся в доме моего деда в Еврейской Слободе. В этой книге велись записи наших семейных событий, как и во всех грамотных религиозных еврейских семьях. К сожалению, эта книга исчезла в те годы, когда семья моего отца проживала в Куйбышеве.

В начале 90-х годов в Израиле в газете «Вести» появилась статья некоего Коэн-Гарунова, родом из Мешхеда, проживавшего тогда в Израиле. Он (автор статьи) уже скончался к тому времени, когда я переехал в Израиль.

В Израиле в настоящее время проживает его племянник Ури Коэн-Гарунов, бывший ведущий израильского телевидения. Однако он почему-то не выходил на связь со мной по электронной почте.

Так вот, его дядя опубликовал в «Вестях» статью под названием «Дома – евреи, на улице – мусульмане», где и описал те самые мешхедские события, но дату представил – 1846 год. Видимо – это год страшного очередного погрома в Мешхеде. Но исторические данные, на которые опирался я и которые совпадают с нашими семейными данными, видимо, более точные и более справедливые, чем те, что приводит по памяти Коэн-Гарунов в своей статье (оригинал статьи хранится у меня в Израиле). Возник вопрос, почему это в середине XIX века у коэна из Мешхеда была фамилия с русским окончанием «-ов». Я нашел ответ: оказывается, евреи Мешхеда по торговым делам часто через среднеазиатскую границу Ирана с Россией (через Таджикистан и т.д., т.е. с восточной стороны Каспийского моря) посещали Россию. А там им выдавали документы (ввиду частого посещения) на проживание в России и добавляли русские окончания к фамилиям.

Это — не моя выдумка, это я прочел в энциклопедиях и в других научных трактатах.

После 1840 года, после отделения Северного Азербайджана от Ирана и присоединения его к России, намечается некоторый расцвет экономики, культуры, сельского хозяйства (к тому времени ханств уже не было). Видимо, вполне естественно было то, что Коэн Сагай Ирони с семьей переехал в Еврейскую Слободу к своим единоверцам. Поселился он в квартале Гиляки, то ли потому, что там были выходцы из северного Ирана (хотя бы по названию квартала), а может, там жили родственники его жены – не знаю. Но знаю точно, что нынешняя действующая синагога в Красной Слободе считалась тогда синагогой моего деда, а также и его отца. Это не значит, что он был хозяин этой синагоги. Нет. Это означает, что мои дед и прадед были почетными прихожанами именно этой синагоги из всех остальных 11 синагог Еврейской Слободы. То есть были коэнами

этой синагоги, и именно в ней они благословляли молящихся в соответствии со своим саном. Когда я спрашивал отца о том, что, если бы не советская власть, то он, имеющий блестящее раввинское образование с хорошим знанием иврита, был бы, вероятнее всего, раввином, он отвечал так: «Нам, Агаруновым, не подобает быть раввинами, мы – выше них, мы можем выходить к амвону и лишь благословлять людей», — и показывал руками, как производится этот обряд благословления.

Несмотря на эти мои изыскания, я должен все же придержаться того, что Сагай Ирони был выходцем из Гилянской провинции Ирана, так как это следует из записей в той самой родовой нашей книге.

Нам не известна наша родословная относительно предков Сагая Ирони. А по женской линии, также и по линии жены сына Сагая – Агаруна – родословная уходит в глубь веков, насколько так возможно говорить о поколениях горских евреев Азербайджана.

^{xxxix} В течение всей своей жизни Яков Михайлович пытался найти хоть какие-нибудь сведения о судьбе пропавших без вести в годы Второй мировой войны своих двоюродных братьев. И незадолго до своей кончины он напутствовал меня: «Найди их могилы, хотя бы места их последних боев». И чтобы выполнить это завещание отца, я дважды бывал в Подольске в архиве Министерства обороны страны. Откровенно говоря, именно с этого моего посещения и началась моя активная деятельность по поиску погибших в годы войны моих сородичей и передаче этих сведений и в Книгу Памяти, и в Музей Израиля «Яд-ва-Шем». Я нашел и сподвижников в этой нелегкой работе. А в 2015 году к 70-летию Победы над фашистской Германией вышла при моем научном руководстве объемная книга замечательного исследователя Ирины Михайловой под названием «Горские евреи в Великой Отечественной войне», в которую занесены имена и всех трех двоюродных братьев отца.

А в архиве Якова Агарунова я нашел копию нижеприведенного письма-обращения отца в Министерство Обороны СССР, подтверждающего его тяжелые переживания о судьбах своих братьев.

«Письмо в Министерство обороны от Якова Агарунова

В Архив Министерства обороны СССР
(Московская обл., г. Подольск, Варшавское шоссе, 9-а)

Мои двоюродные братья – трое – служили солдатами во время Великой Отечественной войны и не вернулись домой. Даже неизвестно, что с ними, никаких извещений не получали. Все они трое выросли без отца и матери у моих родителей, были комсомольцами. Они уроженцы г. Кубы, пос. Красной Слободы Азербайджанской ССР.

1. Агарунов Данил Абрамович, год рождения – примерно 1916-й. Был призван в Советскую Армию, кажется, в 1939 году, до начала войны был у нас в отпуске, говорил, что служит на новой западной границе, там много поляков. С первого дня войны не было никаких извещений.

2. Агарунов Роман (Рамбом) Абрамович, год рождения — примерно 1917-1918-й, участник войны с белофиннами. После ранения был демобилизован. В 1942 году был отправлен в действующую армию, говорят, добровольно, как будто погиб в районе Керчи во время переправы. Официально ничего не известно.

3. Агарунов Осип (Асаф) Абрамович, год рождения примерно 1922-й, был мобилизован в Советскую Армию во время войны, как будто бы работал водителем автомашины, как будто бы погиб в районе Ростова. Официально ничего не известно.

Более 30 лет прошло после войны, а все же хочется узнать судьбу этих близких, отдавших свою молодую жизнь за нашу Советскую Родину.

Очень прошу Вас тщательно проверить у себя в архивах, может быть, удастся узнать что-нибудь, может быть, известно место расположения могил.

Ответ прошу сообщить по адресу: 37022, г. Баку, ул. Самеда Вургуня, 96, кв. 58, Агарунову Якову Михайловичу».

Привожу здесь также свой отзыв на вышеуказанную книгу Ирины Михайловой. Считаю, что читателю будет интересен результат выполнения того поручения, которое дал мне, а в моем лице и всему моему родному народу Яков Михайлович Агарунов незадолго до своей кончины.

О новой книге Ирины Михайловой
«Горские евреи в Великой Отечественной войне»

Недавно увидела свет новая книга Ирины Михайловой «Горские евреи в Великой Отечественной войне». Это - огромный, титанический многолетний труд, посвященный памяти жертв войны с фашизмом. Автор смогла, успела издать ее к 70-летию Великой Победы, когда пока еще живы многие из тех, кто пережил эту войну, кто принимал участие в спасении Родины от сил фашизма. Правда, многих уже нет, а кто еще жив, и таких тоже немало, тем уже всем за 90 лет. Тем более – слава таким людям! И выжившим в этой кровавой бойне, и сумевшим также еще прожить долгую праведную жизнь. Но всегда надо помнить о тех, кто дал возможность всем нам жить на этой Земле, кто отдал свою жизнь за то, чтобы мы все с вами жили. И эта книга – гимн памяти жертв фашизма. Она как бы результат и подтверждение слов из известных всем строк Роберта Рождественского – «Все, что было не со мной, – ПОМНЮ!».

Низкий поклон автору от имени всех пожилых людей, свидетелей тех страшных, но одновременно героических для нашей страны лет.

В свое время мной был написан отзыв на первую книгу автора по этой тематике, изданную в позапрошлом году. Та книга была посвящена истории участия евреев Дербента в Великой Отечественной войне. Настолько полон по своей насыщенности оказался тот труд, настолько он был проникнут любовью к своему городу, к его жителям, что всем стал понятен незаурядный талант автора в подходе к историческим проблемам, а также и серьезность, и честность автора в своих научных изысканиях. Эта фраза - не просто красивые слова, а констатация факта в связи с тем, что в последние годы все чаще стали появляться статьи и книги-скороспелки, которые иногда уводят читателя в сторону от объективной истории не очень уж далеких лет.

В том отзыве я писал об имеющихся уже сведениях участия евреев страны в этой трагической войне, в частности и о горских евреях. Отмечалось также и о том, что этих уже имеющихся сведений далеко недостаточно, чтобы воссоздать полную картину выпавших мук на долю и нашего народа в связи с необходимостью защиты Родины и своих семей от коричневой чумы. Не буду по-

вторяться, тем более что автор привела текст того отзыва в своей новой книге.

Чтобы читатель мог познать, какой тяжелый труд был заключен в этой работе, поделюсь своими собственными «мытарствами» на этом пути.

Много лет я занимался поиском имен горских евреев, погибших во Второй мировой войне. Мой отец на склоне своих лет поручил мне искать и найти могилы своих братьев, пропавших без вести в этой войне. Если не могилы, так хотя бы места их последних боев, после которых перестали приходить весточки от них. Своих сил ему тогда уже не хватало. Это и стало началом моей деятельности в этих поисках. Три его брата Данил, Рамбом и Осип не вернулись с фронта. Все трое - в числе без вести пропавших. Но лишь на старшего пришло извещение об этом. Один из соседей, вернувшийся живым в родную Красную Слободу, сообщил, что другого брата видели во время ужасного отступления через Керченский пролив. Но практически все корабли тогда были уничтожены с воздуха... Двое старших только-только женились, не успев еще завести детей. Осип ушел на фронт совсем мальчишкой.

Как искать? Я поехал в Подольск (Московская область), в архив Министерства обороны. Настолько недружелюбным был прием, что я решил больше к ним не обращаться. И вот тогда я узнал о существовании «Книги памяти», посвященной евреям, погибшим во Второй мировой войне. Все сведения я передал редакции. Но тогда люди, узнав о начале моих поисков, стали обращаться ко мне с просьбой помочь и им. В первую очередь это были мои земляки из Красной Слободы. Пришлось серьезно целенаправленно и вплотную, я бы даже сказал – профессионально, подойти к этой работе. Были вовлечены и сведения из «Книг памяти», общества «Мемориал», музея «Яд-ва-Шем», и даже из германских исторических источников информации. Узнав об издании книги Хананила Абрамова «Горские евреи Кубы», в которой он приводит сведения о погибших в этой войне земляках, я тут же направил ему и свой этот печальный отчет. И уже в следующем издании список погибших был издан и с этими дополнениями.

Этот огромный труд был не под силу одному человеку, тем более находившемуся в преклонном возрасте. Я обращался во многие ин-

станции, к молодежным организациям с призывом взять на себя заботу по доведению до конца этих поисков. К сожалению, не все понимали значимость этой работы для истории нашего народа. А может, просто не решались браться, так как чувствовали огромнейшие трудности и высокую моральную ответственность. Ведь морально и психологически очень тяжело проводить поиски. Но, узнав о работе Ирины Михайловой над книгой «Евреи Дербента в Великой Отечественной войне» и поняв, что и она идет тем же путем в своих поисках, был несказанно рад тому, что в ее лице нашел сподвижника, да и, откровенно говоря, человека, ставшего профессионалом в этой области.

С выходом в свет первой книги Ирины Михайловой стало понятно, что начало уже было положено. Незамедлительно перенаправил ей все найденные мной материалы, в том числе и различные фотографии, попросил обязательно довести до конца это благородное дело. Надо честно признаться, что они составляли лишь небольшую толику того, что удалось собрать ей самой. Обращался и к другим с огромной просьбой содействовать завершению этой важной цели, объясняя, что никто кроме нее не справится сегодня с этой проблемной задачей. Я выражаю свою благодарность всем тем, кто охотно помог Ирине Михайловой в сборе ценных сведений. Но самая моя глубокая благодарность – это Ирине Хаимовне Михайловой. Этот завершенный ею труд останется на века. Он будет дополняться, но начало положено ею после выхода в свет этой новой ее книги «Горские евреи в Великой Отечественной войне». На эту книгу будут ссылаться все будущие исследователи истории нашего народа.

Не буду останавливаться на содержании этой книги. Предлагаю читателям это сделать самим. Обязан только отметить, что в книге охвачен довольно широкий круг вопросов. Помимо перечня погибших горско-еврейских воинов в Великой Отечественной войне (более 2600 имен!), в ней представлены сведения и о попавших в германский плен, и о погибших мирных жителях в огне Холокоста. Приводятся и письма с фронта, и множество-множество фотографий. За каждой такой фотографией, за каждым таким документом стоит бездонная пропасть мук и горя, выпавшего на долю нашего народа в годы войны. В ней также есть сведения и о наших Героях Советского Союза, героях тыла, о тяжком труде женщин в годы,

когда мужчины ушли на фронт. Книга представляет собой и научно-исторический, и художественный, и познавательный интерес. Она – быль из истории нашего народа, потому представляет собой одновременно и справочное, и энциклопедическое пособие.

Закончить этот свой краткий отчет о впечатлении от этой книги хочется вот чем.

Я отметил, что Ирина Михайлова приводит в своей книге более 2600 имен погибших горских евреев в Великой Отечественной войне. Горские евреи – народ, небольшой по численности, потому и ужасаешься этой цифре. Ведь практически нет ни одной семьи в среде горских евреев, у которой в годы Отечественной войны не был бы потерян близкий человек. Как и в каждой семье Советского Союза. Потому, думается, что в этой книге приведено не более половины фамилий всех жертв среди горско-еврейских воинов. А потому она должна быть распространена и в США, и в Азербайджане, и в Израиле, и в России, в первую очередь в Дагестане, Кабардино-Балкарии и в Чечено-Ингушетии. Может быть, даже следует провести во всех этих перечисленных местах презентацию этой книги, чтобы сообщить о ней всей нашей общественности.

Некоторые, кто ознакомится с ней, могут не найти имен своих близких, кто отдал жизнь за спасение своей Родины. И они тут же обязательно сообщат либо в издательство, либо автору книги Ирине Михайловой.

Так что выход в свет этого капитального труда – это только начало огромной длительной поисковой работы. Успехов Вам, Ирина Хаимовна в этом благородном поиске!

Никто не должен быть забыт, и ничто не должно быть забыто.

Профессор Михаил Агарунов
Израиль

^{xl} Мухоил Яхку Агарун (Muxoil Jəħkū Əħəgū), будучи козном, был грамотным в иврите, читал Тору, вел семейные записи также на иврите. Судя по этим записям, он родился в 1870 году. Это явилось отправной точкой при моих исследованиях нашей родословной, из которой следует, что Сагай Ирони, родоначальник нашего рода, по-

явился в Азербайджане в конце XVIII – начале XIX века. Это также совпадает с хронологией исторических событий в этом весьма неспокойном закавказском регионе.

Как было уже отмечено выше, основатель нашего рода - Сагай Ирони (Səqəj Ironi), человек еврейского вероисповедания, был придворным иранского шаха, в конце XVIII века, либо в самом начале XIX века, бежал от его гнева (либо от его немилости) в Баку. В Баку он женился на горской еврейке. У них был единственный сын Агарун (Əhəru).

Такова наша семейная легенда, переходящая из поколения в поколение.

Следовательно, это событие могло произойти, когда Баку был вне досягаемости иранских властей. Из исторических трактатов известно, что в начале XIX века в результате крупномасштабной атаки царской России на Южный Кавказ северо-азербайджанские ханства пали один за другим. В результате оккупации Бакинского ханства 6 октября 1806-го года, Баку перешел в подчинение Российской империи. Можно с определенной долей уверенности предположить, что Сагай Ирони перебрался в Баку примерно в конце 1806 года.

^{xli} В архиве Якова Агарунова мне удалось найти записи по поводу трагической гибели его дяди Даниила. Привожу их здесь в сокращенном варианте.

«Почти четко остались в моей памяти события, связанные с убийством моего дяди Даниила в 1915 году. Он был убит ножом мясника в живот среди белого дня на центральной улице Красной Слободы его же товарищем. В отличие от моего отца его брат – дядя Даниил – был общительным, веселым, имел большой круг друзей и товарищей, которые так же, как и он, умели весело проводить время. В тот злополучный день на центральной улице против лавки мясника два его дружка из довольно зажиточных семей о чем-то сильно спорили, и один из них, звали его Исох, будучи пьяным, взял с прилавка большой отточенный нож мясника и напал на другого. В это время мой дядя Даниил, на свою погибель, побежал разъединить их. Тогда разъяренный, вдребезги пьяный Исох, вооруженный ножом, увидев, что его обидчик уже сбежал, толкаясь посреди собравшейся толпы, напал на дядю Даниила. Увидев это, мой отец по-

бежал к ним, чтобы спасти своего брата, но в сутолоке и давке дядя Даниил упал, а на него – и мой отец. Обезумевший пьяница успел с воём вонзить нож в живот дяди Даниила, поранив в руку и моего отца.

Истекавший кровью дядя Даниил и мой отец доставлены на руках к нам домой. Нас, детей, увезли к соседям, чтобы мы не были свидетелями этой страшной трагедии.

Возможно, что в наше время эту рану можно было бы залечить, но тогда она оказалась смертельной. Помню, на следующий день меня привели в наш дом, сказав, что дядя Даниил едет в Иерусалим и хочет со мной попрощаться. Я поднялся на “сиро” (веранду). Здесь сидели полукругом все мои родственницы и другие в трауре, но не плакали громко, как это обычно бывает (потом мне говорили, что дядя Даниил запретил им плакать). Меня повели в большую комнату, где он лежал на полу на пуховых тюфяках и подушках. Лицо дяди Даниила было очень бледным, не было на его лице и обычной улыбки. Он остро и внимательно посмотрел на меня, погладил голову мою и дал мне в руки денег – “гəһ salamatı” (деньги, которые, по обычаю, отъезжающий в долгий путь раздает пред отъездом остающимся). И я, тогда глупый малыш, даже обрадовался и вышел от него. Так он скончался, ушел от нас. Конечно же, тот самый Исох был арестован и осужден, не на смертную казнь, а на десять лет.

После мне говорили, что моя бабушка не была довольна моим отцом за то, что он не смог мстить и не добился для Исоха смертной казни.

В связи с этим мне вспоминается, как моя мать, спустя несколько времени, очень злая и несчастная, плакала и сильно спорила с отцом и другими, заявляя, что она уйдет к своим братьям. Дело в том, что моя бабушка Говхар настаивала, как это было положено по еврейским традициям, чтобы мой отец взял к себе в жены вдову своего погибшего брата Даниила. Ее звали Дадайхуна, она не рожала, не имела детей, видимо, по вине мужа Даниила. Отец был не в ладах с этими традициями, отказался взять ее второй женой, но мать, очевидно, боялась, что отцу трудно будет сопротивляться требованиям своей матери и своих сестер. В конце концов отец, на радость моей матери, вопреки требованиям окружающих и близких, категорически отказался от этого предложения и отпустил Дадайхуна из дому с большими почестями, отдав ей все, что принадлежало ей и ее

мужу, и еще кое-что. После этого Дадайхуна вышла замуж за другого и родила много детей. Она всегда при встрече благословляла меня, и я тоже с уважением относился к ней.»

^{XLII} Вообще о смелости Якова Агарунова ходили легенды. Мне кажется, что даже недруги уважали его за это его качество.

В период его работы в руководстве «Бакхлебторгом» он как-то попросил меня быть всегда внимательным во время нахождения на улицах города. «Обращай всегда внимание на тех, кто рядом с тобой, кто вызывает подозрение, обходи того стороной». Лишь гораздо позже я узнал, что однажды один из нечистоплотных работников торгового двора ворвался в его кабинет с ножом в руках и стал угрожать убить его или его сына, если он не отменит своих решений. Речь шла о нововведениях, которые мешали жуликам обсчитывать покупателей. Один только внешний вид Якова Михайловича отрезвлял зарвавшихся его противников.

Это видно из многих разделов текста его автобиографии: как он во главе группы комсомольцев ловил жуликов в Красной Слободе в периоды разгула воровства в начальные послереволюционные годы, как он шел в открытую, без оружия, в логово бандитов (в районе Муровдага), работая в районах Азербайджана, как он отстаивал себя в республиканском КГБ и на Бюро ЦК Компартии Азербайджана в периоды разнузданной антисемитской кампании в стране в 1952-1953 гг. и др.

Я вспоминаю случай, когда один из секретарей ЦК КП Азербайджана, некто Алиев, после полученной взбучки в Москве пришел в гостиницу «Москва» и тут же со страху скончался, все в Баку переживали. А Яков Михайлович сказал: «Если ты такой малодушный, такой трус, то зачем же согласился на такую работу?».

Яков Михайлович был исключительно смелым и решительным человеком.

^{XLIII} Здесь мне хотелось бы отметить тот факт, что Яков Агарунов на протяжении всей своей жизни, где бы он ни находился, всегда продолжал заниматься литературным творчеством. Так, например, в его архиве сохранились стихи, написанные в конце лета 1932 года в период очень напряженной и опасной работы в Бардинском районе и посвященные своей молодой жене, находившейся в то время с грудным

ребенком в Красной Слободе у своих родителей. Привожу их здесь.

Su tiç dənışirə ty lohiqəti,
Tə lov-ləhə vamasirəj birəj pur.
Tə kəj mundəni həci qijəməti,
O, ə dərjoh uxşəşə nikərəj Kur.

Viniş, nuşdəm ə qiroqty ə minət,
Jə karaz bugə vorovun qulluqmərə,
Sunki nəboşum ə dusd xəçələt.
Ovho! Bərit əz səhro şolumməərə.

Rajon Kazax. Qiroq Kəsəmən.
Kolxoz pəmbəi. IX - 1932 sal.

Ниже – подстрочный перевод на русский язык.

Ну, что ты так пристально всматриваешься в меня,
Переполненная до краев река Кура?
Ты совсем стала похожей на море.
До каких пор ты останешься столь бурно разлившейся?

Видишь, я сижу с мольбой на твоём берегу.
Ну, хоть разок окажи мне услугу,
Чтобы не выглядел я смущенным перед возлюбленной.
Воды Куры! Передайте ей привет мой из этой степи!

Район Казах
Сентябрь 1932 года

^{XLIV} В этом доме по 9-ой Свердловской улице 4 декабря 1936 года родился я. Так как семья Якова Михайловича разрасталась, то через 5 лет ему была предоставлена уже четырёхкомнатная квартира в престижном новом доме по улице Нижне-Бульварной, 648-ой квартал. Тогда это была самая окраина города, но в том доме получили квартиры некоторые члены руководства республики, яркие представители нашей интеллигенции, народные артисты Азербайджана и

др. Конечно, я очень смутно вспоминаю свой первый двор в Арменикенде, но с некоторыми из моих товарищей тех детских времен я долго поддерживал контакты, хорошо помню вратаря футбольной команды «Нефтяника» Тэмика Арзуманова, с чьим племянником Маратом мне пришлось позже встретиться уже после возвращения из Куйбышева и учиться в одном классе. А с именитыми соседями из 648-го квартала мне довелось долгие годы дружить, хотя мы жили уже не так близко друг от друга. После приезда из Куйбышева многие представители того дома часто навещали нас и в послевоенные годы, что говорит о том, насколько высок был престиж Якова Михайловича даже и среди соседей. Наша дружба с молодым поколением, детьми этих именитых соседей таких, как Ваган Каркарян, Фуад Ализаде, Тофик Исмаилов, Рафик Мамедов и др., ставших впоследствии крупными деятелями, и не только в Азербайджане, продолжалась в течение всей нашей жизни. Жаль, что жизнь двоих из них – госсекретаря Азербайджана Тофика Исмаилова и его служебного сподвижника Рафика Мамедова трагически оборвалась при гибели вертолета в период начала войны за Нагорный Карабах в 1991 году.

Можно было добавить немало слов и о выдающихся личностях, оказавшихся нашими соседями и в том доме, где нам была предоставлена квартира после приезда из Куйбышева. Когда-нибудь я поделюсь своими воспоминаниями о них, тем более что мы – бывшие соседи – создали впоследствии свой сайт в Интернете под названием «Самеда Вургуна, 96» - по адресу того дома. Там проживали всемирно известные композиторы, артисты театра и кино, художники и скульпторы, заслуженные деятели науки, лауреаты Сталинской премии, Герой Советского Союза и др. И многие из них часто навещали нашу квартиру, что объяснялось только одним – высоким авторитетом отца также и среди них.

^{xlv} Здесь мне хотелось бы добавить к сказанному еще и то, что Яков Михайлович Агарунов, где бы он ни находился, всегда помнил о том, что он является выходцем из Красной Слободы, и всегда заботился о ней и о ее жителях, о своих земляках. Вот, например, сведения, почерпнутые у бывшего директора архива Кубы Хананила Абрамова в период его работы над книгой «Горские евреи Кубы», по поводу роли Якова Агарунова в улучшении образования в Кубе.

Хананил Абрамов сообщил мне, что в Кубе в 1946 году в средней школе Красной Слободы закрыли 10-ый класс. Сам Хананил в этом же году закончил 9-й класс, а ходить на учебу в 10-й класс в город он не хотел. Потому долгое время оставался без аттестата зрелости.

Такое решение о закрытии 10-го класса было вызвано якобы тем, что их – десятиклассников – всегда было мало, а в 1946 году (к сентябрю) их было всего девять человек. Содержать для них целый штат преподавателей было невыгодно, и всем им было предложено продолжать учебу в городе (то есть в самой Кубе). А для этого надо было преодолеть несколько километров. Обстановка в те времена была не очень дружелюбная. Мальчиков могли еще на мосту через речку побить, а тем более – и в городе. О девочках речь вообще не могла идти: их никакие родители никогда бы и не пустили бы в город из своей Красной Слободы. Сам Хананил объясняет эту ситуацию тем, что, видимо, слободская школа не давала такое уж хорошее образование, и руководители школы боялись выдавать аттестат зрелости не очень уж подготовленным выпускникам. Поэтому они окончившим 9-й класс выдавали какую-то официальную справку о завершении девяти классов. Но это – его предположение.

Конечно же, отдельные ученики все же посещали 10-й класс в Кубе и получали аттестат зрелости. Но сам Хананил Абрамов потерял год, так как через год с помощью Якова Агарунова вопрос был решен и 10-й класс средней школы Красной Слободы был восстановлен.

Но как это произошло?

Наша семья вернулась в Баку из Куйбышева в январе 1948 года. К тому времени мой двоюродный брат Симон Авшалумов заканчивал 9-й класс в Красной Слободе. Отец мой работал в ЦК КП(б) Азербайджана. Я хорошо помню, как моя мама все время упрашивала отца решить через ЦК вопрос о восстановлении в школе Красной Слободы десятилетнего образования. Конечно же, отец с возмущением принял сообщение о закрытии 10-го класса и прекращении выдачи в слободской средней школе аттестатов зрелости по этой причине. Ему удалось организовать письма-заявления от жителей Красной Слободы в соответствующие республиканские инстанции, и к началу сентября 1948 года этот вопрос был решен.

Так мой отец способствовал восстановлению полной средней школы-десятилетки в Красной Слободе.

Помимо всего этого, когда ему стало известно, что горские евреи вынуждены платить за учебу в высших учебных заведениях, он подал резкое официальное заявление в ЦК КП Азербайджана о том, что давно уже доказано, что горские евреи являются коренными жителями Азербайджана, и эта несправедливая плата за обучение в старших классах средних школ и в ВУЗах республики для них была отменена.

^{XLVI} Наличие в языке горских евреев верхнефарингальных (гор-танных) согласных звуков «ħ» («хет») и «h» («айн»), (например, в словах ħərməħ, ħovir, həsb, həil), присущих ивриту, арамейскому и арабскому языкам и отсутствующих в древнеиранском и несвойственных большинству современных иранских языков, дает основание утверждать, что в истории языка горских евреев сыграл известную роль семитский субстрат (субстрат — основа или подпочвенный слой, питающий основу).

В ходе длительного пребывания на территории современного Ирана и Ирака предки горских евреев, говорившие ранее, вероятнее всего, на иврите или арамейском, усваивали иранский язык. При этом, переходя постепенно через промежуточный этап двуязычия на новый для себя иранский язык, они сохранили отдельные фонетические и лексические элементы своего старого языка, т.е. с определенной долей уверенности можно утверждать, что субстратом языка горских евреев является иврит либо арамейский язык. Бытующий в народе свой секретный язык, так называемый «зуһун им-роми», которым иногда пользуются некоторые знающие его горские евреи с целью, чтобы их не поняли окружающие, дает основание сделать предположение, что субстратом языка, возможно, был именно арамейский язык.

^{XLVII} Эта история споров и дискуссий по поводу попытки создания «единого татского языка» в Азербайджане, по-видимому, так подробно публикуется впервые. Потому это сообщение приобретает определенную историческую ценность. Здесь следует отметить, что, на мой взгляд, попытка эта была все же ошибочной, видимо, потому что не было к тому времени тщательной проработки этих языков. Последующие исследования показывают, что у языка татов-мусульман и языка горских евреев совершенно разный грамматический

строй. Потому эта благородная затея о создании своей газеты для всех этих народов, безусловно, была обречена на провал: в принципе невозможно было создать для них «единый литературный язык». И сравнение с созданным когда-то подобным путем единым литературным русским языком здесь, по-видимому, неуместно, так как проживающие в различных областях и говорящие на русском в России иногда действительно не всегда хорошо понимали друг друга, но все же это был русский язык, а в данном случае речь, получается, шла о разных языках. Это можно было бы примерно сравнить с желанием создания единого литературного языка для, например, украинцев и русских, что, повторяю, в принципе невозможно.

Мной была найдена копия выписки из протокола № 12 Бюро ЦК АКП (б) от 17 июня 1934 года «О литературе на горско-еврейском языке» под грифом «Строго секретно».

СТРОГО СЕКРЕТНО

Азербайджанская Коммунистическая Партия (большевиков)
Центральный Комитет АКП(Б). Отдел Секретный

№ ВЦ -12.

20.VI.1934 г.

ОГИЗ (Москва), Союзпартиздат (Москва), директору «Азернешра» т. Триничу, Партгруппе Гильского РИКа, Секретарю Кубинского РК АКП (б), Лечкомиссии т. Рашиду, Баксовет т. Фарадж-Заде, Отдел культуры и пропаганды ленинизма т. М. Гусейнову, Наркомпрос тов. Агаеву М., т. Агарунову.

Выписка из протокола № 12 Бюро ЦК АКП (б) от 17.VI.34 г.

2. О литературе на горско-еврейском языке

(т. Багиров)

1. Считать целесообразным перевод из Москвы в Баку издание татской литературы как по линии ОГИЗа (учебники, детская, художественная, сельскохозяйственная и др. литература), так и по линии Союзного партиздата.

Для практического разрешения всех вопросов, связанных с переброской издания из Москвы в Баку, командировать в Москву т. Агарунова.

2. Утвердить т. Агарунова первым заместителем директора «Азернешра» с совмещением должности ответственного редактора газеты «Коммунист» на горско-еврейском языке.

3. Отозвать и передать на работу в редакции горско-еврейской газеты «Коммунист» гг. Зарбаилова (Гильский РИК), Шаулова (Аз. ВКСХШ), Ашурова (редакция Кубинской газеты)

Предложить Лечкомиссии ЦК включить в спецснабжение и обеспечить медкарточками двух работников редакции (редактора и зам. редактора).

4. Поручить Баксовету (т. Фарадж-Заде) в декадный срок выделить и предоставить соответствующее помещение под редакцию горско-еврейской газеты «Коммунист».

5. Ввиду того, что ликвидация неграмотности на новом горско-еврейском алфавите среди взрослого населения горских евреев, в особенности по районам Баку, идет медленно, поручить ОКПЛ ЦК и Наркомпросу наметить необходимые мероприятия, обеспечивающие развертывание работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения горских евреев и проект постановления представить на очередное Бюро ЦК АКП (б).

СЕКРЕТАРЬ ЦК АКП (б)

(БАГИРОВ М.Д.)

м. 10.20.VI.

^{XLIX} В подтверждение слов отца хочется привести весьма забавный факт. Перед защитой своей диссертации в Азербайджанском Государственном Университете я запаздывал с изданием автореферата. В институте ВНИИТБ, где Яков Агарунов тогда работал заместителем директора, имелась своя типография, которая находилась именно в его подчинении. Она была не очень загружена заказами, потому был срочно составлен договор между АГУ и ВНИТБ. Но вот когда надо было уже подписывать рукопись автореферата к печати, отец никак не решался поставить свою подпись, мол, как это так: автор диссертации Агарунов, и подписывает к печати тоже Агарунов. Я стою в его кабинете и не понимаю, что же его задерживает. Он с ручкой в руках никак не решается подписывать. А время не ждет. Вдруг он взмахнул рукой, что, видимо, означало «будь что будет», и все ж подписал. Я потом долго никак не мог понять, а что его сдерживало. Прекрасная диссертация, за которую даже приезжий из столицы оппонент-профессор предлагал присвоить докторскую степень, договор с типографией оформлен законно, более того, типография вообще искала заказы, чтобы прожить. И лишь потом осознал, что это было вообще в характере отца: по отношению к себе и к своим близким родственникам – никаких поблажек!

^L Я уже отмечал, что после выхода на пенсию (Яков Михайлович был персональным пенсионером союзного значения) отец продолжал вести активную деятельность, будучи членом Комитета революционной славы и Бюро Наримановского райкома партии. И вот однажды отец в преклонном уже возрасте, возвратившись с очередного заседания, как-то посетовал: «Оказывается, и среди пожилых людей существуют зависть и нездоровая конкуренция», имея в виду членов Азербайджанского совета революционной славы под руководством Мусейба Дадашева в последние дни советской власти. Зависть всегда была, есть и будет, какой бы ее ни считали – белой или черной.

^{LI} В своих аналитических статьях (2011-2012 годов) относительно «Кавказской газеты» в Израиле я часто приводил примеры из опыта и результатов работы редакции газеты «Коммунист» 30-х годов про-

шлого века в Баку в качестве сравнения схожести в найденных приемах, приведших к успешной деятельности руководства редакции «Кавказской газеты». Следует здесь добавить еще один факт, который не был мною отмечен в тех аналитических статьях. Известно, что главный редактор «Кавказской газеты» и директор издательского дома «Мирвори» Йонатан Мишиев создал в своем же помещении клуб горско-еврейской интеллигенции, объединяющий творческих людей, близких по духу и жизненным целям, одинаково понимающих значимость задач, стоящих перед деятелями культуры горских евреев Израиля. Так вот этот клуб интеллигенции точно так же можно назвать «производственной базой» «Кавказской газеты» и книжного издательства «Мирвори» по аналогии с клубом им. Ильяева в Баку в те годы.

^{LI} Здесь мне хотелось бы отметить, что литературным творчеством, а также вопросами своего родного языка и, в первую очередь, работой над составлением различных форм его словарей Яков Михайлович занимался всю свою жизнь, где бы он ни жил и на какой работе бы он ни находился. Удивительно, как он умудрялся выкраивать для этого время, работая с полной отдачей сил на весьма ответственных должностях. В качестве подтверждения этих своих слов привожу здесь текст его письма, написанного им уже в шестидесятилетнем возрасте, известному языковеду Арону Борисовичу Долгопольскому.

«г. Москва, улица Маркса-Энгельса, 1/14, Институт языкознания
Кандидату филологических наук Долгопольскому А.

Уважаемый товарищ Долгопольский А.!

В иллюстрированном обозрении «Неделя» за 1967 год (№ 33, 6-12 августа, стр. 8-9) я прочитал Вашу статью «Следы исчезнувших цивилизаций», в которой Вы обращаетесь с призывом к местной интеллигенции заняться описанием исчезающих языков.

Я по национальности – горский еврей. В свои юные годы (двадцатые-тридцатые годы) я непосредственно занимался вопросами горско-еврейского языка и горско-еврейской письменности.

Первым моим консультантом был проф. Б.В. Миллер.

Разработанный мною татский (горско-еврейский) алфавит (на основе латинского) был утвержден в 1929 году на Всесоюзном совещании в Баку. В те годы я имел непосредственную связь с Отделением языка, литературы и искусства АзГНИИ, был членом татской секции этого института, участником орфографических совещаний в Баку и в Москве и, наконец, 4 года (1934-1938 гг.) работал ответственным редактором первой в СССР республиканской газеты «Коммунист» на татском (горско-еврейском) языке и первым заместителем директора АзГИЗа по изданию татской литературы. Все эти годы, естественно, я занимался также разработкой терминологии, грамматики и орфографии этого языка. Таким образом, к тому времени у меня был накоплен большой словарный материал. После я был переведен на партийную работу и в течение более 20 лет уже не мог систематически заниматься этим вопросом, хотя урывками обогащал свой словарный материал.

Ваш призыв побудил меня вновь обратиться к своему архиву и в течение почти года с новым усердием заняться этим вопросом. И сейчас, когда я навел некоторый порядок в собранном материале, я мог бы предложить Вам свои услуги и посвятить свое время составлению русско-татского словаря.

Хотелось бы узнать, остается ли в силе Ваш призыв и имеет ли актуальное значение для Вашего института мой родной язык. Горских евреев (татов) в Советском Союзе около 50—60 тысяч человек, точного учета нет, и за рубежом их нигде нет. Они живут больше всего в Азербайджане, затем в Дагестане и немного на Северном Кавказе.

Процесс, который происходит с языками малых народов о и которм Вы справедливо пишете, имеет место и в татском языке.

В установленное время я мог бы выехать к Вам для подробного рассмотрения этого вопроса и соответствующей консультации.

Жду Вашего ответа.

Яков Михайлович Агарунов

1967 г.»

^{LIII} Этот и последующий эпизоды Яков Агарунов приводит в своей автобиографии в качестве примера того, в какое страшное

время тотальной подозрительности и всеобщей опасности приходилось им работать. В своей книге «Мое сердце с тобой, мой край родной» («Dylmə ə tyğəvozi, məskənmə»); Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2000, на языке джуури) он очень подробно описывает, как удалось избежать этой почти смертельной для всего коллектива редакции опасности. Ниже дается выдержка из этой книги в переводе на русский язык.

«Приведу один факт из событий тех лет, чтобы показать, каким истинно преданным работником был Исроил, а с другой стороны – какие тяготы и горести стояли на пути зарождения нашей литературы.

Это было летом 1937 года, в начале июня. Меня забрали на двухмесячную военную службу в пулеметный полк, размещавшийся на Шихово (Баиловский район под Баку). Впервые в моей жизни на меня надели военную форму, в петлицы вдели по три шпалы, то есть мне присвоили звание старшего батальонного комиссара. Здесь у меня возникло слишком много забот. Во-первых, мое незнание дела. Мне приходилось на ходу осваивать основы военной службы. А во-вторых, мне сразу же пришлось замещать должность комиссара полка, так как он находился в это время в отпуске. И все же я умудрялся вырываться раз в неделю, в день выхода газеты, посещать редакцию, чтобы проследить, как идут в редакции дела, как осуществляется выход газеты. И вот в одно из таких моих посещениях редакции мои сотрудники, как обычно, вышли мне навстречу, но я на их лицах не увидел приветственных улыбок, будто бы они все находились в трауре. Все быстро заговорили: “Как хорошо, что Вы вовремя пришли...” Я был поражен. Сильно волнуясь, быстро прошел в кабинет моего заместителя Исроила Давыдова, спешно спрашиваю: “Что произошло?” Исроил сидел расстроенный, опустив плечи, будто птица с обломанными крыльями, весь ушедший в какие-то тяжелые думы, совершенно растерянный. Вынул из своего кармана партийный билет, положил его передо мной. “Вот, – говорит, – забирайте, я теперь более не имею права иметь его”. “Ты хоть скажи, в конце концов, что произошло?” – спрашиваю я его. Исроил медленно и тяжело рассказывает, какая беда свалилась на его голову, на нашу редакцию, какая страшная грубейшая ошибка была допущена в газете. Я сразу же понял, что повторно расспрашивать нет

смысла, настолько все было серьезно. Короче говоря, в докладе одного из крупных партийных руководителей того времени, посвященном очень важному партийному документу, вместо слова “hisdi” (на татском – «есть, имеется») в газете было напечатано “nisdi” (на татском – «нет, отсутствует»). Эта опечатка совершенно изменяла смысл сказанного, придавала ему обратное значение. Эта опечатка могла быть представлена как умышленно созданная, чтобы оговорить руководство партии и правительства. Время было непростое, совершившего такое могли тут же объявить врагом народа. Представьте себе: 1937 год, сколько даже самых крупных партийных деятелей были подвержены в то время различным репрессиям. Исроил был очень грамотным, политически подкованным работником, он прекрасно понимал, что подобные ошибки – непростительны. Кто-либо иной на его месте сразу же поторопился свалить вину за эту ошибку на кого-нибудь – на корректора, на наборщика, или на другого сотрудника редакции, чтобы как-то облегчить свою участь. Исроил, конечно, увидел мою серьезную озабоченность, он знал, что я ему весьма доверяю. Так как же найти какие-либо пути, чтобы вырвать его из этого капкана? Исроил вновь сказал: “Вся вина – на мне и только на мне. Я дважды прочел напечатанный доклад, дважды его редактировал и вносил правки, я подписал газету к печати. Ни один не виновен в этом деле, вся вина полностью лежит на мне”.

Таким образом, эту опечатку обнаружил сам Исроил, как только газета была в типографии отпечатана, но пока еще ни в одну официальную службу никто ничего не сообщал, все в подавленном состоянии ждали моего прихода, чтобы вместе со мной обсудить ситуацию, найти какой-либо выход из создавшегося положения. Но они все же успели сделать очень важное и необходимое дело: быстро прекратили печатание этого номера газеты в типографии, поставили охранять у тиража своего человека, чтобы никто случайно не забрал, и даже успели собрать обратно из газетных киосков, однако около сотни экземпляров найти уже не смогли. Эта работа несколько облегчала всю тяжесть ситуации...

Я быстренько отправляюсь домой, меняю свою военную одежду, забираю с собой один номер газеты и отправляюсь в ЦК партии. Захожу к заведующему отделом пропаганды. Это был невысокого роста мужчина, внешне со мной был в хороших отношениях, но

наши взаимоотношения были не очень добрыми. Рассказываю ему, что произошло, какая грубая опечатка была допущена в газете. Смотрю, как по мере моего изложения на его лице появляется ехидное выражение и даже радость, будто хочет сказать: “Ага, вот ты и попался!”

«Это грубейшая, недостойная коммуниста ошибка, - говорит он, — как может человек, преданный своей партии, вот таким образом поднять на нее руку? Это может сделать только враг народа. Так откровенно и бесстыдно дать пощечину одному из видных наших руководителей? Да за такие ошибки расстрелять следует. А мы так тебе доверяли».

Видимо, он решил, что эта опечатка произошла при моем участии, готов был уже меня просто “проглотить”, забыл, видимо, что я в это время находился на военных сборах. Я ему напомнил об этом, заново пересказал о том, что произошло, попытался разъяснить, что это случилось не намеренно, да и, кроме того, газеты были возвращены обратно. Он прямо расстроился от вновь услышанного, посидел, задумавшись, и затем произнес: “Я сообщу первому секретарю, посмотрим, что он решит”.

Я понял, что он так передаст первому секретарю, как ему выгодно. “Все, - подумал я, - он нас решил погубить. Лучше уж я сам решусь зайти к первому”. Приняв такое решение, я тут же захожу к первому секретарю республики, спокойно, не торопясь, рассказываю, что и как произошло. Объясняю, что на новом нашем латинизированном алфавите буквы “h” и “n” слегка похожи, да и слова “hisdi - nisdi” внешне не очень уж различаются, но смысл у них получается совершенно противоположный. Он немного владел нашим языком (первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафар Багиров был выходцем из Кубы, понимал язык горских евреев), сердито повторяя “исду – нисду”, вызвал к себе заведомо пропаганды. Тот, перепугавшись, как только вошел, тут же произнес: “Я только что рассмотрел это дело. Очень грубая ошибка, крупнейший поклев на руководителей партии, за это дело надо расстрелять”. “Да и тебя также, - сказал Первый, - ведь ты ответственный за все выходящие в Баку газеты». А затем сердито осведомился у меня относительно моего заместителя: “Что он за человек?”. Я подробно снова объясняю. Говорю о порядочности, преданности Исроила, очень хо-

рошей его работе и аккуратности, его внутренней чистоплотности. “Я перед партией, перед Вами ручаюсь за преданность Исроила не только сегодня, но и на будущее, и заявляю, что никогда у него больше такое не повторится”. Узнав, что газеты практически все были возвращены, он немного успокоился и сказал: “Раз так, газету ты сам теперь заново перечитаешь, подготовишь к выпуску и издашь за своей подписью. Но если подобное еще раз повторится, на меня далее не надейся. Давыдову за эту оплошность следует объявить строгий выговор”. Я, конечно, был весьма доволен тем, что именно так завершилась эта обрушившаяся на нас беда. Но все же я чуточку еще задержался в здании ЦК: пусть уж при мне будет напечатано и подписано постановление, чтобы я смог забрать с собой его копию. Я все-таки остерегался, что, если я сразу уйду, возможно, мнение вновь поменяется и все может произойти по-другому. Через полтора-два часа все формальности были завершены, прямо из ЦК звоню Исроилу, коротко сказал: “Я прямо сейчас еду в редакцию. Газету срочно заново подготовьте, передайте от моего имени в набор, приду, прочту, затем начинайте печатать. Не волнуйтесь, дело завершилось нормально”.

Возвращаюсь в редакцию, смотрю, все работники скопились в проходе, ждут меня, на лицах улыбки, будто страшнейшая тяжесть свалилась с наших плеч. Рассказываю им все, что произошло...

...Это происшествие послужило хорошим уроком для всех сотрудников и активистов редакции, работать стали с еще бóльшим рвением. Более всех был рад я от того, что сумел вытащить из страшной ситуации ни в чем невиновного преданного мне работника, моего друга Исроила. Конечно, более всех радовался сам Исроил, однако история с этой опечаткой в газете очень сильно повлияла на его самочувствие, ему все стало невмоготу. Даже после завершения всей этой истории он по-прежнему не мог прийти в себя из-за этой своей случайной оплошности. И это также происходило из-за его высокой порядочности. Прошло месяца два-три, и Исроил обратился ко мне с просьбой направить его на учебу в Москву в Институт журналистики. Конечно, мне было очень жаль отпускать от себя такого помощника, но, с другой стороны, обучение также было необходимо. Кроме того, я хорошо знал характер Исроила – ему нужно было время, чтобы выкинуть из памяти, позабыть это про-

исшествие. Так, в сентябре 1937 года Исроил Давыдов отправился на учебу в Москву.

После окончания института Исроил ушел на фронт, затем несколько лет работал на партийной работе, а после – редактором и переводчиком в “Азгосиздате”».

^{LIV} Мне в свое время пришлось провести изыскания по поводу прекращения изданий на языках малых народов страны. Эти исследования были связаны с вопросами выбора алфавита для языка горских евреев джуури. Привожу здесь результаты своих выводов, опубликованные ранее.

Как-то прошла фраза: «Главной целью сторонников смены алфавита в 30-е годы было стремление оторвать народы Кавказа от их религиозных корней» («Горские евреи: История, этнография, культура», под ред. В. Дымшица (М.: ДААТ/Знание, 1999, с. 366). Эта «привлекательная» фраза была подхвачена некоторыми учеными, не обратившими внимания на ее искаженную суть. Есть множество доказательств тому, что главной целью было повысить грамотность населения, дать народу образование в период крутых перемен, когда был страшный дефицит квалифицированных кадров, подготовить специалистов для народного хозяйства. Безусловно, важным моментом в политике советского политического руководства было вырвать народ из-под влияния духовенства. Но при чем тут разработка алфавита для тех народов страны, которые никогда ранее не имели своей письменности? Ведь известно же, что древнееврейский алфавит языка идиш в это время не менялся, так как большинство ашкеназских евреев страны были к тому времени довольно грамотными людьми, да и на этом языке имелось уже значительное количество художественной, научной, религиозной, искусствоведческой и другой литературы. Вот еще один довод, опровергающий фразу о «главной цели сторонников смены алфавита».

Да, культура советского периода была противоречива. Никто не отрицает того, что уже тогда разрабатывался жесткий контроль над духовной жизнью общества. В развитии культуры потому проявлялись как положительные, так и отрицательные явления. И в ее оценке необходимо соблюдение принципа объективности, исключение каких-либо идеологических пристрастий. Только в таком ключе

следует анализировать культуру советского государства тех времен.

Надо напомнить авторам той фразы о «главной цели смены алфавита», да и читателям тоже, как остро стоял вопрос достижения всеобщей грамотности в первые годы советской власти.

Когда критикуют советскую власть за то, что она с 1938 года прекратила учебу представителей малых народов на родном языке, надо сказать следующее. Послереволюционная Россия была безграмотной. Первоочередной задачей советской власти стала ликвидация безграмотности, так как срочно нужны были кадры для народного хозяйства. Надо было и детей и взрослых хотя бы просто научить писать. Было принято решение обучать детей в школах на их родном языке, на котором они думают. Стали создавать учебники практически на всех языках народов России, готовить преподавателей на всех этих языках, создавать соответствующие алфавиты для их письменности, если таковые ранее не имелись, и пр. и пр. Это требовало огромнейших трудовых ресурсов и финансовых затрат. Страна просто была не в состоянии выдержать такие бесконечные расходы на образование. Всего лишь за период 1920-1924 годов было налажено издание массовых букварей и других учебных пособий для взрослых более чем на 40 языках.

Нельзя же было, в конце концов, вести в одной стране обучение детей в разных школах на ста с лишним языках! Но это было грамотное решение. (Оно коснулось и нашего народа, но только с 1927 года, после проведения в Москве под руководством Н.К. Крупской Первого Всесоюзного съезда горских евреев по вопросам культуры.) Все это обучение по всей стране шло одновременно с изучением титульного языка той территории, где проживали обучающиеся. И в первую очередь государственного русского языка. Это называется обучением по компенсационным программам – пока не изучат необходимый язык. Когда был достигнут нужный эффект, то есть когда была достигнута необходимая грамотность, чтобы дети уже могли бы продолжать учебу на государственном языке, страна вздохнула от сумасшедших финансовых и материальных расходов. И с 1938 года были прекращены издания учебников, газет и книг на языках малых народов страны. В связи с этим были прекращены издания и обучение и на языке горских евреев. Но нам еще повезло: к государственным языкам Дагестанской АССР, помимо аварского, дар-

гинского, лезгинского, кумыкского, лакского, табасаранского и ногойского, был отнесен также и язык горских евреев. А потому только там, в Дагестане, продолжались для горских евреев и учеба для детей, и издание газет, журналов и книг на родном языке.

Все вышесказанное касается того, как в действительности подходили к вопросу создания алфавита для малограмотных народов страны.

Единственным существенным недостатком такого решения стало то, что было прекращено также и издание художественной, детской и иной литературы. А это следовало бы сохранить, чтобы не способствовать скорому исчезновению этих языков.

Вообще, в исторической литературе существует много, мягко говоря, неточностей относительно развития культуры, образования, языка и письменности нашего народа. Я опубликовал по этому поводу отдельный труд под названием «Критика современного состояния научной литературы о горских евреях» (Израиль: AzIz, 2014). Должен отметить, что в свое время Яков Агарунов обратился в редакцию «Краткой Еврейской Энциклопедии», изданной в Иерусалиме, по поводу приведенных в ней неточностей относительно истории нашего народа в тот период, в котором он сам принимал активное участие. Это письмо было опубликовано в указанной выше книге.

В электронной версии этой «Краткой Еврейской Энциклопедии» все замечания отца были учтены, а затем в дополнительном томе к «Энциклопедии» была дана и полная его биография.

^{LV} На страницах литературного альманаха «Мирвори» я опубликовал свои встречи с Самедом Вургуном. Я хорошо знал всех троих его детей, бывал у них дома. Первая встреча с ним произошла в помещении азербайджанской филармонии. Я учился тогда в 8-м классе. Самед Вургун вошел в зал, когда концерт уже начался. Я сидел рядом с проходом, и возле меня было свободное кресло. Он присел на это свободное кресло, слегка шепотом разговорился со мной, а затем спросил по-азербайджански, чей я буду. Я ответил по-русски, что я сын Якова Михайловича Агарунова. И тогда он с таким уважением сказал: «О, в моем партбилете стоит подпись твоего отца», и еще несколько теплых слов, и совсем не потому, что у отца такая должность, а просто из уважения к личности. Это же чувству-

ется по голосу, по интонации. Домой я шел окрыленный и рассказал отцу. Тот принял это просто. Он мне рассказал, что Самеда вообще-то в свое время не хотели принимать. Тогда-то я и узнал, у каких замечательных людей Азербайджана стоит подпись моего отца в их партийных билетах.

^{LVI} О своих встречах с корифеем азербайджанского музыкального искусства Узеиром Гаджибековым Яков Михайлович Агарунов подробно изложил в своих воспоминаниях о нем: 1) «Путь в партию: к 100-летию со дня рождения Уз. Гаджибекова», газ. «Бакинский рабочий», 1985, 13 августа; 2) «Гражданин, патриот, борец», Воспоминания о встречах с Уз. Гаджибековым, газ. «Вышка», 1985, 4 октября, с. 3.

^{LVII} На этом завершаются развернутые автобиографические записи Якова Агарунова в его архивной папке под названием «Моя автобиография».

Конечно, я как продолжатель его поисковых работ и издатель его творческого наследия смог бы дополнить их и последующими сведениями из его жизни и его деятельности после выхода на пенсию (он был персональным пенсионером союзного значения). Ведь он до конца своей жизни, а прожил он 85 лет, вел широкую общественную работу, являясь активным членом Наримановского райкома партии и Республиканского комитета революционной славы, возглавляемого легендарным Мусеибом Дадашевым, лично знавшим В.И. Ленина. Сохранились в архивах записи его выступлений на районных и республиканских партактивах, о его деятельности в различных комиссиях. Он активно выступал в республиканской прессе и публиковался в различных сборниках. Причем организаторы зачастую сами к нему обращались с просьбой поделиться воспоминаниями.

К Якову Агарунову с определенным вниманием относился и наш общенациональный лидер Гейдар Алиев. Именно в его период руководства Республикой Яков Агарунов удостоивается звания «Почетный нефтяник СССР», а затем и персональной пенсии союзного значения. За свою многолетнюю активную общественно-политическую работу Яков Агарунов дважды в свои юбилейные даты (1978 и 1988) был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Но это была бы уже не «его автобиография», а биография от имени исследователя его деятельности. Не знаю, успею ли я за оставшийся мне жизненный срок все это довести до публикации.

Но вот эта часть его автобиографии и довольно подробное описание в двух последующих книгах его трудовой деятельности как на ниве руководства нефтяной промышленности страны, так и в области развития культуры и просвещения родного народа, думаю, уже будут достаточны для того, чтобы сохранить в памяти народной сведения о человеке, который горячо любил свой народ и свою Родину и сделал немало для того, чтобы всегда помнили о нем.

Ко всему сказанному стоит еще добавить, что 100-летний юбилей со дня рождения Якова Михайловича Агарунова был широко отмечен публикациями в СМИ различных стран. А в Израиле, в городе Хадера, прошло торжественное юбилейное собрание, на котором было предложено увековечить память о нем на его родине – в Азербайджане.

Дорогой Отец!

Я исполнил твой завет, претворил в жизнь твою страстную мечту - издать словарь родного языка. Конечно, если ты успел бы осуществить эту мечту при жизни, он бы был гораздо интереснее, полнее и более грамотным, так как вряд ли в те годы нашелся бы человек более грамотный в родном языке и более совершенным в его знании и познании. Но то, что ты оставил в рукописях, я, невероятными усилиями дополнив, расширив и углубив его, издал этот труд, увековечив твое имя как первооткрывателя словарного запаса родного твоего языка всему миру. Это сильно отвлекало меня от выполнения публикаций своих научных знаний и открытий, но пусть уж этим займутся последующие поколения. Главное, чтобы твоя душа была спокойна, так как твой словарь увидел свет, и его увидели все горские евреи мира!

Я всегда очень любил тебя и люблю!

Твой сын Михаил.

Октябрь 2019 г., Москва

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
От составителя	8
Часть I	11
Часть II	63
Комментарии составителя	154

Яков Михайлович Агарунов

ВОСПОМИНАНИЯ

Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Гарнитура: Times New Roman. Объем 14 п.л.
Тираж 300 экз.

Издательство: «OL» ММС.
AZ 1009 Баку, ул. М.Ибрагимова, 43
Тел:(+994 12) 497 36 23
olnpkt@gmail.com